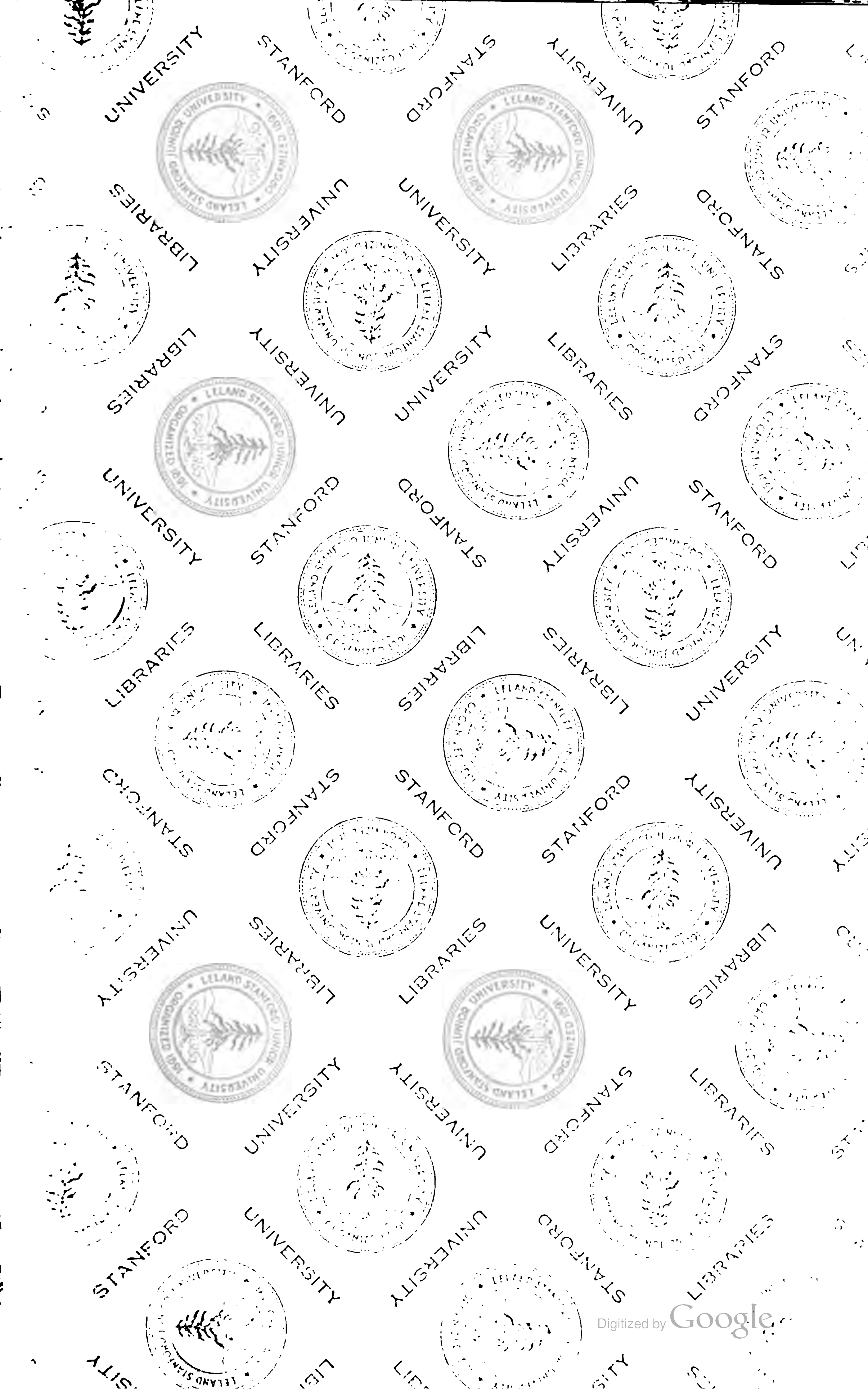

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ III

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27
1899

Оглавленіе.

Стран.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ III

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27
1899

Печатано по распоряженію Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ОТДѢЛЪ I.

Латышскія заимствованія изъ славянскихъ языковъ.

Какое значеніе имѣетъ изслѣдованіе заимствованій одного языка отъ другого, извѣстно всякому историку и филологу. Изученіе заимствованій латышскаго языка тѣмъ любопытнѣе, что языкъ этотъ до сихъ поръ довольно хорошо сохранилъ первичные звуки индоевропейскаго праязыка, и поэтому онъ является немаловажнымъ источникомъ для исторіи звуковъ сосѣднихъ германскихъ и славянскихъ языковъ, нерѣдко сохраняя заимствованныя слова въ ихъ первобытномъ видѣ, теперь уже измѣненномъ въ томъ языкѣ, изъ котораго они были заимствованы. Списокъ латышскихъ заимствованій изъ славянскихъ языковъ, правда, уже составленъ А. Брюкнеромъ (D. slav. Fremdw. im lit., 166—190), но онъ просто сопоставляетъ заимствованныя слова съ ихъ оригиналами, не дѣлая никакихъ выводовъ для славянской фонологіи, и въ большинствѣ случаевъ ничего не говоритъ о распространеніи отдѣльныхъ заимствованій среди латышей, а вслѣдствіе этого читатель получаетъ невѣрное представленіе о числѣ славянскихъ словъ, перенятыхъ латышами. Наконецъ списокъ его съ одной стороны не отличается полнотою, а съ другой—нѣсколько коренныхъ латышскихъ словъ, хотя авторъ поставилъ себѣ девизомъ слова «ne quid nimis»! Все это, надѣюсь, оправдываетъ появленіе настоящаго сочиненія послѣ работы Брюкнера, хотя, быть можетъ, и отъ меня ускользнули нѣкоторыя заимствованія.

Изъ всѣхъ славянскихъ народовъ только поляки и особенно русскіе въ историческое время имѣли и имѣютъ сношеніе съ латышами. Когда начались сношенія русскихъ съ латышами, намъ неизвѣстно; знаемъ однако по лѣтописямъ (ср. Keussler, D. Ausgang d. ersten russ. Herrsch. in. d. gegenw. Ostseeprov., Petersb. 1897), что уже до прибытія нѣмцевъ въ Ливонію русскіе имѣли сношенія, какъ съ другими племенами этого края, такъ и съ латышами. Послѣдніе платили дань сосѣднимъ русскимъ князьямъ (псковскому и полоцкому); нѣкоторые изъ этихъ князей даже постоянно жили среди латышскаго населенія (напр. въ Кокенгузенѣ), и даже православіе было принято латышами, какъ свидѣтельствуютъ хроника Гейнриха Латышскаго (XI 7) и христіанская терминологія латышскаго языка (ср. Mag. d. lett.—lit. Ges. XX 1, стр. 14 сл.). Однако на еще болѣе раннее знакомство съ русскими указываетъ латышское названіе русскихъ, слово—krêvi [1]). Брюкнеръ (стр. 166 и 175) производитъ

---

[1]) Я обозначаю здѣсь черезъ ê и ů соотвѣтствующіе литовскимъ ė и ů дифтонги *ia*, *ua*; буквы s, ś, z, ž, c, č, dz dž, v употреблены какъ въ латинской транскрипціи славянскихъ языковъ; ǵ, ḱ, l, ṅ, ŕ, обозначаютъ смягченія этихъ согласныхъ. Слогоудареніе, когда оно мнѣ извѣстно, обозначаю

это слово отъ польской формы «krewiczy», но простое e въ лат. языкѣ не переходитъ въ ё. Поэтому слово krēvi восходитъ къ р. «кривичи», а такъ какъ ı или ĩ тоже не переходитъ въ ё, то слово krēvi было перенято латышами еще въ то время, когда индоевр. дифтонгъ *ei* еще не измѣнился въ монофтонгъ у славянъ; то-есть, «krēvi» происходитъ отъ * kreivi, какъ напр. zēma отъ * zeima (гр. χεῖμα, р. зима), а если такъ, то этимологія имени кривичей (отъ слова «кровь»), предложенная Носовичемъ (Словарь бѣлор. нар. 737), невѣрна. Объясняется же такое названіе русскихъ (pars pro toto) тѣмъ, что кривичи были единственное русское племя, извѣстное латышамъ (ср. Журн. Мин. Нар. Просв. т. 309, стр. 73).—При завоеваніи Ливоніи нѣмцами, сношенія между русскими и латышами вполнѣ прекратились (за исключеніемъ сорубежниковъ), и даже послѣ 1721 года замѣтно не возобновились *). Только съ введеніемъ реформъ Александра III опять начинается усиленное вліяніе русскаго языка на латышскій: уже въ волостныхъ училищахъ дѣти обучаются почти всѣмъ предметамъ на русскомъ языкѣ, и начиная съ административныхъ, судебныхъ и полицейскихъ властей до желѣзнодорожныхъ служителей—всѣ говорятъ по русски. Не удивительно поэтому, если въ это короткое время уже начали проникать разные русскіе элементы въ латышскій языкъ, но такъ какъ этотъ процессъ еще не кончился, то я въ слѣдующемъ своемъ изложеніи этихъ заимствованій новѣйшаго времени не буду приводить. Кромѣ великорусскаго языка (Псковской губерніи) мы должны будемъ принимать здѣсь въ разсчетъ и нарѣчіе бѣлоруссовъ, живущихъ въ Витебской губерніи рядомъ съ латышами.—Гораздо меньше было вліяніе польскаго языка на латышскій; непосредственнымъ оно стало только съ 1562 года (нѣкоторыя польскія слова могли перейти въ лат. языкъ при посредствѣ лит. языка), когда Лифляндія была присоединена къ Польшѣ, и продолжалось приблизительно до 1629 года (начала шведскаго владычества въ Лифляндіи) за исключеніемъ латышей-католиковъ Витебской губерніи, подчиненныхъ и теперь еще въ значительной степени вліянію польскаго духовенства и дворянства. Вслѣдствіе этого, какъ указываетъ Брюкнеръ (стр. 206), ссылаясь на словарь Курмина (и приводя тамъ же примѣры), языкъ витебскихъ латышей довольно богатъ полонизмами; мнѣ, къ сожалѣнію, этотъ словарь былъ недоступенъ, а впрочемъ настоящая работа этимъ не много теряетъ, потому что (ср. слова Брюкнера тамъ же) эти полонизмы главнымъ образомъ только новообразованія недавняго

знаками ´, ˜, ˆ, о значеніи которыхъ ср. мое сочиненіе «über den lettischen silbenaccent» въ Bezzenb. Beitr. 3. Kunde d. idg. Spr. 1899 г.

*) Позволю себѣ указать на стоянки русскаго войска въ Лифляндіи и Курляндіи, на службу въ русскомъ войскѣ и флотѣ Латышей, ворочавшихся на родину, на значительныя поселенія русскихъ старовѣровъ въ Ригѣ и т. под., наконецъ на постоянное въ теченіе 150—100 л. пребываніе немногихъ Латышей въ Петербургѣ и въ Россіи и обратныя ихъ отъѣздъ на родину въ качествѣ. Этими путями несомнѣнно проникали русскія слова къ Латышамъ въ теченіе почти 200 лѣтъ. *Ред.*

времени [1]).—Не про всякое слово можно сказать, у какого славянскаго племени оно перенято, вслѣдствіе близкаго родства славянскихъ языковъ, и поэтому съ этой точки зрѣнія никакихъ подраздѣленій не дѣлаю. Точно также бываютъ случаи, когда нельзя на основаніи одного лингвистическаго матеріала рѣшить, перенято ли данное слово у нѣмцевъ или у славянъ; такіе случаи всегда буду отмѣчать.—Далеко не всѣ заимствованныя слова, конечно, одинаково распространены среди латышей, и поэтому считаю нужнымъ, хотя бы приблизительно, обозначать степень распространенія каждаго заимствованія. И такъ буду различать 1) слова общеупотребительныя (буквами comm.), 2) слова общеизвѣстныя, но простонародныя и въ литературномъ языкѣ безъ особенныхъ цѣлей не употребляемыя (буквами vulg.), 3) слова, извѣстныя лишь въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ (буквами dial.), и 4) слова, извѣстныя только въ пограничныхъ говорахъ (буквами conf.); особенно много заимствованій встрѣчаемъ (судя по словарю Ульмана) въ Опекальнѣ и среди витебскихъ латышей. Повторяю, что такое подраздѣленіе считаю только приблизительнымъ вслѣдствіе скудости данныхъ (основываюсь главнымъ образомъ на словарѣ Ульмана и на собственныхъ свѣдѣніяхъ); къ тому же и не всякое слово легко поддается такой классификаціи.—Группировать же буду всѣ слова по славянскому гласному начальнаго слога, потому что гласные этого слога въ лат. языкѣ, будучи всегда ударяемыми, особенно вѣрно сохраняютъ свой прежній характеръ, между тѣмъ какъ неударяемые гласные легче подвергаются измѣненіямъ. Группировку по культурнымъ понятіямъ считаю неудобною, потому что множество словъ очень трудно группировать съ этой точки зрѣнія, и другому не всегда легко отыскивать желаемое слово по такой группировкѣ; а цѣлямъ языковѣда она вовсе не соотвѣтствуетъ.—Слова, несомнѣнно произведенныя отъ первоначально заимствованной формы уже на латышской почвѣ, не буду приводить.—

Заимствованія въ лексической области. Славянское *a* передается 1) черезъ долгое *a*:

ālava (comm.), dial. также ālovice—яловица; относительно первой формы можно сомнѣваться, дѣйствительно ли она заимствована, но очень вѣроятно, что форма «ālovice» заимствована, такъ какъ она очень напоминаетъ русскую форму; и суффиксъ—ice довольно неупотребителенъ въ лат. языкѣ (ср. Biel. Lett. Spr. § 222).

bānīt(i)s (dial) блюдечко—п. bania, banka, р. банка.

bāvītēs (conf)—бавиться, лит. bovytis.

blāgs (conf.) слабый; худой—бр. благій, п. błahy, лит. blõgas.

[1]) Вслѣдствіе взаимныхъ сношеній и нѣкоторыя слова балтійскихъ языковъ были заимствованы славянами. Примѣры привели Миккола (Berr. Beitr. XXI 118—121), Брюкнеръ (стр. 23), Вольтеръ (Mitteil. d. lit. liter. Ges. II 308—309), Погодинъ (Arch. f. slav. Phil. XVII 634); еще другія слова (напр. глева, глѣвъ) въ словарѣ русск. яз. Академіи Наукъ считаются заимствованіями изъ лат. языка.

gánīt (comm.) позорить; гадить, ругать—бр. ганиць, п. ganić, лит. gonyti; въ пользу того, что слово это заимствовано, говоритъ нисходящее слогоудареніе слога gà—(ср. Saussure, Mém. de la soc. deling. VIII, 431).

grāmata (comm.) книга, письмо-грамота, лит. grōmata; grāmatnēks (comm.)—грамотникъ.

kāļ ū t (dial., въ Курл.) порицать—лит. kõlioti, п. kalać; относительно значенія ср. глаголъ gànīt.

kàpusti (comm.)—капуста, лит. kopū̊stai; это слово можетъ быть перенято и у нѣмцевъ, ср. ср.—врх.—н. kappus и прусскій провинціализмъ kapuste (Frischbier, Preussisches Wörterbuch).

krāsa (comm.) краска—краса, лит. krosa (krõsyti): krāsns (въ словарѣ Стендера) или krāšns (dial.)—красный (прекрасный); относительно перехода s въ š ср. псковскія формы «шпашибо», «шяштра» (Соболевскій, Опытъ русской діалектологіи I 30).

lāska (conf.) милость—бр. ласка, п. łaska, лит. loskà.

māni (comm.) обманъ—бр. мань, мана, лит. mõnai. mānio (dial.) обманщикъ—бр. мань; mānīt (comm.) обманывать—манить, лит. mõnyti.

pāsma (dial.)—пасмо, п. pasmo, лит. põsmas.

pàtaga [3]) (comm.) плеть—батогъ, п. batog, лит. botāgas.

pāčka (conf.) коробочка—пачка, п. paczka.

pàvs (comm.)—павъ, п. paw', лит. põvas; это слово можетъ быть заимствовано также изъ нѣмецкаго языка.

prāva (comm.) тяжба—п. prawo, лит. provà; prāvēt (dial.) исправлять—править, лит. prõvyti; тотъ же глаголъ (съ тѣмъ же значеніемъ) является и въ болѣе позднемъ видѣ съ ă: pravīt (dial.).

prāmis (comm.) или rāmis (dial.)—прамъ (поромъ); отпаденіе *p* въ началѣ слова слѣдуетъ приписывать вліянію ливскаго или эстонскаго языка.

sāņus (въ грамматикѣ Адольфи)—сани; болѣе поздняя форма—saņas (dial.)—санки и šankas (dial.)—санки.

skāters и skāterītis (dial.) одежина—скатерть.

slābs (comm.)—слабый (?).

stārasta или stārasts (vulg.)—староста.

stràdât (comm.) работать—страдать (ср. страда, страдовать); stràdnēks (comm.) работникъ—страдникъ.

svāts (conf.)—сватъ, лит. svotas; svātūt (conf.)—сватать; svāčao (conf.)—сватьи, бр. свацця.

---

[3]) Звучные согласные въ лат. языкѣ спорадически перешли въ соотвѣтствующіе отзвучные, напр.: bekas—pekas, budele—pudele, grabažas—krabažas, guzakuz—a, dusêt—tusêt, dranis (нѣм. Drohne)—tranis, лит burnà—лат. purna, лит. glébys—лат. klépis; иногда видимъ противоположное: tesmens (лит. tešmu)—desmens, kriška (р. крышка)—griška, нѣм. Planke—лат. blanka и др.; ср. также Брюкнера (стр. 56 сл.) и Geisler, Litauische Studien (стр. 53 сл.).

trăpît (comm.)—трафить, бр. трапиць, лит. trõpyti; trăpîtêo (vulg.)—трафиться, бр. трапицьца.

tvăraka (dial.) творогъ—п. twaróg (или ср.—нѣм. tvark?).

văbît (dial) призывать—вабить.

văpêt (comm.) муравить—вапить; văpe (comm.) мурàва—вапа.

čăpat (comm.) тяжеловато двигаться, ползать—бр. чапацьца; о заимствованіи свидѣтельствуетъ звукъ č, который въ началѣ слова никакъ неможетъ соотвѣтствовать русскому *ч*.

zàbaks (comm.)—сапогъ, лит. sopãgas; о переходѣ *s* въ *z* и *p* въ *b* ср. прим. 3 и Брюкнера, стр. 54.

zăpasts или săpasts (conf.)—запасъ, лит. zopõstas.

Сюда же относятся и тѣ рѣдкіе случаи, что на мѣстѣ славянскаго *a* является двугласный ů; они объясняются именно тѣмъ, что долгое *a* въ восточныхъ говорахъ лат. языка иногда переходитъ въ дифтонгъ ů (-*oa* или *ua*; ср. Bezzenberger, Lettische Dialekt—Studien, стр. 84 сл.). Мнѣ извѣстны слѣдующіе примѣры:

kůžna (dial., Руенъ) запасъ—казна; вѣроятно и форма kůša (съ тѣмъ же значеніемъ) представляетъ собою измѣненіе того же слова.

půnis (dial.) господинъ—бр. панъ, п. pan, лит. põnas.

půrs (conf., Витебскъ)—паръ.

Сюда же наконецъ относились бы приводимыя Брюкнеромъ слова: bãba (comm.)—баба, лит. bòba; lâva (comm.) полокъ, спальная скамья—бр. лава, лит. lóva; sădža или sădžus (dial.) литовская деревня—бр. садзиба, лит. sodžius, jůma (dial.) глубь, проливъ—яма; но нѣтъ рѣшительно никакого повода считать эти слова заимствованными изъ славянскихъ языковъ (слово sădža заимствовано изъ лит. языка); тому даже противорѣчитъ или слогоудареніе (bãba, лит. bòba, срб. bȁba; чешс. bāba; lâva, лит. lòva) или различіе значенія (jůma—яма; притомъ jůma встрѣчается и въ говорахъ, незнающихъ перехода ā въ ů). Точно такъ же и слова sůdēji, sůdrèji, sůdri (comm.)—сажа, п. sadza, лит. sůdžiai, никакъ не заимствованы латышами: этому противорѣчатъ дифтонгъ u, правильно соотвѣтствующій славянскому a (какъ напр. въ dût—дать отъ √dō) и встрѣчаемый также въ среднемъ (литературномъ) нарѣчіи, и согласный d (√sōd—отъ sēd.).

2) черезъ короткое *a*:

aba (dial.) или apa (dial)—або.

arůds (dial.) хлѣбный закромъ—бр. арудъ, лиг. aru das.

balamŭte (comm.) болтунъ—баламутъ, лит. balamu tas.

badraks (conf.)—батракъ.

barašk̆as (conf.)—баранки (крендельки); слово это несомнѣнно заимствовано, хотя не знаю точно соотвѣтствующей славянской формы.

baraninš или bareninš (dial.)—баранчикъ.

branīt (dial.)—бранить.

cacis (dial.), также čačis, ceci, cecas (dial.) дѣтская игрушка—чеча, цаца, п. caca.

čaja (dial.)—чай.

čaŕka (vulg.)—чарка.

draka (dial.)—драка; того же происхожденія вѣроятно и dracka или dracis (dial.) шумный споръ.

kalači (conf.)—калачи.

kalīte (dial.) кожаная сума—калита.

kapata (dial.)—капотъ, п. kapota (или изъ нѣм. Capot?).

kapliče (dial.) погребальня—каплица, лит. kaplyčė.

kapràlis (comm.)—капралъ.

karbača (dial.)—карбачъ, лит. karbačius.

karīte или karēte (comm.)—карета, лит. karètà.

kaŕmańčiks (vulg.)—карманчикъ.

kazaks (comm.) или kazèks (dial.) волостной посыльничій—казакъ; kazačka (dial.)—казачёкъ (пляска).

kazarma (comm.) или kazarmis (dial.)—казарма.

kacens (comm.) или kacans (dial.) кочерыга—качанъ (кочанъ), п. kaczan; переходъ č въ c объясняется цоканьемъ въ Псковской и Витебской губерніяхъ (Соболевскій, Оп. русск. діал. I, 30 и 74).

kraucs (conf., Вит.) портной—бр. кравецъ, п. krawiec.

lapčas или lapšas (dial.)—лапти.

malavāt (conf. Вит.)—малевать, п. malować.

mańirka (dial.)—манерка.

naimītis (conf.) наемникъ—бр. наймитъ.

palāte (dial.)—судебная палата.

palatka (dial.)—палатка.

palīt (dial.)—палить (стрѣлять).

papuška или papušk'is (dial.)—папушка (табаку).

pasports (dial.)—паспортъ.

pazuka (vulg.)—пазуха; звука ch въ лат. языкѣ нѣтъ, и поэтому русское *х* передается черезъ *к*.

paščuks (conf., Вит.)—пастухъ.

praci (dial.) дѣла—бр. праца, п. praca.

rabata (dial.) работа; rabotnēks (dial.)—работникъ.

raja (conf.)—рай.

ranica или ranice (comm.)—ранецъ; о переходѣ неударяемаго русск. *е* въ *i* ср. Соболевскаго, тамъ же, стр. 29 и др.

razbalnēks (vulg.)—разбойникъ; встрѣчаются также формы rezbalnēks

и rezbavība (dial.)—разбойничество, въ которыхъ *a* перешло въ *e*, благодаря вліянію сосѣдняго *r* (ср. Брюкнера, стр. 43) [4]).

sads (conf.)—садъ.

sažens (comm.)—сажень.

slava (comm.)—слава, slavēns (comm.)—славный (славенъ), neslava (comm.)—неслава; слово это однако общеупотребительно и вѣроятно уже давно извѣстно латышамъ, поэтому не исключена возможность, что лат. slava не заимствовано, но прямо соотвѣтствуетъ р. слово, гр. κλέος, скр. çrâvas (ср. глаг. slu-dinât гласить и лит. šlovė—слава.

stakans (dial.)—стаканъ.

stancija (comm.)—станція.

starâtēs (vulg.)—стараться.

staravers (dial.)—староверъ.

starśiņš (dial.)—волостной старшина.

šablis (dial.) сабля—бр. шабля.

šalderis или žalbērs или žalburs (всѣ dial.) вертопрахъ, шалунъ—шалберъ, бр. шалдыга, лит. šaldras (о переходѣ š въ ž ср. прим. 3; въ говорахъ гдѣ ā переходитъ въ ō, вмѣсто žalburs встрѣчается и форма žolburs); šaldi—baldi (dial.) по-дурацки—бр. шалы-балды [5]).

šarts (dial.) шутка—бр. жартъ, п. žart (о переходѣ ž въ š ср. прим. 3).

špala (dial.)—шпала.

švanītēs (conf., Вит.)—чваниться; относительно перехода č въ š ср. русскую діалектическую форму «што».

tačka (dial.)—тачка.

vargans или vargana (dial.)—варганъ, лит. vargōnai.

gvalte (conf.) насиліе—гвалтъ, лит. gvāltas.

zaplava (dial.)—заплавь.

zalaks (dial.)—залогъ.

zastava или zestava (dial.)—застава.

znakums (dial.)—знакомый.

značka (conf., Вит.) записка—значёкъ.

zak'is (comm.)—заяцъ, бр. зайка, лит. zuĩkis; по всей вѣроятности это слово заимствовано, хотя нѣтъ точно соотвѣтствующей славянской формы.

želavaine (dial.)—жалованье; о переходѣ *a* въ *e* ср. прим. 4.

---

[4]) Приведу еще другіе примѣры подобнаго перехода: grazns-grezno, brangs—brengs, sari-seri, ragavas-regavas, sarma-serma; но и въ сосѣдствѣ другихъ согласныхъ изрѣдка встрѣчается тотъ же переходъ: aèlksnis—elksnis, vaēgs—veīgs, zastava-zestava, žagus-žegus и др.

[5]) Послѣ *l* и *n* и въ другихъ заимствованныхъ словахъ изрѣдка вставляется d, напр.: dalderis—н. Thaler, mālderis—н. Maler, dēnderis (рядомъ съ dēneris)—н. Diener.

šlekts (dial.) чистокровный — восходитъ очевидно къ лит. šlėktas (п. szlacàta).

Изъ лит. языка (čėdyti) вѣроятно взято и слово čedīt или cēdīt (dial.)— щадить; а слово reñte (comm.) «аренда» не взято изъ русскаго (бр. ранда, лит. randà), но изъ нѣмецкаго языка (Rente или Arrénde).

Брюкнеръ приводитъ еще: čaba (dial.) лягушка—бр. жаба; drava (comm.) или dreve (dial.) пасѣка—бр. доробъ (!); kabata (comm.) карманъ – бр. кабатъ; laidaks или laiduks (dial.) лѣнтяй—бр. лайдакъ, п. łajdak, лит. laidõkas; pakulas (comm.)—пакля, бр. пакулле; paparde (comm.)—папороть (папоротникъ), лит. papàrtis. Но при сопоставленіи словъ čaba и жаба друдно объяснить появленіе č вмѣсто š въ лат. языкѣ (развѣ спорадическимъ появленіемъ звука *дж* вм. *ж* въ нѣк. русскихъ говорахъ и тѣмъ, что сказано въ прим. 3; но это довольно невѣроятно); drava (dreve), лит. drãvis (drẽvis) не сближаются, ни формально, ни по значенію, съ бр. доробъ [6]); kabata и бр. кабатъ въ своемъ значеніи не имѣютъ ничего общаго, и поэтому я вполнѣ согласенъ съ Биленштейномъ, производящимъ (Lett. Spr. I 275) слово kabata отъ V¯kab—(kabinât—вѣшать, лит. kabė́ti—висѣть), какъ adata отъ adît, drupata отъ drupt, alkata отъ alkt (ср. еще žagata, lupata, lamata, plukata, stēpats и др.); р. лайдакъ и п. łajdak уже своимъ дифтонгомъ *ai* возбуждаютъ подозрѣніе, что они заимствованы, а именно изъ лит. языка; какъ вѣрно уже высказался Потебня (ср. Mitteil. d. lit. liter, Ges. II 308), а поэтому и лат. laidaks или вовсе не заимствовано, или заимствовано изъ лит. языка, точно также и слова р. пакля, бр. пакулле, п. pakuły Миккола (Bezzenb. Beitr, XXI 121) очень правдоподобно считаетъ заимствоваными изъ леттскихъ языковъ, а не наоборотъ. Что-же касается словъ paparde, лит. papártis, то мнѣніе Брюкнера, будто бы они были заимствованы изъ слав. языковъ, ничѣмъ не оправдывается. Брюкнеръ производитъ и слово rūnît (comm.) «холостить» изъ русск. языка (ранить, лит. ronyti); но переходъ а въ ū невѣроятенъ.

Остается еще одно очень распространенное и старое заимствованіе, въ которомъ русскому *а* соотвѣтствуетъ долгое *е*:

žēl (comm.)—жаль, žēlabas (comm.) сѣтованіе —жалоба, žēlastiba (comm.)— жалость; если ă здѣсь не перешло въ ē на латышской почвѣ (подобно тому, какъ ă въ ĕ въ словѣ želavaine), то «žēl» восходитъ къ русскому * жѣль (то есть: «žēľi), къ формѣ, которую мы очевидно должны предполагать для «жаль», и которая происходитъ отъ славолеттскаго корня gēl—,который имѣется еще въ латышскомъ словѣ neģēlis «мерзавецъ» (собственно-безжалостный?). Изъ всего этого видно,

---

[6]) Если припомнимъ, что drava (лит. drãvis) собственно – дерево съ дупломъ, занятымъ пчелами (р. пчельнище), и что теперь еще въ лат. яз. улей (пасѣка) называется также просто kũks, kuciņš, kũcis (т. е. дерево, деревцо), то становится очень вѣроятнымъ, что drava и лит. drãvis восходятъ къ корню dru- или dreu (скр. dru, ц.-сл. дръва, дръколъ. гр. δρῦς, δρῦτομος. гот. triu), ср. Fick, Vergl. Wörterb. [4] I стр. 68.

что лат. žēl несомнѣнно заимствовано, хотя Брюкнеръ вовсе не приводитъ этого слова. Съ такимъ же (но несомнѣнно позднимъ) переходомъ русскаго *а* въ лат. ē имѣется еще одно заимствованіе cēški (conf., Вит.) — часто.

И такъ мы видѣли, что славянскому *а* соотвѣтствуетъ въ лат. заимствованіяхъ не только короткое, но и долгое *а*, и это долгое *а* встрѣчается какъ разъ особенно въ самыхъ употребительныхъ (значитъ, старыхъ) заимствованіяхъ; поэтому мы должны полагать (ср. также F. Schmidt, zur Gesch. d. idg. Vocalismus II 165 сл.), что эти слова съ долгимъ *а*, по крайней мѣрѣ отчасти, были переняты у славянъ еще въ то время (это произошло отчасти навѣрно уже до 1200 года), когда славяне сами еще произносили долгое *а*. Конечно, не всѣ заимствованія съ долгимъ *а* восходятъ къ столь давнему времени: нужно именно принимать въ расчетъ, что въ русскомъ языкѣ гласные подъ удареніемъ дѣлаются долговатыми.

Русское *я* передается чаще всего черезъ ē:

g r ē d a или grãda (dial.) — гряда, также куча (maẽkas grēda — дровяница); grēds (dial.) планка — грядка.

j ē r m a k a (dial.) — ярмарка.

p r ē s t или sprēst [7]) (dial.) — прясть; sprẽslice (dial.) — пряслица; ă является въ pralka (dial.) — прялка.

m ē t r a (comm.) — мята, лит. mė́tà; dial. также meñtra — п. mięta.

r ē d e s (dial.) шоры — рядъ (ср. п. konskì rząd), лит. rėdas; rēdīt (dial.) привести въ порядокъ, выдать замужъ-рядить (ср. рядное, рядная запись), лит. rėdyti.

s t ē g s или stẽga (dial.) — стягъ (пика, шестъ).

s v è t s (comm.) — святой; svètki (comm.) праздникъ — святки; svètīt (comm.) — святить.

tēgãt (dial.) изслѣдовать — тягаться?

Остаются примѣры передачи *я* черезъ ă или ĕ:

s p r ã d z e (comm.) — пряжа, пряжка; но sprâdze (comm.) «замо́къ» не имѣетъ (какъ показываетъ также слогоудареніе) ничего общаго съ р. пряжа; о начальномъ s ср. прим. 7.

j e r m u l n a (dial.) шапочка жидовъ — п. jarmurka.

p e t a k s (vulg.) или petuks (dial.) — пятакъ.

При передачѣ русскаго *я* черезъ *е* нужно принимать въ расчетъ, что въ русскихъ говорахъ неударяемое *я* произносится какъ *е*.

Славянское о (ё) передается 1) черезъ ă:

a b ł a v a (conf.) — облава, п. obława.

a g u r k̄ i s (dial.) огурецъ — п. ogórek, лит. agur̃kas.

a ẽ v a (comm.) или alvs (dial.) — олово, лит. alvas (?).

---

[7]) Латышскія (особенно заимствованныя) слова, начинающіяся съ k, p, t, нерѣдко получаютъ еще впереди звукъ s.

ártavs (въ библіи) лепта—п. ort, лит. ortas.

atàls (comm.)—отава, п. otawa, лит. atolas (ср. Bezzenb., Lett. Dial.-Stud. 20, прим. 4).

atstaŭka (vulg.)—отставка.

bagaturis (въ нар. пѣснѣ изъ Лубана, въ изд. Барона и Виссендорфа № 3858,1) богачъ—богатырь.

bajàrs (dial.) знатникъ, дворянинъ—бояринъ, лит. bajõras,

baravīka (dial.)—боровикъ, лит. baravỹkas.

barkšḱis (dial.) или съ развившимся на лат. почвѣ долгимъ гласнымъ bārkšḱes (dial.)—борщъ, борщевикъ, лит. barščiai; относительно перехода ă въ ā передъ r ср. напр. Kārlis изъ нѣм. Karl, и др.

bačviņš или bačiņas (dial.)—ботвинья, бр. боцвинне, лит. batvynyo.

baznîca (comm.) церковь—божница, лит. bažnyčе; о значеніи слова «божница» ср. Mitt. d. lit. liter. Ges. II 310.

braga (dial.) кровелька надъ сѣннымъ стогомъ—п. bróg.

čabas или čabatas (vulg.)—чоботы (чёботы).

dabût (comm.)—добыть.

galava (dial.)—волостной голова; dial. также; goloviča.

gaspaža (vulg.)—госпожа.

gatavs (comm.)—готовый, лит. gãtavas.

gavêt (comm.)—говѣть; gavènis (comm.) постъ—говѣніе.

gašḱis (dial.)—гость; dial. также съ о: goste—гостьба.

grasîtês (comm.)—грозиться, лит. grasinti; вѣроятно заимствованъ и глаголъ grezût (dial.) «грозить», съ *а* въ *е* послѣ *r*, какъ напр. въ rezbainêks—разбойникъ.

kaĺada (dial.) шумъ; шумная шайка—коляда.

kalata, kalote, kalatka, kalotka (всѣ dial. или conf.)—колода, колодка (нѣм. Leisten, Fussblock.).

kalpaks или kalpaka (dial.)—колпакъ, лит. kalpokas.

kałps (comm.) батракъ—холопъ.

kaltûns (dial.)—колтунъ, п. kołtun.

kanepe (comm.)—конопля, ср. Брюкнера, стр. 89, прим. 81.

kanevals или kanevalgs (dial.)—коновалъ.

kaňčuks или kaňčuka (vulg.) ременная плеть—бр. кончукъ, лит. kančiùkas.

kapeîka (comm.)—копейка.

kapêt (conf., Вит.)—копить.

kapa или kaps (dial.)—копа (60), лит. kapà.

kapcs, kapčis, kapče (dial.)—копица, бр. копéцъ, род. п. копцà; въ другихъ говорахъ является *и* вмѣсто *а*: kupača, kupice, kupucis, что объясняется, можетъ быть, переходомъ неударяемаго *о* въ *у* въ русскихъ говорахъ, напр. Витебской губерніи (ср. Соболевскаго, тамъ же, стр. 75).

karmīt (dial.) кормить; dial. также *o*: kormīt.

karūgs (comm.) знамя—хоругвь.

katica или kartica (dial.)—котцы; о вставленномъ *r* ср. Брюкнера, стр. 59 сл.

kasters (conf; Вит.)—костерь.

kasučka (dial.)—косушка (мѣра).

kašelis (dial.) или kašele (dial.)—кошель (мѣшокъ); въ Оппекальнѣ также съ *o*: košulis.

katls (comm.)—котелъ (или ср.-н.-нѣм. kotel?); katlers (conf., Вит.)—котляръ.

kažūks (comm.) или kažuks (dial.)—кожухъ.

kavāt (dial.) хранить—ховать, п. chować, лит. kavóti; Брюкнеръ приводитъ еще изъ словаря Ульмана форму kāvāt, взятую изъ сочиненій Кронвальда, но это—источникъ ненадежный, а приводимый Брюкнеромъ глаголъ kavēt (comm.) медлить, мѣшать, уже по значенію своему не имѣетъ ничего общаго съ р. ховать, п. chować.

klanīt (comm.)—клонить; klanītēs (comm.)—клониться (?).

klapata (vulg.) или klapasta (dial.)—хлопота; klapatāt (vulg.)—хлопотать.

klapacis или klapča (dial.) мальчикъ, слуга—хлопецъ, лит. klapčius: въ нѣк. говорахъ является *o*: klopčis, klopča, klopčka, klopšiks, или даже *e*; klepča.

kralīt(i)s или kraliņš (dial.)—кроликъ.

kvars (conf.)—хворый.

laža (dial.) каменная скамья около печи для спанья и сидѣнья—ложе; lažńa (dial.) импровизированная постель.

kravata (dial.)—старая кровать.

lavit (dial.)—ловить, lavītēs (dial.)—подстерегать.

magaričas (vulg.)—могорычъ.

malacis (vulg.)—молодецъ.

mašelnēks (dial.)—мошельникъ (мошенникъ).

nazis (comm.)—ножъ (?).

padoska (dial.)—подоска.

pagadi (dial.)—погода.

pagasts (comm.) волость—погостъ.

pagrabs (comm.)—погребъ.

pakmels (conf., Вит.)—похмелье.

pakoiniks (conf.)—покойникъ.

pakuta (dial.)—покута; pakutniks (dial.)—бр. покутникъ.

palags (comm.) простыня—пологъ, лит. palagas.

pałkavnēks (comm.)—полковникъ; dial. также pulkavnēks.

paminkas (conf., Вит.)—поминки.

paràds (conf., Вит,) совѣтъ—бр. порада.

paskani или paskaňas (comm.)—посконь.

pastalas (comm.)—постолы.

pastruńkis (dial,) плеть—бр. постронокъ, п. postronek.

patješkas, pataškas, paḱiškas, pakīši, paḱītes (dial.)—подтяжки.

pažags, pažaga, pažūgs (conf., Вит.) кочерга—пожогъ, п. ożóg?

pažičēt (conf., Вит.) ссудить—п. pożyczyć лит. žyčyti.

pavada или pavads (comm.)—поводъ (борозда).

pavàrs (comm.)—поваръ; pavārnica (dial.)—поварница.

prasts (vulg.) грубый—простой; dial. также съ *o:* prosts.

prakvasts (vulg.) негодяй—прохвостъ.

raks (dial.) срокъ—бр. рокъ, п. rok, лит. rākas.

rasals или rašuls (dial.) разсолъ—бр. росолъ, лит, rasālas.

saldačka (conf., Вит.)—солдатка.

skavārds (conf., Вит.) сковородникъ (вертелъ)—сковорода; skavārdnice (conf.)—сковорода.

smatrus или smatra (dial.)—смотръ; smatrīt (dial.)—производить смотръ.

staika (dial.) шинокъ—стойка; dial. также съ *o*: stoika.

strajas (dial.)—строй; caŭr strajàm dzīt—прогнать сквозь строй; dial. также съ *o:* strojas.

svabads (dial.)—свободный.

šaras (dial.)—шоры.

tar̃ba (comm.)—торба, лит. tarba.

tavariča (dial.)—товарищъ.

vatka (dial.)—водка; dial. также съ *o*: votka.

valaks или valaka (dial.)—волокъ, лит. valaka.

valacītēs (conf,)—волочиться.

val'a (comm.) досугъ—воля (?).

važa (dial). поводъ, цѣпь—вожжа,

zvans (comm.) колоколъ—звонъ, лит. zvānas; zvanīt (comm.)—звонить, лит. zvānyti.

2) черезъ ŏ:

Кромѣ уже приведенныхъ словъ, въ которыхъ ŏ чередуется съ ă, сюда еще относятся:

bo (conf.) ибо—бр. бо, п. bo.

bobuls (conf.)—бобыль.

drobuškas (conf.) крошки—бр. дробочки.

korniks (dial.)—кормникъ (кормчій).

koč (dial.) хотя—бр. хоць; Брюкнеръ относитъ сюда также kaũću (kautšu) и Мюленбахъ (въ Teikums, стр. 101) даже kaũt (comm.) «если бы» (латинское utinam), «хоть бы»! противъ этого говорятъ слогоудареніе и различіе значенія и формы: изъ славянскаго *o* здѣсь никакъ не могло произойти

лат. aû (ничего похожаго на это нѣтъ), и потому kaûtu kaûtšu нужно пока считать коренными латышскими словами.

k o z a (dial.) скорлупа, струпъ, сухая кора—кожа; относительно перехода ž въ z ср. псковскія формы: музикъ, сазалъ и др. (Собол., тамъ же стр. 30); въ нѣкоторыхъ говорахъ является ŭ: kuza.

koš, koš! (въ другихъ говорахъ также kuž, kuž!) слова, употребляемыя, когда приласкиваются къ лошади,—лит. koš, koš, п. koś; отсюда произведено дѣтское слово košiń̄š (dial. также kuža) лошадка—бр. кося.

k r o p a s (conf.)—кропъ.

m o ž (dial.) можетъ быть—бр. може, п. może.

k o m n a j s (dial.) чарка водки—темнуха (темное?).

o b o z e (dial.)—обозъ.

o b r a z s (dial.)—образъ (н. Heiligenbild).

o b r o k s (dial.)—оброкъ.

o b a d s (conf.)—ободъ.

o b a ž ā t (conf.) издѣваться, насмѣхаться—обажати.

p l o t n ē k s (dial.)—плотникъ.

p o ľ a k s (dial.)—полякъ, п. polak.

p o p a (dial.)—попъ (игрушка); pops (dial.) волостной голова—попъ.

p o r i c a (dial.)—порица.

p r o š a v a (conf.)—прощаніе.

s t o l e r s (conf., Вит.)—столяръ.

s t r o ž a (vulg.) приказчикъ—п. stróž; dial. также: straža.

t o l k s (conf.) совѣтъ, помощь—толкъ.

t o l m ā t (conf.) понимать—толмить.

t o p n i c i (dial.) церковная кружка—топница, лит. topnyčė.

t r o i k a (dial.)—тройка.

ž o l n e r s (dial.) солдатъ—п. żolnierz, лит. žialnērius.

3) черезъ ŭ:

b u l v ā n s, bulāns, bulēns (dial.) чучело—болванъ.

g r u m a d a или grumata (dial.) совѣщательное собраніе—громада, лит. grumadas.

k u r̃ t s (comm.) борзая собака—хортъ, лит. kùrtas.

l u ǵ i s (dial.)—лодья; luǵinēks (dial.)—лодейникъ.

p l u t s (dial.)—плотъ.

s t u l b s или stulps (dial.)—столбъ, столпъ, лит. stulpas.

t u ł k s (comm.) толмачъ—толкъ, лит. tulkas.

t u l p ī t ē s (dial.)—толпиться.

ž u ł t s (comm.)—жёлчь, п. żółć.

4) черезъ ů:

r ū̊ t a (comm.)—рота.

p ū̊ l i s (comm.)—полякъ, п. polak (ср. Pol-ska!); относительно перехода

о въ *и* ср. русскія діалектическія формы: вуолъ, мюодъ и др. (Соболевскій, тамъ же, стр. 91 сл.).

Остаются еще рѣдкіе примѣры совсѣмъ неправильной передачи русскаго *о*:

nesilkas (dial.)—носилки; гласный *е* возникъ вѣроятно вліяніемъ глагола nest «нести».

zelts (comm.)—золото (?).

nā̆ša (conf. Вит.) водоносное коромысло—ноша.

vaizdiks (dial.) «гвоздика» восходитъ прежде всего къ лит. gvaizdikas (съ *ai* вм. *a* изъ žvaigzdė?)

Въ латышскомъ среднемъ (литературномъ) нарѣчіи нѣтъ гласнаго *о*, и поэтому, какъ мы видѣли, славянское *о*, обыкновенно передается черезъ *ă*. слова съ *ŏ* принадлежатъ такимъ лат. говорамъ, которые имѣютъ гласный о Если же вмѣсто русскаго *о* является *ŭ*, то въ общеупотребительныхъ словахъ (напр. kur̃ts tuľks) это *ŭ* вѣроятно восходитъ еще къ русскому ъ (хъртъ, тълкъ); а въ болѣе позднихъ заимствованіяхъ это *ŭ* вѣроятно объясняется произношеніемъ неударяемаго *о* какъ *у* въ нѣк. русскихъ нарѣчіяхъ.

Брюкнеръ считаетъ заимствованными и слѣдующія слова (съ славянскимъ *о*): bagâts (comm.) богатый, лит. bagȍtas; bass (comm.) босой, лит. bā̆sas; da (dial.) до, лит. da- [8]); daba (comm.) нравъ, природа—бр. доба, лит. daba, dàrgs (comm.) дорогой; gads (comm.)—годъ; gadîtês (comm.) случаться—бр. годзицьца, лит. gādytis; gādât (comm.) доставать, хлопотать—бр. годзиць; kārtât (dial.) лупиться—бр. коротаць; kaza (comm.)—коза; prasît (comm.) спросить, требовать—просить, лит. prašýti; lâpsta (comm.)—лопата; radi (comm.)—роды, родственники, radît (comm.) создавать—родить; salms (comm.) соломина—солѡма (ср. срб. слама, чешс. slama); sams (dial.)—сомъ, лит. šāmas; pluta (dial.) мясо, кожа, кишки—плоть (ср. ц.—сл. плъть); pulks (comm.) толпа—полкъ (ц.-сл. плъкъ); skur̃bt (comm.) сдѣлаться хмельнымъ—скорбѣть (ц.-сл. скръбь). Но мнѣніе Брюкнера ничѣмъ не оправдывается: ничто не мѣшаетъ намъ полагать, что это все коренныя латышскія слова. Слово pagâns (comm.) «язычникъ» могло войти въ составъ лат. языка также при посредничествѣ нѣмцевъ—католиковъ (латинское pagānus). Слово stadala (comm.) конюшня при корчмахъ—р. стодола, лит. stadolė н. stadolle,—по всей вѣроятности литовско-латышское слово, образованное отъ глагола * stadît (ср. stadini и statît) «останавливать» (произведеннаго отъ stât «стать», какъ напр. dzirdît «поить» отъ dzer̃t «пить», ср. Bielenstein, Lett. Spr. I стр. 213) при помощи суффикса—ala (ср. bir̃stala, dējala, sēnala, sūkalas, sestala и Biel. Lett. Spr. §§ 196—198), и значитъ тогда: «постоялый дворъ». Форма stedele (Biel., Lett. Spr. § 198) образовалась изъ stadele вліяніемъ гласнаго *е* въ

---

[8]) Предлогъ да (da-) вовсе не такъ неупотребителенъ, какъ утверждаетъ Брюкнеръ (стр. 161): въ Лифляндіи онъ довольно часто встрѣчается въ народномъ говорѣ какъ praep. inseparabile.

слогѣ—dę-. Итакъ слѣдуетъ полагать, что русскіе (и нѣмцы) заимствовали это слово у латышей (или литовцевъ), а не наоборотъ. Тоже самое нужно сказать про bandas (dial.) «выслуженная доля земли»—лит. bandà, бр. бонда; Это отчасти призналъ потомъ и самъ Брюкнеръ (стр. 204); что бр. бонда заимствовано, видно изъ сочетанія—онд- (вмѣсто ожидаемаго—уд-). Такъ же и слова slũka (comm.), лит. slanka, пр. slanke «куликъ», «слука», не заимствованы изъ малорусскаго нарѣчія («слонька»), но малорусское слово (какъ показываетъ р. слука) заимствовано вѣроятно изъ литовскаго языка. Что же касается словъ tirgus (comm.) рынокъ—торгъ (ц.-сл. тръгъ), лит. turgus, и sàls (comm.)—соль, то также ничѣмъ нельзя доказать, что они заимствованы латышами у славянъ; слово sàls, если оно дѣйствительно заимствовано, можетъ быть перенято и изъ другихъ языковъ (лат. sal, гот. salt.).

Славянское е передается 1) черезъ ĕ:

berlinka (dial., устарѣло) пятакъ—берлинка.

bez (comm.)—безъ, лит. bè; можно, однако, также полагать, что лат. bez не заимствовано (ср. скр. bahis!).

bezmèns (comm.) или vezmèns (dial.)—безменъ, лит: bezmënas.

čerpaks (conf.)—черпакъ; другая форма—čerpãgs (conf.), гдѣ сочетаніе—ĕrp- измѣнилось въ -ĕrp-, благодаря восходящему (или нисходящему) слогоударенію, какъ и въ

tĕrpīt (conf.)—терпѣть; dial. также terpīt.

četri (comm.)—четыре; латышская форма была бы *cet(u)ri (ср. ceturtais—четвертый) [*]).

čverte или šverte (dial.) четверть—п. ćwierć, бр. чверть, лит. čvértis, svertas.

deñčiks или denšiks (dial.)—денщикъ.

ģegũts (dial.)—деготь; а «деготь» въ свою очередь передѣлано вѣроятно изъ лат. degũts или deguts или лит. degùtas, ср. Mikola, Bezzenb. Beitr. XXI 119.

jelcis (dial.)—елецъ.

ķeša (vulg.) карманъ—п. kieszeń, лит. kĕšenius.

ledaks или ledēks (dial.) хилякъ, грубіянъ, человѣкъ дурного поведенія—лит. ledãkas, бр. ледащикъ, п. ladacs.

lemesis (comm.)—лемешъ, п. lemiesz; lemesnīca чистилка у плуга—п. lemieśnica.

leste (dial.) камбала—лещъ, п. leszsz (эст. lest.)

lenta или linta (dial.)—лента, лит. linta (?).

nedel'a (comm.)—недѣля, лит. nedèlia.

---

[*]) Брюкнеръ полагаетъ также, но безъ достаточнаго основанія, что и *d* въ devini, лит. devynì, перенято изъ русскаго (слав.) «девять» (пр. nevīnts-девятый); ср. объ этомъ Wiedemann, Handb. d. lit. Spr, § 54, прим. 1.

negadns (dial.) негодный, недостойный, п. niegodny.

ģembas (dial.) губы – п. gęba.

nešpars (conf., Вит.) вечерня—бр. нешпоръ, п. nieszpor.

nevaľa (comm.) недосугъ—неволя (?).

nepradelis (dial.) дьяволъ—лит. neprëtelis, непріятель (ср. непріязнь!).

pekle (dial.) омутъ, бездна—пекло, лит. peklà.

perūza (dial.) поромъ—перевозъ.

pečka (dial.)—печка.

petruška (conf., Вит.)—петрушка, п. pietruszka.

pleme (dial.) семейство—племя, лит. plemė.

pletne (dial.)—плеть.

plenica (dial.)—пленица (н. Flossholz.).

pleci (comm.) или pileči (dial.)—плечо, п. plecy; латышская форма была бы * p(l)eši (ср. лит. petis).

remesis (въ библій) плотникъ—ремесленникъ, лит. remēsas, бр. ремесникъ.

sebrs (dial.) собратъ, пріятель—бр. себръ (ц.-сл. себръ); не выяснены діалектическія формы: sēbris, sābris, subars, suburs, ср. лит. sèbras, бр. сябръ, эст. sõbber.

slejas (dial.)—шлея, п. szleja.

serģis (dial.)—сердитый человѣкъ.

smerte (conf.)—смерть, лит. smertis.

sterva (dial.)—стерва, лит. stèrva.

špetns (dial.) гадкій, дикій—бр. шпэтный, п. szpetny.

tesele или tēsele (dial.)—тесла (? ср. глаголъ test или tès тесать—!); teslica (conf.)—теслица.

vengri (dial.) венгерцы—лит. veñgrai, п. węgry.

verste (comm.)—верста.

vesels (comm.) здоровый—веселый (?).

žerbiņš или žirbiņš (dial.)—жеребій.

Сюда относились бы еще слѣдующія, по мнѣнію Брюкнера, заимствованныя слова:

tel'š (comm.) теленокъ, лит. telis; tele (comm.)—телка; нѣтъ никакого повода считать эти слова заимствованными; только telice (dial.)—телица. лит. telyčė, можетъ-быть, заимствовано, въ пользу чего говоритъ суффиксъ-ice.

venteris (dial)—вентеръ, лит. vénteris, п. więcierz; по Словарю русск. яз. Академіи Наукъ эти славянскія слова заимствованы изъ лит. языка, а не наоборотъ.

dzenūlo (устарѣло) улей — п. dzien; латышское слово (ср. также dzenis, dzeinis, bàrdudzīt) вѣроятно образовано отъ корня gen (dzit, praes dzenu, лит. genèti) и не имѣетъ въ такомъ случаѣ ничего общаго съ польскимъ словомъ, произведеннымъ отъ глагола dziać (какъ и dzianka и dzienie).

Даже возраженія не заслуживаютъ попытки Брюкнера соединять ērceša (dial) «ссорливая женщина» и ērcētēs (diab) «мучиться», «ссориться» (отъ ērce, лит. erkē «клещъ»; ср. также словарь Ульмана подъ этимъ словомъ), съ бр. ёрзацъ, и. negūds (отъ gūds честь, comm.) «позоръ» съ р. негодяй и бр. негодникъ.

2) черезъ i:

birkàvs (comm.)—берковецъ, лит. birkavas.

kristīt (comm.)—крестить (н. taufen); гласный *u* въ krustīt (dial) «крестить», krustītēs (comm.)—креститься, krusts (comm.)—крестъ, вѣроятно объясняется контаминаціею формъ *krists (р. крестъ < крьстъ) и латинскаго crux, ср.-нѣм. krūce.

sileke (comm.), лит. silke—сельдь.

stikls (dial), лит. stiklas—стекло (ц.-сл. стькло).

svikls (dial), лит. svìklai—свекла, п. ćwikł.

timnice (dial)—темница (ц.-сл. тьмьница).

zizlis (dial)—жезлъ (ц.-сл. жьзлъ); латышская форма была бы *dzizlis.

Гласный *i* въ этихъ словахъ (за исключеніемъ слова svikls ?) вѣроятно передаетъ древне-русское ь.

Остаются еще примѣры неправильной передачи славянскаго *e*:

častīt (dial) угощать—честить.

čamarags (dial)—чемерица, лит. čiamerыčios.

šavcs (conf., Bum.) сапожникъ—п. szewc, бр. шевецъ.

čumedāns или čumata (dial)—чемоданъ, лит. čiumada.

spēgs или spiga (dial), лит. spēgas «шпіонъ»—п. śpieg (др.-врх.-н. speho); латышское слово вѣроятно взято не прямо изъ польскаго, но изъ литовскаго языка.

Брюкнеръ несправедливо считаетъ заимствованными еще слѣдующія лат. слова: cil'vèks (comm.)—человѣкъ; встрѣчается еще діалектическая форма съ *k* (ķilvēkelis «человѣчекъ»), и поэтому заимствованіе должно было произойти еще въ то время, когда славянское мягкое *к* еще не превратилось въ *ч*, а говорить безъ надобности о заимствованіи въ столь древнее время,—это дѣло фантазіи, не науки. То же самое слѣдуетъ сказать про dzilna (comm.) «дятелъ» (черный или зеленый; а пестрый дятелъ называется dzenis)—желна; *dz* правильно соотвѣтствуетъ русскому *ж* (изъ ģ). Слова krams или krems (comm.)—кремень, nabags (comm.)—небога, vìlna (comm.), лит. vìlna—вóлна, п. wełna (срб. вуна), также ничѣмъ не заставляютъ думать о заимствованіи. Что же касается слова krēsls (comm.), лит. krēslas—кресло, п. krzesło, то заимствованіе здѣсь произошло вѣроятно со стороны славянъ, ср. Mikkola, Bezzenb. Beitr. XXI, 120.

Славянское *ѣ* передается 1) черезъ *ē*:

dēdis (dial.) старикъ—дѣдъ (изъ *dhēdhos, какъ показываетъ гр. τήθη и латышское dēdēt (comm.) дряхлѣть).

dėlēt (dial) — дѣлить.

dėlāt въ izdėlāt (dial) — сдѣлать.

bėdnis (conf.) — бѣднякъ.

slėde (dial.) — слѣдъ.

svēžs (conf., Bun.) — свѣжій.

2) черезъ ē:

cēls (dial.) — цѣлый; въ другихъ говорахъ (ср. Bezzenb, Less. Dial.-Stud. 87 сл.) ē перешло въ ā, и такъ получилась форма cāls; то же самое произошло въ словѣ:

cāns (conf.) изъ * cēns — цѣна.

dėl' (comm.), лит. dėl' «ради» — ц.-сл. дѣля (ср. р. богадѣльня и готское in dailai «ради»).

grèks (comm.) — грѣхъ.

klevs (conf.) — хлѣбъ; въ другихъ нарѣчіяхъ ē перешло въ ā : k klavs (conf.).

mèms (comm.) — нѣмой (?).

lēčēt въ izlēčēt (dial.) — излѣчить; dial. также съ короткимъ e izlečēts

sērs (dial) — сѣра.

strēlēt dial) — стрѣлять; слово же strēla (dial.) «полоса» — стрѣла, нѣм. Strahl (изъ * strēla) вѣроятно не заимствовано.

vèsts (comm.) — вѣсть (изъ * voistis).

Безъ достаточнаго основанія Брюкнеръ считаетъ заимствованными и слѣдующія слова: klēts (comm.), klétis — клѣть (ср. слогоудареніе!); mērs (comm.) — мѣра (отъ √mē-): tēls (dial) образъ, скелетъ — тѣло; а слова: vèrà likt или ńemt (comm.) «принимать въ уваженіе» и vèrût (comm.) «наблюдать» не имѣютъ, какъ показываетъ ихъ значеніе, никакой связи съ р. вѣра (латинскимъ vērus), но родственны съ др.-врх.-н. wāra (изъ * wēra) «вниманіе», «забота» (ср. нѣм. wahrnehmen) и греч. ὤρα «забота» или «вниманіе».

3) черезъ ė:

belaks (dial.) — бѣлякъ (бѣлый заяцъ).

cena (comm.) — цѣна (изъ * goinā); а слова cēna (употребляются теперь только въ loc. sing. cēnà) «уважаніе» и cēnît (comm.) «уважать» не заимствованы, но наслѣдованы изъ индоевр. праязыка (ср. лит. kaina).

k'elčiks (dial.) тѣлогрѣйка (-* тѣльчикъ?).

lesnēks (conf.) — лѣсникъ.

pleška (dial.) — плѣшка.

sedli (comm.) — сѣдло; dial. также segli.

sedulka (comm.) — сѣдёлка.

svece (comm.) — свѣча.

vernība (conf.) — вѣрность; dial. съ переходомъ сочетанія —ērn— въ —ērn-: vērnība (conf.).

Остаются примѣры неправильной передачи слав. ѣ:

sinces (conf.)—сѣнцы (ср. спорадическій переходъ *ѣ* въ *и* въ псковскихъ говорахъ. Соболевскій, тамъ же, 29 сл.).

vīrit (dial.)—вѣрить; ī здѣсь вѣроятно восходитъ къ ё (ср. Bielenstein, Lett. Spr. I стр. 96).

cicars (dial.) царь, цѣсарь, передѣлано изъ лит. cècorius.

Брюкнеръ считаетъ заимствованнымъ изъ славянскихъ языковъ и слово k'laips (comm.)—хлѣбъ (н. Laib), но дифтонгъ *ai* указываетъ на заимствованіе изъ германскихъ языковъ (гот. hlaifs).—Серьёзнаго возраженія почти не заслуживаетъ мнѣніе Видемана (Lit. praet. стр. 17 и Handb. d. lit. Spr. стр. 13), что литовско-латышское *ai* въ срединѣ слова не переходитъ въ ё, и что по этому слова, какъ напр. snēgs, лит. snegas—снѣгъ, atēlēkas «остатки»—ц.-сл. отълѣкъ и др., заимствованы изъ славянскихъ языковъ (въ Handb. d. lit Spr., стр. 16 онъ, впрочемъ, отчасти уже отказывается отъ этой причуды). Между тѣмъ этотъ переходъ встрѣчаемъ въ довольно многихъ словахъ (иногда соотвѣтствующихъ славянскихъ формъ вовсе не знаемъ), напр.: lēks—гр. λοιπός, ēsms, лит. ēšmas—пр. aysmis, sēks—лит. saĩkas, kvēši, лит. kvēčiaĩ—гот. hvaiteis, brēdis, лит. brēdis—пр. braydis и др.; объ условіяхъ этого перехода ср. статью Явниса (Гуковскій, Поневѣжскій уѣздъ, стр. 125 сл.).

Славянское *и* передается 1) черезъ ĭ:

biguse (dial.) родъ кушанья—бр. бигусъ.

bizũns (dial.) плеть—бр. бизунъ, лит. bizunas.

blina (dial.)—блинъ; dial. также blinčuks и съ долгимъ ī: blīnis, лит. blynai.

brite (dial.)—бритва.

brička (dial.)—бричка.

činīt (dial.)—чинить (н. flicken).

induks или indiks (dial.)—индюкъ.

izvažas (dial.)—извозня.

istaba (comm.) комната—истба (изъ истъба).

k'ibitka (dial.)—кибитка.

k'ika (dial.) кика, лит. кука.

ḱila (dial.)—кила (грыжа).

ḱiški (dial.)—кишки.

lib (въ катихизисѣ 1586 года)—либо.

lišk'is (conf. Вит.) лишній—лишекъ, бр. лишка.

miška (dial.)—мишка.

ni (dial.) не—ни.

pil'ńavāt (conf., Вит.) стеречь—бр. пильноваць, лит. pilnavòti.

priba(u)ka (dial.)—прибавка.

pripraža (dial.)—припряжка.

prival'īt (dial.)—привалить.

prizvaľa (dial.) прозвище—призвать.

rīja (comm.)—рига (овинъ). н. Riege?.

spičkas (comm.)—спички.

spilka (conf., Вит.)—шпилька (н. Stecknadel), лит. spilka.

svin(d)s (comm.)—свинецъ, лит. švinas; dial. также: zvins.

šinelis (vulg)—шинель.

šinka (conf., Вит.)—шинокъ, лит. šinkà.

vica (dial.) гибкій прутъ—п. wić, лит. vicas.

vitēt (dial.) пить за чье-либо здоровье, кутить—бр. витаць, лит. vitóti.

živati (conf.) домашній скотъ—бр. животы; živa (conf.) жизнь (ср «пожива»); živai! (dial)—живѣе!

Брюкнеръ считаетъ заимствованными и слѣдующія слова. i (dial.)—и; слово это однако сокращено изъ ir «и» (какъ напр.: a'<ar, pa'< par и др.); ikra или ikri (comm.), лит. ikrai—икра (н. Wade и Fischroggen), но нѣтъ никакого основанія считать эти литовско-латышскія слова заимствованными; то же самое слѣдуетъ сказать про zvir̃gzdi (comm.) лит. žvirgzdas «дресва»—п. zwir, бр. жвиръ.

2) черезъ ī.

dīgāt (dial.)—двигать.

diva или divs (dial.) чудовище—диво, дивъ, лит. dȳvas (ср. De Saussure Mèm. de la soc. de ling. VIII 431).

(g)riba (dial.)—грибъ, лит. grȳbas.

ģībt (comm.) упасть въ обморокъ—гибнуть; dial. также: guibt изъ *гыбнуть.

kīsèlis (comm.)—кисель.

klīns (dial.) грыжа—клинъ?

pìràgs (comm.)—пирогъ.

plīte (comm.)—плита, лит. plytà.

siga или sika (dial.)—сигъ (сикъ), лит. sykė.

svinit (dial.) загрязнить—п. świnić.

svita (dial.) одежина—бр. свита.

žīds (comm.)—жидъ.

Брюкнеръ считаетъ заимствованными и слѣдующія слова: dirât (comm.). сдирать кожу, лит. dirti; gnīda (comm.) гнида, лит. glinda (срб. гнѝда); īsts (comm.)—истый; nītis (comm.) «ниченицы», лит. nýtis—нить; но ничто не принуждаетъ насъ здѣсь думать о заимствованіи. Что же касается слова kĩtrs (dial.) «чистоплотный», то оно (при такомъ значеніи) врядъ ли имѣетъ что-нибудь общаго съ р. «хитрый» и лит. kytrùs.—Такъ какъ латышское ī не переходитъ въ ĭ, то передача славянскаго *и* черезъ ī вѣроятно объясняется, по крайней мѣрѣ въ болѣе употребительныхъ словахъ, тѣмъ, что во время заимствованія славянское *и* произносилось еще долго. Славянское *и* иногда восходитъ къ дифтонгу *ei*, и отголосокъ этого дифтонга мы вѣроятно имѣемъ

въ уже упомянутомъ словѣ krēvs (comm.) русскій—кривичъ. Сюда относились бы еще и другія слова, если бы оправдалось (что довольно невѣроятно) мнѣніе Брюкнера, что они заимствованы: ēskât (dial.) искать вшей, лит. ēškoti (др.-врх.-н. eiskōn): ēva (comm.) черемуха, лит. ēvà—ива, срб. ѝва, чешс. jíva пр. invis; ср. F. Schmidt, z. Gesch. d. idg. Voc. I 48); mērs (comm.) миръ (покой), лит. mēras (ср. Брюкнера, стр. 107, прим. 145); sēts (comm.), лит. sėtas—сить, срб. сѝто (прекрасное совпаденіе слогоударенія показываетъ, что это слово принадлежало уже славолетскому, по крайней мѣрѣ литовско-латышскому, праязыку); slēnas (comm.)—слина. Наконецъ Брюкнеръ считаетъ заимствованнымъ изъ слав. языковъ и слово vaina (comm.)—вина (также: ошибка, причина, рана), но русское *и* никакъ не могло перейти въ латышское *ai*.

Русское *у* (ю) передается 1) через *ŭ*:

bl'ůda (comm.)—блюдо, лит. bliūdas.

důma comm). мысль—дума, лит. dūmà; důmât (comm.)—думать, лит. dumóti.

kůds (conf.)—худой, худощавый, dial. также съ долгимъ u: kūds, лит. kudas.

kůdel'a или kůdel'š или kůdal'a (comm.)—кудель (п. kądziel), лит. kudelis (црк.-сл. кондѣль) [10]).

kůkalis (comm.)—полевой куколь, лит. kukalis; литовское слово несомнѣнно заимствовано (ср. п. kąkol), а латышское kůkalis, можетъ быть, тождественно съ лит. kankalas «колоколъ» (это значеніе, должно быть, имѣли первоначально и р. куколь, п. kąkol; ср. pul'kstenites—колокольчики).

luks (comm.)—мелкій лукъ; conf. также съ долгимъ *и*: lūkava—луковица.

muka (comm.)—мýка (ц.-сл. мопка), лит. mukà; mucit (comm.)—мучить, лит. mučyti; въ болѣе поздней формѣ является *ŭ*: mučit (dial.).

uma (dial.)—умъ, лит. umas.

puds (comm.) полупудовикъ—пудъ (или изъ латинскаго pondus?); въ формѣ, недавно перенятой, является короткое *и*: puds (comm.)—пудъ.

puga (comm.)—пуговица (*пуга?).

pustît (comm) опустошать, лит. pustyti: pustaša (comm.)—пустошь; pusts (comm.) бѣда; въ позже заимствованныхъ формахъ является u: pusti или pustas (dial.) развалины, puška (dial.) пустошь—п. puszcza.

průds (conf.)—прудъ, лит. prudas.

rubeža (comm.)—рубежъ, лит. rubežius.

skups (comm.)—скупой (п. skapy), лит. skupas.

skruski (dial.)—крючка (н. Ränke), ср. прим. 7.

suds (comm.) наказаніе—судъ, лит. sudas (п. sąd); sudît (comm.) наказывать—судить, лит. sidyti; snu (comm.)—р. судья.

---

[10]) Весьма странна догадка Видемана (lit. Praet. 38), будто u въ kudel'a восходитъ къ дифтонгу ōn.

sulti (comm.)—сулить, лит. siulyti.

suma (comm.)—сума; въ болѣе поздней формѣ является короткое *u*: suma; dial. встрѣчается также форма—šuma.

Брюкнеръ несправедливо считаетъ заимствованными еще слѣдующія слова: zubs comm.—зубъ (п. ząb.); въ пользу того что лат. zubs не заимствовано, говоритъ лит. žambis «соха» (ср. гр. γόμφος; вѣроятно и лит. žambas «кромка», «край»—то же самое слово); относительно перехода—am—въ *й* ср. напр. lups «скотъ»—гот. lamb, tupu «дѣлаюсь»—лит. tampù и др.—kluns (comm.) «гумно», лит. klunas—р. клуня; какъ указалъ Явнисъ (Понев. уѣздъ, стр. 128), литовско-латышское слово правильно произведено отъ √klā—(лат. klât, лит. klòti «стлать», р. класть), и если такъ, то вѣроятно р. клуня заимствовано изъ балтійскихъ языковъ. А лат. klënis (dial.) «гумно» конечно еще меньше можно считать заимствованнымъ, чѣмъ kluns, потому что русское *у* никакъ не могло перейти въ лат. *ё*. Наконецъ Брюкнеръ относитъ сюда и ulnice (dial). «сельская дорога»—улица. но принимая заимствованіе, трудно объяснить *n* въ ulnice, и слово это можетъ быть образовано отъ ula «голышъ».—Почти всѣ тѣ слова, въ которыхъ русское *у* передано черезъ u, очень употребительны и общеизвѣстны въ лат. языкѣ, и поэтому можно полагать, что они были очень рано заимствованы, а именно еще тогда, когда вмѣсто гласнаго *у* еще произносился дифтонгъ (приблизительно *ou*, изъ котораго потомъ произошелъ гласный u, и еще позже *й*-у; тотъ же дифтонгъ конечно былъ и замѣстителемъ прежняго on): латышское u могло произойти въ этихъ словахъ только изъ дифтонга [11]).

Въ соотвѣтствующихъ литовскихъ словахъ почти всегда является u, то есть: они были позже заимствованы, чѣмъ латышскія слова.

2) черезъ ˊ:

buda (comm.) хижина-буда; въ словѣ, позже заимствованномъ, является u: budka (vulg.) - будка.

čuditës (dial.)—чудиться, лит. čiudytis.

duda (dial.) дуда, дудка, лит. duda; dial. также: duidas «скрипка».

duša (comm.) отважность-душа, лит. dušia.

gužas (dial.)—гужъ (н. Kummetriemen); позже является u: gužas (conf.).

guža (dial.)—гусь.

knute (dial.).—кнутъ.

kums (comm.)—кумъ, лит. kumas.

kuk̓i или kuči или kuce (dial.)—кутья, бр. куцця.

kùlis (comm.) снопъ, лит. kulys (gen. kulio)—бр. куль, п. kul.

lubet (conf.) нравиться—любить.

---

[11]) Единственный гласный, который превращается въ u, это—о, какъ въ индоевропейскихъ корняхъ, такъ и въ заимствованныхъ словахъ, напр. lune изъ нѣм. Lohn.

puga (dial.) вѣтеръ—лит. puga, мр. фуга.

puka (dial.)—пухъ, лит. pukas,

pune или punis (dial.)—пуня, лит. puné.

pučka (dial.) коробочка—бр. пушка.

purs (comm.)—пура (н. Loof.), лит. puras (?).

ručnēks (conf; Bum.)—ручникъ (н. Handeuch).

sprute (dial.)—прутъ (н. Bandrute), ср. прим. 7.

struga (dial.)—стругъ (н. Struse).

(struba (dial.)—труба; trubnēks (dial.)—трубникъ; позже является u: trubis (dial.)—труба (п. trąba, лит. triubà).

šuba (dial.)—шуба, лит. šuba; позже является ŭ: šuba (dial.).

tuce (conf.)—туча (п. tęcza).

uda (dial.)—уда, лит. uda (п. węda).

usas (comm.)—усы, лит. usaî (п. wąs); dial. также: usas. Брюкнеръ относитъ сюда еще kruze (comm.) «кружка» и subrs (dial.) «зубръ»; но kruze и лит. kruzas несомнѣнно заимствованы изъ нѣмецкаго языка (kruse), и subrs правильно передѣлано изъ болѣе старой и еще существующей формы sumbrs, которую не такъ легко можно считать заимствованною.

3) черезъ ŭ:

bluda (conf.) блужданіе—блудъ; bludît (conf.)—блудить; а форма blandîtēs (comm.) не заимствована изъ польскаго языка (błądzić), какъ думаетъ Брюкнеръ, но представляетъ собою соотвѣтствующее славянскимъ формамъ коренное лат. слово (нѣтъ по крайней мѣрѣ никакого повода считать его заимствованнымъ); форма bludîtēs (dial) или правильно образовалась изъ blandîtēs, или заимствована.

brusa (dial.)—брусъ.

bujans (dial.)—буянъ (н. Waarenlager).

bulava (dial.)—булава.

bul'ka (vulg.)—булка.

bulbes (dial.) или bulvas (conf.) картофель—бр. бульба, лит. bulbé, bulvis (ср. также р. булва).

bumaška (dial.)—бумажка (н. Banknote).

bunte (vulg.)—бунтъ (н. Aufstand).

burlaks или burlaka (vulg.) разбойникъ—бурлакъ.

čučka (dial.) щенокъ—бр. цюцька [13]).

čuguns (comm.)—чугунъ.

čupinat (dial.)—щупать, лит. čiupinéti.

čupra (dial.)—чуприна.

čura (dial.) слуга—п. ciura, лит. čùras.

---

[13]) Брюкнеръ производитъ отъ бр. цюцька также слова киса (dial.) «псица» и kucens (comm.) «щенокъ», но этому противорѣчитъ согласный к въ началѣ латышскихъ словъ.

dubenis (conf.)—дубина.

duks или duka (dial.)—духъ (также: сила), лит. dukas.

dupa (dial.)—задница—п. dupa.

duraks (vulg.)—дуракъ; dial. также: durcke, ср. прим. 4.

durns (dial.) ошалѣлый—дурной, лит. durnas.

glups или glupjš (dial.)—глупый, лит. gliupas.

guberńa (comm.)—губернія.

gubīt (dial.)—губить.

juška (dial.)—юшка.

kruts (conf.)—крутой.

kruč(k)i (dial.)—крючки; kručīt (dial.) дѣлать крючки; kruče или kručelnēks (dial.)—крючкотворецъ.

kudlis (dial.)—кудлай, лит. kùdlas.

kukńa (comm.)—кухня, лит. kúkne; kukars (conf.)—кухарь, лит. kukorius kukarēt (conf)—кухарить.

kulaks (vulg.)—кулакъ (н. Faust).

kule (comm.) мѣшечекъ—куль.

kupcis (vulg.), dial. также kupča—купецъ, лит. kùpčius.

kurata (dial.)—куропатка, лит. kurapkà.

kuriņš (dial)—курѣнь (н. Hökerbude).

kurmis (vulg)—тюрьма.

kurka или kurice (dial.)—индѣйская курица (курка), лит. kurka.

kurva (dial.)—курва, лит. kurva.

luba (dial.)—лубъ (также: дрань), лит. lùba; lubīt (dial.) драть лыко; слова же lubs (dial) лит. lubas, и lubīt «лущить» вѣроятно не заимствованы (ср. Wiedemann, lit. praet. 38).

lul'k'is (dial.) трубка—п. lulka.

lupstaga или lupstags (dial)—любистокъ.

mundëris (vulg)—мундиръ.

mužiks (vulg.)—мужикъ, лит. mužìkas.

muškota (conf)—мушкетъ.

nužda (dial)—нужда.

pluts (dial.)—плутъ.

puška (dial)—пушка.

pušk'is (comm.)—пучокъ цвѣтовъ.

rub(u)lis (comm.)—рубль.

rumams (dial.) жеребецъ—п. rumak, лит. rumokas.

ruža (dial.)—ружье (или также: орудіе), лит. ružia.

skura (dial.)—шкура (также: блядь), п. skóra, лит. skūrà.

sluga (dial.)—служанка-слуга, лит. sluga; služut (dial.)—служить, лит. služyti.

studiņš (dial.)—студень.

stulpane (dial.) пiонiя—п. tulipan, ср. прим. 7.
stupât (dial.)—ступать.
sukari или cukari (dial.)—сухарь.
sukata (conf., Bum.) сухотка—п. suchota.
sundama или sundega (dial.)—сундукъ.
supra(t)ka или suprata (conf.)—супрядка.
štuka (vulg.)—штука, лит. štukà.
šums (conf.)—шумъ; šumît (conf.)—шумѣть.
šutît (conf.)—шутить, лит. šutyti; šutka (vulg.) шутка, лит. šutkà.
trusis или truse (dial.) кроликъ—бр. трусь.
tups (conf., Bum.)—тупой.
ubags (comm.)—убога, лит. ùbagas.
ulica (conf.)—улица, лит. ulyčе.

Сюда относятся также слова:

vuicîtês изъ * vucîtês (conf.) учиться бр. вучицьца; о переходѣ *u* въ *ui* ср. Bezzenb; Lett. Dial. Stud., стр. 95 сл.

vuimat (conf.) примѣчать—умѣть; ср. бр. вумъ и лат. tuipani изъ tupeni.

По мнѣнiю Брюкнера, латыши переняли у славянъ и слѣдующiя слова: brugis (comm.), лит. brugis «мостовая», п. bruk; гораздо вѣроятнѣе, что латыши заимствовали это слово прямо изъ нѣм. языка (ср.-н.-нѣм. brugge), kurpe (comm.), лит. kùrpie «башмакъ» п. kurpie, р. курпы; Миккола (Bezzenb Beitr. XXI, 121) дѣлаетъ очень вѣроятнымъ противоположное, то-есть, что славяне заимствовали у леттовъ это слово, точно также какъ и р. путра, мр. путря <лит. лат. putra (comm.) «каша». Слово žubinât (comm.) «ѣсть безъ аппетита, нехотя» или «сосать» врядъ ли имѣетъ что-нибудь общаго съ р. «зубъ»; оно вѣроятно родственно съ лит. žėbėti (по значенiю тождественнымъ съ žubinât) и ц.-сл. зобати (относительно ž вмѣсто z въ лат. формѣ ср. напр. лат. žagars лит. žagaras, лат. žuds, лит. žándas; а u могло образоваться передъ b изъ a, что нерѣдко бываетъ передъ губными: upe-пр.-ape, tumsa—лит. tamsà, pumpt—pampt, stumpa—stampa, pups—лит. papas), а слова: žubs и žubît, которыя Брюкнеръ тоже сближаетъ съ р. «зубъ», намъ извѣстны только по старому (прошлаго вѣка) словарю Ланге, такъ что о нихъ нельзя ничего опредѣленнаго сказать. Наконецъ Брюкнеръ приводитъ также l'aûdis (comm.) люди и slaukts (dial. Bum.) «кадь съ отверстiемъ въ нижнемъ днѣ»—бр. жлукто, но дифтонгъ *au* показываетъ, что заимствованiе должно было произойти въ очень древнее время (когда русскiй языкъ зналъ еще дифтонгъ *au*), если оно вообще было, и относительно слова laûdis (нѣм. Leute) это даже крайне невѣроятно.—Брюкнеръ производитъ также слова klance или klince (dial.) «мѣшёчекъ» отъ бр. клумка, мр. клунокъ, лит. klumkas, но и это сопоставленiе (вслѣдствiе большого различiя гласныхъ) ненадежно.

Русское *ы* передается 1) через *ui*:

muita (comm.) пошлина—мыто, лит. muitas; muitnēks (comm.)—мытникъ

kuilis (comm.), лит. kuilys (gen. kuilio) «порозъ», «кабанъ»—* кыль (ср.-р. «килякъ»): Фикъ сближаетъ (Vergl. Wörterb. I, 26) kuilys са скр. kiri и гр. πτέλας, но это немыслимо, потому что дифтонгъ *ui* въ древнихъ летскихъ корняхъ нигдѣ не встрѣчается; слова *ui* или заимствованы, или новообразованія.

Брюкнеръ относитъ сюда и слово: muiža (comm.) имѣніе»—мыза; но гораздо вѣроятнѣе, что латышское слово перенято изъ эстонскаго (или ливскаго) языка (moisa): финскій народъ ливовъ принялъ лат. языкъ, и теперь еще нѣмецкія названія нѣкоторыхъ имѣній въ латышской части Лифляндіи оканчиваются на—mois (напр. Muhremois).

2) через *й*:

lužes или lužikas (dial)—лыжи (н. Schneeschuhe); вѣроятно и слова ludes и lug̍es (dial; съ тѣмъ же значеніемъ) того же происхожденія.

3) черезъ i:

ricage (dial.)—рычагъ.

brīle (dial, устарѣло) шляпа—бр. брыль, лит. brilus.

sits (conf., Вит.)—сытый.

skrine или skrinis (dial.) сундукъ—бр. скрыня лит. skrynė.

Брюкнеръ относитъ сюда также слово stiga (comm.) струна, лит. styga—мр. стыгъ; противъ этого говоритъ особенно слогоудареніе латышскаго слова, свидѣтельствующее о старинности его.

4) черезъ *i*:

biēka (dial.)—бычокъ (пляска).

bika (dial.) большой баранъ—быкъ; bikus (dial.) злонравный мальчикъ—бр. быкусъ.

bil (dial.) если—лит. bile, п. byle.

cirulniks (dial.)—цырюльникъ.

čibuka (dial.) чубукъ—лит. cibukas, п. cybuch.

čigàns (comm.)—цыганъ, лит. cigonas.

drigańts (dial.) жеребецъ, шалунъ—лит. drigantas, п. dryganl.

griki (comm.), dial. также kriki и driki «греча»—лит. grėkai, п. gryka.

kriška или griška (dial.)—крышка (нѣм. Ofenschieber).

lizika (conf., Вит.) ложка—п. łyžka.

militēs (conf., Вит.) ошибаться—бр. мылицьца, п. mylićęsi лит. milyti.

mislit (conf.)—мыслить, лит. mislyti.

rinka (dial.)—рынокъ, лит. rinka; а слово rinkis (comm.). «кругъ», которое Брюкнеръ самымъ страннымъ образомъ также относитъ сюда, несомнѣнно взято изъ нѣмецкаго (Ring).

stirta (dial.) скирда—лит. stirta, п. styrta; другія, болѣе употребительныя формы того же слова—stirpa и kipa.

timpa (dial.) монета—лит. timpa, бр. тынфа, п. tynf. Наконецъ слѣдуютъ слова, которыя въ предыдущихъ отдѣлахъ не нашли мѣста:

kimini или kimenes (comm.) тминъ—лит. kimynai, бр., п. kmin.

Слово serit (dial.) cacare вѣроятно не заимствовано (къ чему склоняется Брюкнеръ), но родственно съ п. srać, р. соръ (и вѣроятно также съ нѣм. Harn).

Даже возраженія не заслуживаетъ мнѣніе Брюкнера, что слово sivèns (comm. изъ suvèns dial; ср. zivs—лит. žuvis, tivâki—tuvâki и др.) «поросёнокъ» передѣлано изъ р. «свинья»; невѣроятна также его попытка производить слово sunkis (dial.) «свинья» отъ р. свинка или п. świnka (латышское слово формально слишкомъ мало походитъ на славянскія формы). Неяснымъ остается отношеніе между лат. pupa (comm.), лит. pupà и р. бобъ, п. bób; между лат. sers (comm.; ср. seru sêt «варить, собств. вязать, сыръ) и п. ser (другихъ примѣровъ перехода славянскаго *е* въ лат. *ё* нѣтъ; а р. сыръ, лит. sûris стоятъ еще дальше); между burkàns (comm.), лит. burkantas или barkunas и р. баркáнъ или борканъ (изъ * бърканъ?) или баркунъ (ср. также п. burak).

Нѣкоторыя русскія слова при переходѣ въ лат. языкъ уподобились уже существующимъ латышскимъ словамъ:

parlags (conf.)—перелогъ (лат. par-=р. пере).

ziluns (книжное новообразованіе)—слонъ (лат. zil's — синій, голубой а—uns—употребительный латышскій суффиксъ).

Еще другія слова, особенно въ новѣйшее время, были образованы по образцу русскихъ словъ изъ существующихъ уже корней латышскаго языка. Сюда относятся (какъ указываетъ Keussler, Mag. d. lett.-liter. Ges. XX I, 17 сл.) латышскія названія недѣльныхъ дней (образовавшіяся вѣроятно еще до прибытія нѣмцевъ въ Прибалтійскій край); pirmdêna—понедѣльникъ, считается именно, какъ въ православной церкви, первымъ днемъ недѣли (не вторымъ, какъ у католиковъ); остальные дни называются: utrudêna, tresdêna, ceturtdêna, pêktdêna, sestdêna, svètdêna, «воскресенье». Въ новѣйшее время писателями образованы уже вполнѣ укоренившіяся слова; pêmêrs—примѣръ (pê=при, merît=мѣрить); prêksmets—предметъ (prêkš=предъ, mest «метать» = месть); sastàvs—составъ—(sa=со-, stavêt «стоять» = ставить); apjums—объёмъ (ар- = объ-, emt=взять).

Если сравнимъ число славянскихъ словъ, перенятыхъ латышами со спискомъ (находящимся у Брюкнера) заимствованныхъ литовцами славянскихъ словъ, то тотчасъ увидимъ, что въ латышскій языкъ вошло гораздо меньше славянскихъ словъ, чѣмъ въ литовскій; а это очень хорошо объясняется исторіею обоихъ народовъ, латышскаго. Слѣды славянскаго вліянія видны также въ морфологіи и синтаксисѣ литовскаго языка (ср. Брюкнера, стр. 159 сл.), чего нельзя сказать о латышскомъ языкѣ. Только въ нарѣчіи витебскихъ латышей, имѣвшихъ безпрерывныя сношенія съ славянами, встрѣчаемъ разныя явленія, которыя сюда относятся. Всѣ согласные тамъ (подобно русскому и польскому языкамъ) передъ гласными *е* и *і* произносятся очень мягко (то же бы-

ваетъ въ нѣкоторыхъ литовскихъ говорахъ, ср. Брюкнера, стр. 64); примѣры славянскаго (польскаго) вліянія на синтаксисъ приводитъ Бецценбергеръ (Less. Dial.-Stud., стр. 75 сл.). Въ остальныхъ нарѣчіяхъ латышскаго языка ничего подобнаго не встрѣчаемъ; только въ новѣйшее время, вслѣдствіе введенія русскаго языка во всѣ учебныя заведенія, замѣтно у писателей, не обращающихъ особаго вниманія на свой языкъ, вліяніе русскаго языка и въ области синтаксиса (довольно часто встрѣчаются, напримѣръ, предложенія въ родѣ слѣдующаго: «kas viņš arī nebūtu»=р. «кто бы онъ ни былъ», между тѣмъ какъ латышъ, незнающій русскаго языка, выражается только: «lai viņš kas būtu» или lai viņš būtukas būdams»).

I. Эндзелинъ.

Юрьевъ (Дерптъ),
20 Марта 1899 г.

Очеркъ современнаго экономическаго положенія Башкиръ Уфимской губерніи.

(Сообщено Этногр. отд. Имп. Общ. въ засѣданіи 4 декабря 1898 г.).

Лѣтомъ этого (1898) года я провелъ около 2 мѣсяцевъ въ Уфимской губерніи, желая ознакомиться съ Башкирами, которые интересовали меня, какъ народность, переживающая переходную стадію отъ одного быта къ другому, отъ кочево-скотоводческаго къ земледѣльческому. Мнѣ казалось, что, подмѣтивъ нѣкоторыя особенности въ этомъ переходѣ, ближе познакомившись съ борьбой двухъ стадій въ жизни народа, я лучше уясню себѣ его основныя особенности. Кромѣ того, такіе переходы всегда тяжелы и болѣзненны; я думалъ, что этнографъ могъ бы принести инородцамъ посильную помощь, изучивъ неизбѣжную послѣдовательность, указавъ ихъ крайности и аномаліи, и онѣ, быть можетъ, были бы устранены, особенно въ жизни сосѣднихъ по культурѣ инородцевъ, которые, въ свою очередь, дойдутъ до этихъ трудныхъ ступеней въ своей жизни.

Башкиры вотчинники въ числѣ 600,000—700,000 занимаютъ губерніи Уфимскую и Оренбургскую, часть Самарской, Пермской и Вятской. Центръ Башкиріи находится въ Уфимской губерніи, которая по своимъ природнымъ условіямъ въ старину была наиболѣе богата, разнообразна и пригодна для кочевого быта. Сѣверо-востокъ Уфимской губерніи занимаетъ Уральскій хребетъ и его многочисленные сырты, т. е. отроги, которые разбѣгаются длинными грядами отъ хребта и теряются въ сосѣднихъ безбрежныхъ Оренбургскихъ и Приволжскихъ степяхъ; отроги эти невысоки, однообразны и, пожалуй, унылы, ихъ склоны покрыты пашнями и пастбищами, порой выжженными солнцемъ, благодаря отсутствію лѣсовъ, залегавшихъ здѣсь въ былыя времена неизмѣримыми пространствами, гдѣ мощно росли сосны и ели, лиственницы и пихты, а по долинамъ спускалось чернолѣсье: столѣтніе дубы, клены, липы и березы, въ то время уходившія далеко въ степи, протянувшись длинными тѣнистыми звеньями къ югу и западу вдоль рѣкъ Башкиріи. Теперь отъ этихъ лѣсныхъ богатствъ остались одни воспо-

минанія. На самомъ Уралѣ лѣса уничтожены на половину и безвозвратно исчезли въ степи, измѣнивъ коренньмъ образомъ климатъ. Югъ и юго-западъ Башкиріи представляетъ изъ себя громадную степную область. Башкирская степь въ былыя времена могла служить примѣромъ роскошныхъ ковыльныхъ степей. Ее орошали многоводная Бѣлая, Дема съ прозрачной водой, быстрый Ай, Икъ и др. текущія съ Урала живописныя и веселыя рѣки. Аршина толщины достигалъ дѣвственный черноземъ, покрытый выше пояса зеленой травой, пушистымъ серебрянымъ ковылемъ и массой цвѣтовъ, о которыхъ Башкиры и теперь вспоминаютъ въ своихъ пѣсняхъ. Такова была степь нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ; теперь съ обезлѣсеньемъ, съ распашкой земли засуха, а съ ней и неурожаи—хроническое явленіе. На десятки верстъ тянется истощенная земля, высохшая и растрескавшаяся отъ зноя, съ скудной и печальной растительностью, пожелтѣвшей съ конца іюня; не успѣютъ изгладиться послѣдніе признаки весны: тогда степь дѣлается унылой. Кругомъ безграничный просторъ, сливающійся съ горизонтомъ, на которомъ чуть чуть синѣютъ далекія вершины Урала. Безрадостно, безконечно тянется пыльная пустынная, степная дорога отъ деревни до деревни; не видно кругомъ многочисленныхъ стадъ скота, пасшагося здѣсь въ былыя времена; нѣтъ и высокихъ хлѣбовъ, которые должны были бы смѣнить ихъ; вдоль дороги тянутся пепельно-черные квадраты невзошедшихъ полей, выжженныхъ солнцемъ и развѣянныхъ вѣтромъ; изрѣдка встрѣтится одинокій путникъ башкиръ съ котомкой, собирающій милостыню по сосѣднимъ деревнямъ. или пахарь башкиръ, печально плетущійся съ осмотра своего невзошедшаго поля. Кругомъ пустыня и молчаніе; примолкли степныя птицы, истомленныя зноемъ; по жнивьямъ съ раскрытыми отъ жажды клювами расхаживаютъ вороны и грачи, охотясь за кузнечиками и кобылками. Тишину и неподвижность степи нарушаютъ одни только насѣкомыя, которымъ раздолье подъ палящими лучами солнца, да изрѣдка перекликаются свистомъ суслики, взобравшись на земляные холмики изъ своихъ норокъ. А тамъ и жалкая башкирская деревушка съ развалившимися избами, съ раскрытыми, скормленными скоту соломенными крышами, безъ надворныхъ построекъ, безъ дворовъ, безъ своеобразнаго оживленія, которое такъ свойственно всякой деревнѣ. Единственнымъ украшеніемъ ея возвышается одинокій деревянный минаретъ, покривившійся отъ времени, но и отъ него вѣетъ на васъ какимъ-то безнадежнымъ отчаяніемъ и тоской. Во всемъ чувствуется хроническая бѣдность, разрушеніе, острый голодъ и несчастье.

Таково было первое впечатлѣніе моего знакомства съ Башкиріей, когда я попалъ на югъ Белебѣевскаго уѣзда, откуда началъ свои разъѣзды. Впрочемъ впечатлѣніе это мало смягчалось и впослѣдствіи, особенно благо-

даря печальнымъ условіямъ голода, бывшаго въ этомъ году въ Уфимской губерніи.

Два столѣтія тому назадъ Башкирія представляла изъ себя таинственную и недоступную страну, о привольѣ и богатствѣ которой разсказывали чудеса, но попасть туда было опасно и трудно. Степь славилась грабежомъ и набѣгами дикихъ башкиръ, кочевавшихъ по степямъ и долинамъ горъ. Сами башкиры подчинялись русскому правительству почти номинально, внося небольшой ясакъ, т. е. подать, разъ въ годъ; они вели самостоятельныя войны съ киргизами и калмыками. Они всегда были готовы поднять возстаніе и противъ русскихъ, сжигая ихъ первыя поселенія въ степи, уводя въ плѣнъ ихъ женъ и дѣтей и угоняя скотъ.

Первыми самыми ранними эмигрантами въ Башкирію были Казанскіе татары, тептяри, черемисы, вотяки и пр. народности, населявшія бывшее Казанское царство. Послѣ паденія Казани при Іоаннѣ IV, не желая подчиняться русскимъ, сюда потянулись сотни переселенцевъ, разсчитывая, что отдаленная Башкирія надолго обезопаситъ ихъ отъ русскихъ. Здѣсь они принялись за хлѣбопашество, принесли съ собой осѣдлость, болѣе мирные нравы и мусульманство. Ихъ вліяніе оставило глубокій слѣдъ на всей башкирской жизни, что всегда нужно помнить, изучая этнографическія особенности башкиръ. Впослѣдствіи эти первые переселенцы стали носить названіе припущенниковъ т. е. добровольно пущенныхъ самими башкирами на свои земли переселенцевъ.

Въ XVII—XVIII столѣтіяхъ заселеніе Башкиріи началось и съ другой стороны. Уралъ привлекъ вниманіе русскихъ предпринимателей и русскаго правительства, и тамъ появились горные заводы, къ которымъ отходили больше лѣсные раіоны. На заводы селили русскихъ крестьянъ крѣпостныхъ, образуя изъ нихъ контингентъ горныхъ рабочихъ. Около заводовъ все далѣе, смѣлѣе и смѣлѣе селились вольные крестьяне; разные бѣглецы отъ правительства и помѣщиковъ, находившіе здѣсь приволье и свободу. Въ началѣ XVII ст. въ Башкиріи устраиваютъ рядъ русскихъ военныхъ поселеній, пикетовъ, эмиграція принимаетъ стихійный характеръ. Сюда являются русскіе купцы, промышленники, скупающіе за безцѣнокъ все, что можно скупить у башкиръ, башкирцамъ продаютъ разный „инородческій“ товаръ за чрезмѣрно высокія цѣны—стадія, которую переживаютъ всѣ инородцы въ свое время. Начинаютъ скупать лѣса на срубъ, земли, цѣлыя долины „углы“, сколько можно въ день конемъ объѣхать—все это за гроши, за водку, за табакъ, за недоброкачественный, дорогой товаръ. Начался первый періодъ расхищенія башкирскихъ земель, жестокій и острый. Башкиры тѣснились, уступая свои вотчины, въ минуты народнаго самосознанія, мстя пришельцамъ

страшнымъ возстаніемъ, пожаромъ и кровью. Бунты подавлялись силой. Башкиръ жестоко наказывали, исчезали цѣлые роды, ихъ ссылали въ Сибирь, рвали ноздри, уводили и продавали въ крѣпостные. Таково напримѣръ наказаніе за бунтъ 1740 года, когда сожжено было 696 ауловъ, убито 16634 башкира, 4000 сослано, у 301 отрѣзали уши и носы, много малолѣтнихъ отдано въ матросы и въ вѣчное крѣпостное владѣніе тому, кто пожелаетъ. Послѣ многихъ такихъ попытокъ (бунты 1662, 1705, 1707, 1735, 1740, 1755 г.) башкиры наконецъ поняли, что силой бороться противъ этого стихійнаго захвата ихъ земель совершенно невозможно. Они бросились искать правосудіе въ Москвѣ и Петербургѣ и начали засыпать приказы и сенатъ челобитными и жалобами на расхватъ ихъ земель. Башкирскія судебныя дѣла потянулись десятками лѣтъ, накоплялись грудами въ канцеляріяхъ но правительство все еще не могло выработать себѣ правильнаго взгляда на т. наз. башкирскій вопросъ. Въ 1649 г. царь Алексѣй Михайловичъ запрещаетъ башкирамъ продавать свои земли и отмѣняетъ всѣ прежнія продажи земель. Въ 1736 г. запрещеніе это отмѣняется.

Въ 1758 г. склоняютъ башкиръ продать свою землю одному частному лицу, именно Глѣбову, вельможѣ, думая этимъ обойти дарованныя грамоты Іоанна IV, который отдалъ всѣ земли по Уралу башкирамъ въ вотчину.

Въ 1761 г. разъяснено, что селиться на башкирской землѣ можно, только имѣя указы отъ сената; 1818 г. снова запрещеніе, 1839 г. позволеніе продавать свободныя земли, оставшіеся сверхъ надѣла по ревизскимъ душамъ VII ревизіи 1816 г., 1869 г.—разрѣшеніе продавать земли кому и какъ угодно—начало послѣдняго періода расхищенія башкирскихъ земель, надѣлавшаго шуму въ 80 г.; наконецъ 1882 г. запрещеніе продавать земли въ частныя руки и позволеніе башкирамъ размежеваться съ цѣлью продавать только свободную землю и однимъ крестьянамъ. И только въ 1898 г. 20 марта—новый законъ, окончательно разрѣшающій башкирскій земельный вопросъ—обязательная нарѣзка земли башкирамъ по 15 дес. на душу X ревизіи, съ образованіемъ запасной земли, которую башкиры могутъ продавать обществамъ и товариществамъ при посредничествѣ крестьянскаго банка. Такова въ самыхъ общихъ чертахъ исторія башкирскаго вопроса.

Знакомясь съ современными башкирами Уфимской губерніи, я ставилъ себѣ двѣ цѣли: мнѣ хотѣлось видѣть, не встрѣчается ли у нихъ какихъ либо остатковъ, пережитковъ ихъ былого скотоводческаго быта; съ другой стороны, я хотѣлъ уяснить себѣ, въ какой степени башкиры могутъ считаться настоящими земледѣльцами, и какъ сложилась ихъ жизнь подъ вліяніемъ новыхъ условій. Для болѣе полнаго ознакомленія я выбралъ башкиръ

разныхъ полосъ: степной полосы на югѣ Белебѣевскаго уѣзда, горной области, въ Златоустовскомъ уѣздѣ, глухой лѣсной—въ Уфимскомъ уѣздѣ. Въ первыхъ двухъ я посѣтилъ 29 башкирскихъ деревень, въ нѣкоторыхъ оставаясь по нѣскольку дней.

Теперь трудно опредѣлить точно время, когда собственно башкиры вотчинники поставлены были въ невозможность жить однимъ скотоводствомъ, но уже въ прошломъ столѣтіи башкиры Белебѣевскаго и Мензелинскаго уѣздовъ настолько быстро стали распродавать свои земли подъ распашку и лѣса на срубъ, такъ скоро лишились своихъ неизмѣримыхъ пастбищъ для скота, что неизбѣжно должны были подумать о новыхъ способахъ жизни. Они сами должны были приняться за хлѣбопашество, робко и неумѣло конечно. Грубо разрыхляли примитивнымъ деревяннымъ плугомъ, сабаномъ, землю, бросали въ плодородную, дѣвственную почву сѣмена и уходили за нѣсколько десятковъ верстъ на кочевку, забывая о пашнѣ, къ которой возвращались только осенью. Близъ пашни устраивали постоянныя зимовки избы, примитивныя и жалкія, крытыя дерномъ, съ единственнымъ окошкомъ, затянутымъ пузыремъ, съ чуваломъ—печкой посрединѣ. На внутреннемъ устройствѣ избы отразилось вліяніе татаръ припущенниковъ; тутъ около этой жалкой зимовки складывалась новая жизнь башкира, который принужденъ былъ многому научиться, чтобы не умереть съ голоду. Въ этой тѣсной и низкой избушкѣ онъ томился зимой, мечтая о лѣтѣ съ возможностью уйти на кочевку.

Съ продолжавшейся урѣзкой свободныхъ земель, лѣтняя кочевка приближалась все ближе и ближе, кошемную „тирму", т. е. юрту приходилось ставить въ 2, 3 верстахъ отъ зимней избы, переселяясь туда скорѣе ради удовольствія вспомнить старый обычай, чѣмъ ради необходимости для скота. Кочевать продолжали только богатые, имѣющіе возможность пріобрѣтать дорого стоющую „ширму"; бѣдняки устраивали лѣтнія жилища изъ плетней и луба—такъ наз. „алачикъ" или около самой деревни, или даже у себя на дворѣ. Наконецъ и богатые могли выѣзжать только на сентябрь мѣсяцъ. выбирая мѣстомъ кочевки свои собственныя сжатыя поля, гдѣ можно было пасти остатки своего скота на жнивьяхъ до перваго снѣга. Оставалось одно—прекратить эти послѣдніе остатки кочевокъ, если только можно было это назвать кочевками, что и сдѣлали современные намъ башкиры въ Уфимской губерніи. Мнѣ особенно хотѣлось отыскать и посмотрѣть башкирскую кочевку, этотъ характерный остатокъ старины. При своихъ разъѣздахъ по Уфимской губерніи, я встрѣтилъ двѣ тирмы. Обѣ принадлежали очень богатымъ старикамъ башкирамъ, которые въ нихъ живутъ, какъ на дачѣ, ради того, чтобы до своей смерти сохранить старинный, милый ихъ сердцу обычай. Обѣ на-

ходились на югѣ Белебѣевскаго уѣзда. Тирма старинной формы напоминаетъ совершенно киргизскую юрту; она устраивается изъ нижняго деревяннаго рѣшетчатаго остова, по башкирски „кирага“, изъ палокъ „укъ“, которыя поднимаются отъ этого остова къ верхнему кругу на куполо-образномъ потолкѣ, верхняго деревяннаго обода „сагаракъ“. Этотъ деревянный легкій остовъ закрывается кошмами (войлоками), при чемъ съ одной стороны оставляется дверь, а на потолкѣ круглое отверстіе, ограниченное ободомъ „тавикіеве“, которые во время дождя закрываютъ квадратной кошмой— „ергакіеве“.

Внутреннее устройство тирмы теперь не подчиняется какимъ либо обычаямъ; оно зависитъ отъ богатства хозяина. Богатые ставятъ туда кровати, стулья и шкафы, полъ устилаютъ коврами; мѣдная посуда, кувшины татарской формы, съ длинными горлышками, тазы, самовары стоятъ красивой горкой; у двери, завѣшанной ковромъ, на стѣнкѣ виситъ старинное сѣдло, убранное серебромъ, рядомъ съ нимъ дешевое зеркальце, купленное на базарѣ, грустная иронія!

Для кумыса стоитъ деревянная „губба“, гдѣ кумысъ бродитъ. откуда его переливаютъ въ „турсуки“ и „курлыки“ изъ кожи. Эту старинную кожанную утварь для кумыса, которая смѣнилась стеклянной русской посудой— бутылками и штофами, я видѣлъ всего одинъ разъ. Такова юрта „тирма“, которую, вѣроятно, чрезъ нѣсколько лѣтъ, послѣ смерти этихъ стариковъ, не увидишь болѣе въ Башкиріи. Есть много деревень, въ которыхъ башкиры сами никогда въ жизни не видали тирмы и выслушивали вопросъ, когда они въ послѣдній разъ ѣздили на лѣто за деревню на кочевку, съ недоумѣніемъ. Изъ 29 деревень, которыя я видѣлъ, въ 2-хъ я встрѣтилъ по одной юртѣ, въ 1 дер.—10 домохозяевъ выходятъ за околицу деревни въ шалаши „алачикъ“, въ одной деревнѣ—2 выходятъ къ себѣ на жнивье осенью, въ одной деревнѣ одинъ переходитъ къ себѣ въ юрту, поставленную въ огородѣ; въ одной деревнѣ 3-ое кочуютъ въ своей деревнѣ.

8 лѣтъ не кочуютъ одиночные башкиры въ 2 деревняхъ, 15 лѣтъ— въ 3 деревняхъ; 20 лѣтъ всей деревней не кочуютъ 5 д.; 52 года—4 д.;. 30 л.—2 д.; 35 л.—1 д.; 40 л.—1 д.; 70 л.—1 д.; совершенно не могли припомнить 5 деревень Златоустовск. уѣзда—горные башкиры. Забыта кочевка въ Мензелинскомъ и Уфимскомъ уѣздахъ. Единичныя кочевки вблизи своей деревни рѣдко встрѣчаются на югѣ Стерлитамакскаго уѣзда. Таковы печальные остатки прежняго вольнаго кочеванія по безбрежнымъ степямъ Башкиріи. На ряду съ исчезновеніемъ кочеванія совершенно параллельно идетъ быстрое уменьшеніе количества скота, мѣстами упавшее ниже нормы скота у русскихъ крестьянъ сосѣдей. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, я разспра-

шивалъ въ каждой деревнѣ о количествѣ скота и дѣлалъ это подъ конецъ своего пребыванія въ деревнѣ, когда могъ надѣяться, что недовѣріе башкиръ ко мнѣ, какъ чиновнику, за котораго они въ первую минуту меня принимали уменьшится. Вотъ цифры, которыя получились у меня по 29 деревнямъ. Въ нихъ было 1881 домохозяевъ. 4920 наличныхъ душъ мужескаго пола; изъ нихъ безлошадныхъ было 282 домохозяина, т. е. 15%, безъ всякаго скота 56 домохозяевъ; остальные владѣли 5793 рабочими лошадьми, 4715 коровами, 648 овцами и козами, т. е. каждый въ среднемъ по 3,62 лошади, 2,7 коровы, 3,7 прочаго скота. У 25 богачей лошадей не менѣе 25. Очень характерны цифры, полученныя Уфимскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ, опубликованныя пока только для Уфимскаго уѣзда. Въ Уфимскомъ уѣздѣ:

У русскихъ 40,946 рабочихъ лошадей, у башкиръ 11,556; они владѣютъ 16,9% всего количества рабочаго скота въ уѣздѣ, русскіе владѣютъ 59,7%.

У вотчинниковъ на 1 дворъ приходится 1,8 рабочаго скота, 4,1 всего скота, тогда какъ у государственныхъ крестьянъ на 1 дворъ приходится 2,2 рабочаго, а всего скота 5,7. Сравнительно съ крестьянами собственниками, горнозаводскими крестьянами и др. башкиры занимаютъ только 5-ое мѣсто въ уѣздѣ. Число безлошадныхъ дворовъ въ % — 20,3, безъ всякаго скота 10,4. На одну десятину обработываемой земли приходится скота у вотчинниковъ на 1 д. почти 0,1, у горнозаводскихъ крестьянъ 13, т. е. у башкиръ 1 лошадь приходится на 10 дес. пашни.

Таковы печальныя цифры, показывающія, что башкиры уже не только не скотоводы, но у нихъ не достаетъ рабочаго скота и для болѣе обширнаго земледѣлія.

Малое количество скота прежде всего отразилось на пищѣ, которая всегда является характернымъ показателемъ быта инородцевъ. Молочные продукты — обычная пища скотоводовъ быстро исчезаетъ и смѣняется хлѣбной пищей крестьянъ. Считая интереснымъ прослѣдить эту замѣну одной пищи другой, я старался въ каждой деревнѣ опредѣлить характеръ пищи.

Въ моихъ 29 деревняхъ только въ одной пили кумысъ средніе по зажиточности хозяева; въ 11 дер. пили только богатые, т. е. по 2, 3 домохозяина въ деревнѣ, остальные кумыса никогда не пили и забыли его приготовленіе.

Въ нѣкоторыхъ деревняхъ, расположенныхъ по линіи Самарско-Златоуст. ж. д. дѣлаютъ кумысъ исключительно для продажи больнымъ. Нѣсколько болѣе распространенъ айранъ, т. е. квашеное молоко и куртъ, т. е. сушеный творогъ, родъ сыра, но въ нѣкоторыхъ деревняхъ Златоустовскаго уѣзда и

они совершенно забыты. Въ одной деревнѣ говорили мнѣ, что въ старину дѣлали у нихъ нѣсколько сортовъ сыра, курта еремчика и пр. молочные запасы, но я ихъ ни разу не встрѣтилъ. Забыты также разныя мясныя блюда, любимыя кочевниками скотоводами, разные бишбармаки, кувырдачки, тюстючки, знакомые намъ у киргизъ, напримѣръ. Впрочемъ нужно сказать, что мясная пища входитъ непремѣннымъ условіемъ у каждаго башкира; безъ мяса, которое башкиръ покупаетъ въ долгъ на базарѣ по фунтамъ, онъ, по его словамъ, умретъ съ голоду. Кое-какіе остатки еще не такъ давно исключительно скотоводческаго хозяйства можно встрѣтить въ нѣкоторыхъ обычаяхъ въ общинномъ правѣ. Еще до сихъ поръ, напримѣръ, каждая деревня сообща загораживаетъ большіе, около 1000—1500 дес., выгоны паскотины для скота, въ раскладкахъ повинностей замѣтно нѣкоторое стремленье вести разсчеты на скотъ; выборъ или наемъ пастуха является дѣломъ, долго волнующимъ общественниковъ. Изъ обычаевъ сохраняется торжественное наложеніе тамги, т. е. родового знака на молодую лошадь, наконецъ, замѣтна привычка цѣнить выше кобылъ, которыя преобладаютъ въ табунѣ, если даже онѣ и не доятся для кумыса. Вотъ, кажется, все, что можно подмѣтить въ этомъ отношеніи изъ остатковъ былого скотоводческаго быта у башкиръ. Приходится, очевидно, отказаться отъ мысли считать башкиръ хоть сколько-нибудь скотоводами.

Теперь посмотримъ, каковы башкиры, какъ земледѣльцы. Прежде всего мнѣ хотѣлось познакомиться съ башкирской общиной, которая сложилась подъ вліяніемъ новыхъ земельныхъ условій. Башкиры считаются общими собственниками всѣхъ земель, имъ пожалованныхъ еще Іоанномъ IV. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ они получили по 15 дес. на душу X ревизіи въ общинное пользованіе съ образованіемъ свободной земли, считая по 40 дес. на душу VI ревизіи, бывшей въ 1816 г., т. е. на тѣ души, которыя были въ этомъ году въ данномъ сельскомъ обществѣ. Половина башкирскихъ обществъ осталась не размежеванной, добровольно раздѣливъ между собою всѣ земли по т. н. „миролюбивому соглашенію“. Нормой этого раздѣла, который состоялся не безъ крупной внутренней борьбы между обществами, было отчасти фактическое владѣніе землей, отчасти число душъ, наконецъ, качества и особенности земель, въ смыслѣ ихъ доходности.

Получивъ большой „уголъ“ земли, границей котораго были горы, ручьи, ямы и проч., каждая деревня, какъ только что поднялась арендная цѣна на землю, поспѣшила передѣлить землю между своими сообщественниками. Въ передѣлахъ башкирскихъ земель между собой вообще замѣчается два принципа. Старый, очень несправедливый—по числу душъ X ревизіи, числу теперь, конечно, не совпадающему съ числомъ наличныхъ домохозяевъ

въ деревнѣ. При дѣлежѣ по ревизскимъ душамъ пай получается только ревизскій; домохозяинъ или тотъ, кто, послѣ смерти ревизской души, взялъ на себя всѣ ея повинности. Всѣ родившіеся послѣ ревизіи, т. е. послѣ 1871 г. такъ и называются въ башкирскихъ деревняхъ „новорожденными“ и не получаютъ ни пяди земли. Эти „новорожденные“, которымъ по 27 лѣтъ, имѣютъ часто свои многочисленныя семьи; ихъ положеніе печально: они въ сущности вѣчные батраки у ревизскихъ душъ или только арендаторы своихъ собственниковъ, тщетно добивающіеся на сходѣ о новомъ передѣлѣ земельно наличнымъ душамъ. Это одинъ изъ самыхъ острыхъ вопросъ общиннаго быта башкиръ.

Другой, болѣе справедливый способъ дѣленія земли—дѣленіе по наличнымъ мужскимъ душамъ до 4 лѣтняго возраста, при передѣлѣ черезъ каждые 10—15 лѣтъ. Общества, которыя перешли къ такому дѣленію своихъ земель, имѣютъ гораздо менѣе бѣдняковъ и живутъ болѣе мирно. Къ сожалѣнію, новый законъ 1898 г. положилъ въ основаніе нарѣзки неразмежеванныхъ земель счетъ душъ X и VI ревизій,—чѣмъ снова воскресилъ борьбу и неопредѣленное положеніе родившихся послѣ 71 г., хотя законъ и рекомендуетъ башкирамъ сейчасъ же послѣ казеннаго размежеванія передѣлиться своими силами по наличнымъ душамъ. Приступая къ передѣлу земель, сельскій башкирскій сходъ, обыкновенно въ полномъ составѣ отправляется на поля и производитъ самую точную оцѣнку земель по качеству почвы и прочимъ условіямъ. Далѣе вся осмотрѣнная площадь земель разбивается по качеству на три клина, при чемъ различаются хорошая, средняя и плохая земли. Каждый клинъ разбивается сначала по числу десятковъ въ обществѣ, при чемъ каждому десятку приходится земля въ 3 клиньяхъ. Затѣмъ слѣдуетъ бросаніе жребія въ каждомъ десяткѣ между отдѣльными башкирами, и дѣлежъ конченъ, при чемъ каждый получитъ равное количество хорошей, средней и плохой земли. Изслѣдуя ближе причины передѣла земель, мы убѣждаемся, что они вызваны не столько ради цѣлей земледѣлія,—земли еще много въ каждомъ обществѣ—паши, гдѣ хочешь, какъ это было въ Сибири до начала переселенія—сколько ради сдачи своей дешевой земли въ аренду. Объ этой арендѣ, какъ самомъ существенномъ пособіи экономической жизни башкиръ, мы скажемъ потомъ, теперь же посмотримъ, какъ справляются съ земледѣліемъ сами башкиры.

Сравнительное обиліе черноземной земли не требуетъ отъ башкира удобренія и позволяетъ вести примитивное хозяйство даже не примѣняя трехполья. Ранней весной башкиръ выѣзжаетъ со своимъ сабаномъ-плугомъ, который еле тащутъ 3 лошади, перепахивать пары и боронить ихъ. Въ первыхъ числахъ мая они сѣютъ пшеницу, затѣмъ рожь и другіе хлѣба; этимъ

заканчивается первый періодъ его заботъ о пашнѣ. Затѣмъ начинаются приготовительныя работы къ слѣдующему году, до Петрова дня—вообще всѣ сроки работъ заимствованы отъ русскихъ мужиковъ вмѣстѣ съ названіями,—до Петрова дня онъ норовится поднять побольше новины, запахивая 2, 3 десятины. Съ Петровокъ начинается сѣнокосъ, съ „Ильина“ начинается жатва поспѣвающаго хлѣба, къ „Спасу“ все кончаютъ и сѣютъ озимую рожь. Орудія самыя первобытныя, деревянные неуклюжіе плуги, бороны съ деревянными (плугами) зубьями, плохого качества серпы, косы и пр.; хлѣбъ молотятъ, не умѣя его высушивать передъ этимъ, мелятъ хлѣбъ на мельницѣ у русскихъ за очень дорогую плату 2 ф. съ пуда, т. е. 5% его стоимости.

Интересно, какъ оцѣниваютъ свое хлѣбопашество сами башкиры. Мнѣ приходилось не разъ спрашивать ихъ, почему ихъ хлѣба хуже сосѣднихъ крестьянскихъ. Всегда получался приблизительно одинъ отвѣтъ: привычки къ этой работѣ нѣтъ, слишкомъ трудная работа, всего не упомнишь, не сообразишь, не поймешь, „не хлѣбный“ мы народъ—формулировали они однимъ словомъ. Сосѣди русскіе крестьяне оцѣнивали ихъ очень низко съ этой стороны: куда-де нехристямъ, чего они понимаютъ въ этомъ дѣлѣ. они и запахать-то путемъ не умѣютъ. По ихъ словамъ, у башкиръ нѣтъ еще и должнаго уваженія къ труду пахаря и къ нивѣ. Башкиръ до сихъ поръ не прочь съострить надъ крестьяниномъ, круглый годъ думающимъ о своемъ хлѣбѣ, не постѣсняется прогнать лошадей или проѣхать на телѣгѣ по нивѣ, полѣнившись объѣхать ее кругомъ. Цифры наглядно показываютъ, что хлѣбопашество не велико у башкиръ.

Въ видѣнныхъ мной деревняхъ изъ 1881 домохозяевъ пашутъ 1761, запало въ этомъ году 7578 десятинъ хлѣба: пшеницы, ржи, проса и полбы, т. е. на каждаго домохозяина приходится по 4,3 дес.; на наличную душу муж. пола 1,57 дес. и слѣдовательно, на каждаго башкира или башкирку около 0,7 дес. Не сѣяли въ этомъ году 120 домохозяевъ, только 50—60 домохозяевъ сѣяли болѣе 20 дес., т. е. могутъ считаться богатыми. Таковы цифры; общее впечатлѣніе въ башкирскихъ деревняхъ—это постоянная недостача хлѣба, вѣчныя угрозы умереть съ голоду отъ его отсутствія. Башкиръ не имѣетъ никогда избытковъ, чтобы сохранить ихъ на черный день, у него нѣтъ общественнаго хлѣба въ нужномъ количествѣ въ случаѣ неурожая, и вотъ ближайшія причины хронически повторяющихся башкирскихъ голодовъ, въ которые не рѣдки случаи смерти отъ голода не только дѣтей, но и взрослыхъ. Вотъ отчего эта растерянность башкира, которая бросается въ глаза, когда онъ вамъ жалуется, что всходы у него опять плохи, что онъ не знаетъ, какъ ему выйти изъ безвыходнаго положенія, въ которое онъ зашелъ. У него нѣтъ ни рабочаго скота, чтобы расширить запашку,

у него нѣтъ денегъ, чтобы не проѣсть за зиму хлѣбъ, нужный ему для посѣва весной. Къ этому присоединяются съ одной стороны дѣйствительно трудныя условія хозяйства въ степной полосѣ, гдѣ, вслѣдствіе истребленія лѣсовъ, не рѣдки засухи, съ другой,—и это главная причина—полное невѣжество башкиръ, незнакомство ихъ съ самыми элементарными познаніями по сельскому хозяйству. Въ этомъ вина всецѣло лежитъ на пришельцахъ, отнявшихъ у башкиръ земли—русскихъ. Никто ни разу не пробовалъ научить башкиръ чему-либо; среди нихъ нѣтъ ни одной сельскохозяйственной школы или фермы, или опытнаго поля, гдѣ бы они дѣйствительно могли чему либо выучиться. Русская грамота появилась у нихъ едва нѣсколько лѣтъ въ формѣ такъ называемыхъ башкирско-русскихъ школъ. Башкиры, если и учились сельскому хозяйству, то только у татаръ припущенниковъ, у которыхъ хозяйство не выше, чѣмъ у самихъ башкиръ, или у русскихъ мужиковъ, но русскій мужикъ можетъ быть хорошимъ учителемъ только тогда, когда онъ самъ живетъ полнымъ хозяйствомъ; къ сожалѣнію, въ Уфимской губ. это наблюдается не (всегда) вездѣ: нашимъ русскимъ переселенцамъ, которые становятся съ башкирами въ близкія сношенія, самимъ не оказываютъ должной поддержки на первое время, послѣ ихъ переселенія на новое мѣсто. А это, быть можетъ, было бы однимъ возможнымъ способомъ быстро обрусить башкиръ и поднять уровень ихъ сельскаго хозяйства. Законъ 1881 г. запретилъ продажу башкирскихъ земель и тотчасъ же вызвалъ аренду ихъ той массой новыхъ пришельцевъ, которые, привлеченные молвой о башкирскихъ земляхъ, продолжали прибывать изъ сосѣднихъ и дальнихъ губерній. Землю арендовали или у всего башкирскаго общества, или частнымъ образомъ у отдѣльныхъ домохозяевъ. Цѣны быстро поднялись: съ нѣскольких копѣекъ за десятки десятинъ онѣ дошли до $1^1/_2$ рубля за десятину подъ одинъ посѣвъ. Аренда сдѣлалась въ высшей степени важнымъ рессурсомъ въ башкирской жизни. Аренда общественной земли оплачиваетъ подати; отдѣльные хозяева, сдавая всю дешевую землю, пріобрѣли важное подспорье къ своему хозяйству, единственный способъ получить деньги.

Въ 29 моихъ деревняхъ было всего 160,000 дес. общественной земли; изъ нихъ сдавались въ аренду въ среднемъ на 3, 4 года болѣе половины и деньги вездѣ шли въ уплату податей. Ни въ одной изъ этихъ деревень, по словамъ сосѣднихъ крестьянъ, не оставалось свободной десятины земли: вся сдавалась въ аренду подъ посѣвъ хлѣба за 1—1,50 руб. за десятину, деньги шли домохозяевамъ. Общая картина башкирскихъ земель можетъ ввести въ заблужденіе. Хлѣбныя нивы тянутся на десятки верстъ, склоны холмовъ чернѣютъ квадратами паровъ или ярко зеленѣютъ позднѣе поспѣвающими хлѣбами. Увы! эти нивы принадлежатъ не башкирамъ,—эти хлѣба

богатыхъ мужиковъ и мѣщанъ арендаторовъ. Въ среднемъ, по словамъ крестьянъ, каждый башкиръ сдаетъ изъ своего надѣла десятинъ по 10—15 и такимъ образомъ получаетъ по 15—20 руб. въ годъ. Нужно однако оговориться, что эта свободная земля въ арендѣ образуется не отъ избытка земель, принадлежащихъ башкирамъ, а только отъ незначительности собственныхъ запашекъ. Башкиры въ среднемъ сами сѣютъ по 3, 4 десятины или совсѣмъ ничего не сѣютъ, занимая своими посѣвами изъ 156,951 дес. своей земли только 7578 дес., т. е. нѣсколько менѣе половины.

Заслуживаютъ интереса своеобразныя отношенія башкиръ хозяевъ и арендаторовъ ихъ земель. Тотъ и другой стараются жить дружно и угождать другу другу. Башкиръ не забываетъ русскихъ праздниковъ; каждый праздникъ ѣдетъ въ гости къ своему арендатору, который въ свою очередь старается накормить и напоить до пьяна своего голоднаго гостя, иногда и неѣвшаго нѣсколько дней. Гость увезетъ и съ собой малую толику угощенія для своихъ дѣтей и жены, а хозяинъ не забудетъ заключить какое нибудь выгодное дѣльце съ своимъ гостемъ насчетъ аренды. Башкиръ, дружно живущій съ арендаторомъ мужикомъ, никогда на слѣдующій годъ не набавитъ арендной платы, не прогонитъ съ старой пашни, которую домовитый хозяинъ арендаторъ не боится удобрять и готовить подъ паръ. „Бульна хороша человѣкъ“ говоритъ про того арендатора башкиръ. „Хоть онъ и собака, и душа въ ёмъ басурманская, а дурного слова сказать нельзя о башкирцѣ“ говоритъ мужикъ, типичный русскій пахарь, живущій всѣми своими интересами у хлѣба, у пашни.

Вліяніе такого пахаря сказывается благотворно и на самомъ башкирѣ. По крайней мѣрѣ въ Златоустовскомъ уѣздѣ они всѣ стоятъ гораздо выше въ развитіи, чѣмъ напр. въ Белебѣевскомъ уѣздѣ, гдѣ арендаторы ихъ земель—татары. Башкирамъ Златоустовскаго уѣзда одинъ шагъ, чтобы самимъ сдѣлаться крестьянами, постепенно увеличивающими количество своихъ собственныхъ посѣвовъ.

Новый законъ 1899 г. окончательно санкціонируетъ продажу излишней земли, позволяя продавать башкирамъ вотчинникамъ сверхъ 15 десят. надѣла на душу X ревизіи, т. е. около 10 дес. на наличную душу. Позволеніе продавать землю, не смотря даже на созрѣвшее сознаніе невыгоды такой продажи у самихъ башкиръ, поведетъ, мнѣ кажется, къ быстрой и окончательной распродажѣ башкирскихъ земель. Причина этого коренится глубоко; это полная бѣдность и необезпеченность башкиръ. Ужъ и теперь, когда еще не вездѣ можно заключать формальныя сдѣлки о продажѣ, бѣдняки поспѣшили набрать въ долгъ подъ землю у русскихъ кулаковъ. Я встрѣчалъ семьи, гдѣ этотъ долгъ уже доходилъ до 100 руб. Общинное

владѣніе землей вообще плохо воспитываетъ чувство собственности и солидарности у башкиръ.

Общую землю не хотятъ ни беречь, ни эксплоатировать болѣе правильно: „чего ее удобрять—передѣлять землю, труды пропадутъ“. „Обчество“— эту фразу также часто слышишь у башкиръ, какъ и у русскихъ мужичковъ общественниковъ. Всѣ налоги, а они очень велики, считаются съ земли, но раскладываются они не по фактическому владѣнію, а по раздѣлу всѣхъ земельныхъ налоговъ по числу душъ. Благодаря этому, бѣднякъ, владѣющій 1 дес., платитъ столько же, сколько богатый, запахивающій десятки десятинъ. Это вынуждаетъ бѣдняковъ, какъ можно скорѣе избавиться отъ излишковъ земель, чтобы не платить по 6, 7 руб. въ годъ и освободиться отъ земельной недоимки, дошедшей до 20, 30 руб. съ души.

На сельскихъ сходахъ башкиръ теперь идетъ страшная борьба богатой и бѣдной партій; первая стоитъ за аренду, вторая за продажу земель „на вѣчно“, какъ выражаются башкиры. Трудно сомнѣваться, что партія бѣдняковъ преобладаетъ по численности и на башкирскомъ сходѣ.

Таково экономическое положеніе современныхъ башкиръ, отразившееся на внутреннемъ складѣ всей ихъ жизни, на всѣхъ ихъ этнографическихъ особенностяхъ. Перейдя къ знакомству съ ихъ домашней жизнью, прежде всего легко убѣдиться, что всѣ ихъ характеристическія черты стираются замѣчательно быстро, старые обычаи, привычки, весь складъ домашней жизни,— все это смѣняется новымъ, безцвѣтнымъ. Громадное вліяніе на нихъ, въ этомъ отношеніи, имѣютъ ихъ сосѣди татары, передавшіе имъ, кромѣ мусульманской религіи, массу своихъ чертъ. Изба современнаго башкира не отличается отъ избы татарина—тептеря. У богатаго она строится въ двѣ горницы, соединенныя холодными сѣнями. Въ правой живутъ мужчины, принимаются гости, это т. н. Туръяга, въ лѣвой живутъ женщины „катынъ ерга“; каждая изба до половины занята нарами, т. е. широкимъ, низкимъ помостомъ, на которомъ разложены кошмы, подушки, гдѣ днемъ усаживаются съ ногами, а ночью спятъ въ повалку. Стѣны убраны базарными дешевыми картинами, полотенцами, на гвоздѣ виситъ чалма старика. Уголъ занимаетъ печь чувалъ, широкое, неуклюжее сооруженіе изъ кирпича или глины. Избушка бѣднаго башкира представляетъ печальную картину, особенно зимой. Мнѣ приходилось встрѣчать жилища изъ глины и плетня не болѣе 4 кв. саж. по полу, въ которое нужно влѣзать, низко согнувшись. Маленькое оконце затянуто пузыремъ и пропускаетъ тусклый свѣтъ. Нагіе ребятишки копошатся на земляномъ полу, тутъ же въ углу привязанъ новорожденный теленокъ. Воздухомъ этого жилища невозможно дышать, между тѣмъ здѣсь

безвыходно цѣлыхъ 8 мѣсяцевъ зимы живетъ вся семья, не имѣя одежды выйти на улицу.

Домашнее имущество такого башкира не сложно. Лошади у него нѣтъ, скота всего двѣ коровы, ни овецъ, ни козъ, ни домашней птицы.

Это типичный представитель бѣдняка башкира, какихъ тысячи. Жизнь богатаго сложнѣе и разнообразнѣе. Зимой богачъ не прочь и повеселиться, справляя свадьбы и другіе семейные праздники. Онъ готовитъ на праздникъ большой запасъ „кислушки“, хмѣльнаго напитка изъ меда.

Въ его пищѣ встрѣчаются старинныя кушанья: „бишбармакъ“, крошенное мясо съ тѣстомъ и жиромъ „саяма“, лапша въ водѣ, „когʻыть“— сушеное, „саксакъ“—тѣсто въ маслѣ, „прутъ“, сыръ—сушеный творогъ, лѣтомъ у нѣкоторыхъ кумысъ. Хлѣбъ пекутъ кислый, иногда дѣлаютъ его изъ полбенной муки. Пьютъ три раза въ день чай черный—кирпичнаго монгольскаго не любятъ.

Одѣваются башкиры въ татарскую одежду, національной я не встрѣтилъ.

Чтобы ближе ознакомить съ обычнымъ настроеніемъ башкиръ, съ ихъ обычными интересами, мнѣ хочется описать ту обстановку, которую я встрѣчалъ почти вездѣ при своихъ разъѣздахъ. Ямщикъ привозитъ васъ къ какому нибудь башкиру, который пускаетъ къ себѣ проѣзжающихъ, уступая для нихъ чистую половину своей избы. Не успѣли вы пріѣхать, поздороваться съ хозяиномъ, какъ въ избу одинъ за другимъ входятъ любопытные. Молва о васъ, какъ о необычномъ гостѣ, который разспрашиваетъ о всемъ, дошла до нихъ изъ сосѣдней деревни скорѣй, чѣмъ вы пріѣхали. Не смотря на вашу скромную фигуру, и все желаніе, что бы васъ принимали за случайнаго гостя проѣзжаго, васъ считаютъ чиновникомъ „тюрей“, посланнымъ изъ самаго Петербурга высмотрѣть, что дѣлается здѣсь. Съ таинственнымъ видомъ спрашиваютъ васъ, что новаго въ Петербургѣ, разузнаютъ, какой на васъ чинъ, можете ли вы самого „земскаго“ ревизовать. Задаютъ вопросъ, сколько вы получаете жалованья и только съ той минуты, когда узнаютъ, что ваше жалованье не соотвѣтствуетъ тому представленію, какое они составили о вашемъ значеніи, они убѣждаются, что передъ ними не „тайный“ чиновникъ изъ Петербурга, а простой смертный. Нѣкоторые разочарованные уходятъ домой, другіе дѣлаются довѣрчивѣе, и разговоръ, болѣе интересный, завязывается. Устройте чай и пригласите выпить вмѣстѣ съ вами стариковъ. Сначала пьютъ чай чинно и сосредоточенно. Рѣшительно отказываются отъ каждой новой чашки; но мало-по-малу ихъ живая натура беретъ верхъ, и устанавливается болѣе естественная простота.

Старайтесь ухаживать за хозяиномъ квартиры ласковѣе; отъ него вы, по уходѣ гостей, услышите много цѣнныхъ поправокъ. Для этой же цѣли

не лѣнитесь подавать чаю ямщику, который васъ повезетъ въ слѣдующую деревню. Гости разговорились; вы незамѣтно узнали отъ нихъ много бытовыхъ черточекъ. Затѣмъ нужно, подмѣтивъ какой нибудь вопросъ, который ихъ особенно волнуетъ или имъ близокъ, направить на него. Такой вопросъ возбудитъ горячіе споры; чѣмъ онъ ближе, чѣмъ онъ существеннѣе, тѣмъ возбужденнѣе будетъ общее настроеніе. Раскроется внутренняя жизнь деревенскаго общества, вы различите въ немъ нѣсколько партій. Вы увидите самые запутанныя нити ихъ взаимныхъ отношеній: презрѣніе къ беднякамъ у богатыхъ, ненависть бѣдняковъ къ нимъ, интриги, вражда, честолюбіе, зависть и проч., и проч.

Этими моментами и долженъ пользоваться этнографъ, передъ которымъ иногда открывается истинное положеніе дѣла, затемненное и тщательно скрываемое обыкновенно изъ страха и недовѣрія ко всякому чужому человѣку.

„Зачѣмъ намъ обязательную нарѣзку земель: мы и такъ дружно живемъ; нарѣжутъ землю, всѣ лишки отнимутъ въ казну!" и мои гости припоминаютъ исторію съ надѣлами припущенниковъ въ 1832 г., когда для нихъ у башкиръ взяли по 15 д. на душу, а въ дѣйствительности по 7½ д., остальныя отобрали въ казну и продавали впослѣдствіи въ частныя руки на льготныхъ условіяхъ.

— „Зачѣмъ нарѣзку дѣлать по душамъ X ревизіи, когда мы бились, бились, насилу по наличнымъ передѣлили?—„Какъ будутъ рѣзать деревнямъ запасную землю по душамъ VII ревизіи (VII ревизія была въ 1816 г.), когда въ то время и деревни нашей тутъ не было?!"—Цѣлый рядъ страстныхъ вопросовъ, показывающихъ, къ моему удивленію, что башкиры знаютъ о новомъ законѣ 1898 г., за мѣсяцъ только что вышедшемъ и опубликованномъ, чувствуется его непониманіе, недовольство и страшное раздраженіе. „Не пустимъ межевать землю... что хочешь съ нами дѣлай!".. Моимъ объясненіямъ не вѣрятъ: ужъ и ты не обманываешь ли насъ! подозрительно спрашиваютъ меня. Тамъ, гдѣ нарѣзка произведена, всѣхъ волнуетъ распродажа земель. „Зачѣмъ землю продаемъ? а чѣмъ будемъ жить-то, хлѣба-то откуда достанемъ, неурожай вотъ который годъ. А подати-то съ земли чѣмъ платить будемъ? чего ужъ!!" Старики сокрушенно киваютъ головами: прошло наше раздолье, старины не вернешь.. А богатые злобно шепчутъ: „это все, ваше благородіе, лѣнтяи, дармоѣды, голытьба эта землю продаетъ; нельзя ли ихъ хоть выдѣлить отъ насъ, что ли?!" Въ ихъ тонѣ и презрѣніе, и ненависть.

Въ то же время и они чувствуютъ, что ихъ благосостояніе не прочно и не могутъ скрыть своего безпокойства. Не смотря на всѣ мои старанія возбудить къ себѣ полное довѣріе, я чувствую, что моимъ объясненіямъ закона не

вѣрятъ, а когда дѣло доходитъ до прямыхъ вопросовъ о числѣ скота, пашенъ и пр., я вижу, что башкиры начинаютъ плутовать и, быстро сговариваясь, уменьшаютъ настоящія числа. Ужъ слишкомъ велика ихъ недовѣрчивость, воспитанная цѣлыми многими годами; вотъ почему я вынесъ изъ своего опыта нѣкоторое недовѣріе къ цифрамъ, получаемымъ офиціальными статистиками. Опросы кончены. Я объявляю, что теперь мы будемъ попросту бесѣдовать, посылаю купить кумыса для гостей и какое-нибудь дешевое угощеніе. Два, три башкира уходятъ домой и черезъ минуту возвращаются съ четвертью своего кумыса; оказывается, они хотятъ угощаться въ складчину. Изба теперь представляетъ живописную группу; мы тѣсно сидимъ на нарахъ, угощая другъ друга большой круговой чашей съ кумысомъ. Его пьютъ съ благоговѣніемъ, стараясь не пролить и не расплескать ни капли, вспоминаютъ имя Аллаха. Одинъ изъ стариковъ гостей оказывается пѣвцомъ и музыкантомъ на кураѣ. Кураемъ называется у башкиръ флейта изъ камыша. По моей просьбѣ, старикъ начиваетъ играть. Жалобно, но пріятно звучитъ грустная мелодія; пѣсня о былой кочевкѣ заунывна; она замираетъ до чуть слышной трели, то возвышается до буйнаго порыва гнѣва, отчаянія о невозможности вернуть прошлое. Башкиры слушаютъ сосредоточенно. Не одна сѣдая голова поникла на грудь, а слезы затуманили старческіе глаза.

Молодежь, не помнящая кочевки, слушаетъ болѣе спокойно, но и она тронута.

Ту же мелодію пѣвецъ пропѣлъ словами:

Какъ жаворонокъ тонетъ въ небѣ,
Такъ исчезла навсегда и кочевка,
Но жаворонокъ вернется съ неба,
Кочевка, увы не вернется..
Не знаю, нравится ли тебѣ воздухъ степи,
Намъ онъ милъ сердцу....
Какъ не возвратится молодость,
Не вернется вновь наша кочевка...

Игра на кураѣ совсѣмъ исчезаетъ. Теперь на немъ играютъ немногіе старики, при чемъ есть мотивы очень древніе и интересные; я слышалъ, напр., мотивъ киргизскаго марша, военнаго гимна, который будто бы играли татары, защищаясь противъ Іоанна IV, на Казанскихъ стѣнахъ. Интересенъ мотивъ былины объ Едигѣ, текстъ которой, къ сожалѣнію, утраченъ; мотивъ строго выдержанный, эпическаго характера, стройный и величественный. Пѣніе кончено. Чтобы развѣять общее меланхолическое настроеніе, хозяинъ избы вытаскиваетъ на средину молодого парня, робкаго, застѣнчиваго геркулеса и приказываетъ ему плясать. Пляска башкиръ не характерна, точно

такъ же пляшутъ и татары. Это рядъ мѣрныхъ движеній корпусомъ съ притоптываньемъ ногами; теперь часто можно увидѣть пляску русскаго камаринскаго подъ звуки гармоніи. Наша пирушка тянется долго. Башкиры рѣдко собираются вмѣстѣ и рады отдохнуть и поговорить; поэтому все время идетъ живая бесѣда.

Я еще ближе приглядываюсь къ ихъ взаимнымъ отношеніямъ, къ обыденнымъ интересамъ и ихъ міровоззрѣнію. Здѣсь передъ вами люди, которые стали вамъ удивительно близки; вы смутно чувствуете, что заглянули въ ихъ міръ, что они сдѣлались для васъ чѣмъ то болѣе отвлеченныхъ башкиръ, которыхъ вы пріѣхали изучать.. Однако поздно. Гости прощаются и расходятся, можетъ быть, дорогой вспоминая, не выболтали ли они мнѣ чего либо лишняго, а вы вносите въ свою книжку всѣ тѣ поправки, которыя теперь необходимо сдѣлать вашимъ записямъ. На утро дальше, въ слѣдующую деревню... Бросимъ общій взглядъ на положеніе современныхъ башкиръ. Они оказываются вышедшими изъ стадіи кочевого быта, но въ то же время они не могутъ еще считаться вполнѣ земледѣльцами. Они переживаютъ стадію перехода. Такіе переходы всегда болѣзненны. Они похожи на тяжкій недугъ, который приблизился къ перелому; выздоровленіе или смерть. Увы! ничего не сдѣлано, чтобы помочь башкирамъ выбрать лучшій исходъ. А между тѣмъ башкиры вовсе не вымирающее племя: у нихъ нѣтъ ни сифилиса, ни рахитизма, ни проч. язвъ вырожденія. Они не алкоголики, благодаря, быть можетъ, запрету магометанскаго закона (религіи) употребленія вина. Напротивъ, они способны къ самому упорному труду, къ образованію, къ высшей культурѣ. Ихъ бѣдствія тяжелымъ камнемъ лежатъ на тѣхъ, кто, отнявъ у нихъ землю, не облегчилъ имъ неизбѣжнаго перехода къ высшей ступени—земледѣлію, кто считалъ ихъ дикарями, когда они уже нуждались въ законѣ, кто видѣлъ въ нихъ опытныхъ земледѣльцевъ, когда они еще были отчасти номадами скотоводами... Мнѣ кажется, еще не поздно помочь башкирамъ, ближе узнавъ, что они такое, и я надѣюсь, что тогда черезъ два, три десятка лѣтъ не узнаешь голоднаго башкира въ богатомъ домовитомъ пахарѣ вотчинникѣ, искусно и съ любовію обрабатывающемъ свою собственную тучную землю.

А. Калачевъ.

ОТДѢЛЪ II.

О народномъ говорѣ Чухломскаго уѣзда Костромской губерніи.

(Изъ отчета о командировкѣ отъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества въ 1898 г.).

Чухломскій уѣздъ въ большей части своего населенія говоритъ однимъ, акающимъ говоромъ. Исключеніе составляютъ: восточный край уѣзда по границѣ съ Кологривскимъ, съ волостями—Вохтомской, Каликинской, Просѣковской и восточной частью Коровской,—и край южный и юго-восточный, гдѣ въ сосѣднихъ съ Галичскимъ уѣздомъ волостяхъ Муравьищенской и Бушневской аканье является иногда только случайнымъ явленіемъ въ говорѣ съ общимъ характеромъ оканья; въ Каликинской же волости, а также и въ сосѣднихъ съ нею деревняхъ Коровской, равно и въ восточныхъ частяхъ волостей Вохтомской и Просѣковской, слышенъ чистый окающій говоръ, почти безъ всякой примѣси аканья. Нужно притомъ замѣтить, что Чухломское аканье является несомнѣнно исконной особенностью говора, а не позднѣйшимъ явленіемъ въ немъ, привнесеннымъ, какъ думаютъ иногда, «чужой стороною»: хотя мужское населеніе уѣзда въ лѣтніе мѣсяцы года почти поголовно живетъ въ Петербургѣ, занимаясь тамъ то малярнымъ, то столярнымъ, то плотничнымъ мастерствомъ, однако свой «высокій» говоръ оно не принесло оттуда, а получило отъ своихъ отдаленныхъ предковъ. Доказательствомъ этого можетъ служить, вопервыхъ, то обстоятельство, что наиболѣе рѣзкое аканье слышится главнымъ образомъ въ женской и по преимуществу пожилой, не покидающей деревни, половинѣ населенія, тогда какъ мужчины, въ особенности прожившіе въ Петербургѣ сравнительно долгое время, говорятъ хотя и акающимъ, но значительно уже въ этомъ отношеніи смягченнымъ говоромъ, безъ того растяженія *а*, которое у женщинъ въ центральной части уѣзда звучитъ для сторонняго наблюдателя иногда надоѣдливой тягучестью и крикливостью. Во вторыхъ, подтвержденіемъ того, что Чухломскій акающій говоръ не былъ принесенъ изъ столицы, могутъ служить и окающія волости того-же уѣзда, съ одной стороны, и сосѣдняя сѣверная часть Галичскаго уѣзда, съ другой: въ нихъ населеніе находится въ одинаковыхъ съ центральными и сѣверо-восточными волостями условіяхъ жизни и также то почти поголовно, то въ большей части мужской своей половины живетъ по лѣтамъ въ Петербургѣ, а между тѣмъ оно если и измѣняетъ въ сторону аканья свой первоначальный окающій говоръ, то измѣняетъ немного и скорѣе подъ вліяніемъ своихъ же акающихъ Чухломскихъ сосѣдей, чѣмъ «чужой стороны».

Аканье Чухломскаго уѣзда состоитъ,—вопервыхъ, въ томъ, что въ мѣстномъ говорѣ на мѣстѣ древнихъ орѳографическихъ неударяемыхъ ***а*** и ***о*** послѣ твердыхъ со-

гласныхъ, не исключая шипящихъ и *ц*, а также и въ началѣ словъ, слышится *а*, часто произносимое съ такимъ растяженіемъ, что если его и можно признать закрытымъ, то только въ весьма малой степени.

Звуковую замѣну эту можно видѣть прежде всего въ слогахъ предъ удареніемъ, какъ на первомъ, такъ и на послѣдующихъ отъ ударяемаго.

Непосредственно предъ удареніемъ слышится, напримѣръ: слова, масла (р. ед.), садить, дарить, заказать; бальшой вм. большой, сваей вм. своей, тваей вм. твоей, пиреважу вм. перевожу, агароды вм. огороды, гавядина вм. говядина, дасталася вм. досталася, низдаровъ вм. нездоровъ, здаровье вм. здоровье, дарожи вм. дороже, дарога вм. дорога, Микалай вм. Николай, капѣйки вм. копѣйки, карова вм. корова, кабыла вм. кобыла, каму вм. кому, калёса вм. колёса, челавѣкъ вм. человѣкъ, маей вм. моей, съ маемъ вм. съ моимъ, самаваръ, вм. самоваръ, зимавой вм. зимовой, мая вм. моя, памрёшь вм. помрешь, паднóсите вм. подносите, паите вм. поите, запаетъ вм. запоетъ, палучче вм. получше, палнѣя вм. полнѣя, паѣдите вм. поѣдите, працентовъ вм. процентовъ, радной вм. родной, дарагой вм. дорогой, прашу вм. прошу, яравые вм. яровые, саленье вм. соленье, сасновый вм. сосновый, стала вм. стола, втарому вм. второму, стаять вм. стоять, таргуите вм. торгуете, таперя, таперь и таперичъ вм. теперя, теперь и теперичъ (вѣроятно, чрезъ древнее топерь), харошій вм. хорошій, хазяинъ вм. хозяинъ, апеть вм. опять, аброкъ вм. оброкъ, съ атцомъ вм. съ отцомъ, авинъ вм. овинъ, ашшо вм. еще (м. б. чрезъ още) и т. под. Послѣ шипящихъ и *ц* говорятъ: не жилѣть, а жалѣть; не шыги, а шаги; не цырапать, а царапать и под.; въ этомъ такимъ образомъ отношеніи, какъ и по сравнительной открытости *а*, Чухломскій говоръ принадлежитъ къ сильно акающимъ говорамъ *).

Исключенія, то есть случаи, когда въ слогахъ непосредственно предъ удареніемъ въ акающихъ мѣстностяхъ уѣзда сохраняется неударяемое орѳографическое *о*, слышатся чаще всего въ энклитикахъ-предлогахъ. Если говорятъ: па личнай прозьби, па праздникамъ, са всей, падъ елкой, па моему,—то слышится также: по пазуки (= пазухи), отъ горада, по нашаму, по оби стороны, по прозьби и др. Такимъ же образомъ *о* сохраняется иногда и въ тѣхъ случаяхъ, когда слово заключаетъ въ себѣ, передъ или послѣ этого неударяемаго *о*, звуки *а*, *о*, *е* или *у*; такъ, можно слышать иногда: изъ солдатовъ, а не изъ салдатовъ; роскладка, а не раскладка; благословлены, а не благаславлены: лонёсь, а не ланесь; какое оказье, а не какое аказье; пропутаесся, а не прапутаешься; полегчи, а не палегче; родишся, а не радишса; воротца, а не варотца; волоса, а не валаса; обставивать, а не абставивать; свое, а не свае; покорнійше, а не пакорнѣйше; оставьти, а не аставьте; больная, а не бальная, а также; опеть, спокойствіе, при подачи, съ сяковой поры, ляхковой вм. легковой и под.

Въ пріокивающихъ Вохтомской, Муравьищенской и Бушневской волостяхъ чистаго аканья въ данномъ случаѣ нѣтъ, такъ что наряду съ—вароты вм. вороты, адинъ вм. одинъ, паэтому вм. поэтому, перегародятъ вм. перегородятъ, сѣнакосъ вм. сѣнокосъ, здаровье вм. здоровье, въ маехъ вм. въ моихъ, тапоръ вм. топоръ, саводни вм. сегодня (м. б. изъ соводни),—можно слышать: отойтить, въ домахъ, ворочать, говорйте, поповськой вм. поповскій, поглуши вм. поглуше и др.

Въ Каликинской же и въ сосѣднихъ съ нею селеніяхъ Коровской и Просѣковской волостей орѳографическое *о* въ данномъ случаѣ вовсе не измѣняется въ *а*. Здѣсь, напримѣръ, говорятъ: поись вм. поѣсть, говорю, росческа, воюетъ, покуды (= покуда), мое (= мои), говорйте, могу, сѣдоковъ, сгоняемъ, поди (= пойди), топереця (= теперича), конешно, боитчя (= боится), боятшя (= боятся), покамѣ, торговцы и под.

Во второмъ и слѣдующихъ слогахъ предъ удареніемъ акающій Чухломскій говоръ также произноситъ на мѣстѣ древнихъ орѳографическихъ *а* и *о* довольно открытое *а* какъ въ началѣ словъ, такъ и послѣ твердыхъ согласныхъ, а между ними и шипящихъ и *ц*. Поэтому здѣсь говорится: атступилася вм. отступилася, агароды вм. огороды,

*) См. Соболевскій. Очеркъ русской діалектологіи.—Живая Старина 1892 г., I стр. 10 и 14.

*а*динокій, вм. одинокій, сваяво вм. своего, *б*ароны вм. бороны (р. с.), нав*а*равались вм. наворовались, г*а*варится вм. говорится, д*а*рагой вм. дорогой, нак*а*шено вм. накошено, м*а*яво вм. моего, п*а*дишевле вм подешевле, п*а* сими капѣикъ вм. п*о* семи копѣекъ, п*а*дяржи вм. подержи, пр*а*бяруть вм. проберутъ, п*а*логодовой вм. полугодовой, м*а*равника (= клюква), ш*а*ловливый и т. под. Произношенія же: зы*х*атѣлъ вм. *з*ах*о*тѣлъ, сыракофка вм. сороковка, шыповалъ вм шаповалъ и под.,—невозможно услышать, такъ что и въ этомъ отношеніи Чухломскій говоръ принадлежитъ болѣе сильнымъ, чѣмъ умѣренно акающимъ говорамъ.

Исключенія изъ предыдущаго, т. е. произношеніе *о* вмѣсто ожидаемаго *а*, и здѣсь встрѣчаются опять таки по преимуществу въ энклитикахъ-предлогахъ, въ предлогахъ, представкахъ и въ словахъ съ неоднократнымъ звукомъ *о*, или *а*, или *у*, или *е*: поперекъ (= поперекъ), п*о* чатыри (= по четыре), п*о* росклатки (= по раскладкѣ), п*о* буднямъ, благ*о*словленье, п*о* бизграмотству, п*о* пріѣзду, п*о*трудняе (= потруднѣе), посвѣтляе (= посвѣтлѣе), с*о*гряшилъ (= согрѣшилъ), волоса-ти, *о*всяца (= овсеца), *о*тойтить (= отойти), т*о*лшиною (= толщиною), п*о* мястамъ (= по мѣстамъ), без*о* всяво (= безо всего), п*о* *о*городцамъ и др.

Точно также и въ Вохтомской, Бушневской и Муравьищенской волостяхъ, наряду съ вышеприведенными примѣрами аканья, можно услыхать окающія: говорите, *о*бжирѣсся (= обжерешься), од*и*насьво (= одиначество) и под., а въ Каликинской и восточной части Коровской и Просѣковской волостей слышится только: говорю, пожелалъ, остальныя, *о*гуменникъ (= гуменникъ), понетымъ (= понятымъ), говорите, р*о*спишитесь, *о*тпушшай (= отпущай), *о*тъ радинья серца (= отъ радѣнья сердца), п*о*хваляетчя (= пахваляется), поличейской (= полицейскій), *о*тбиваетчя (= отбивается), п*о* *о*городцамъ и под.

Произношеніе затѣмъ звукомъ *а* древнихъ неударяемыхъ *а* и *о* послѣ твердыхъ согласныхъ,—съ шипящими и *у* между ними,—происходитъ въ Чухломскомъ чисто акающемъ говорѣ также и въ слогахъ, слѣдующихъ за ударяемымъ. Такъ, непосредственно послѣ ударенія слышится: участв*а*вать вм. участвовать, нимног*а* вм. немного, за ягод*а*мъ вм. за ягодами, Ѳедар*о*въ, вм. Ѳедоровъ, тропк*а*й вм. тропкой, тольк*а* вм. только, ниловк*а* вм. неловко, Михайл*а*въ вм. Михайловъ, парядашна вм. порядочна, дасталася вм. досталося, вол*а*сти вм. волости, домъ-*а*тъ вм домъ-*о*тъ, па личн*а*й прозьби вм. по личной просьбѣ, парасен*а*къ вм. поросенокъ, сынъ-*а*тъ вм. сынъ-отъ, за меринамъ вм. за мериномъ, троп*а*чкой вм. тропочкой, катор*а*й вм. которой, изъ горада вм. изъ города, стар*а*ста вм. староста, Александр*а* вм. Александро, лѣсъ-*а*тъ вм. лѣсъ-*о*тъ, по пятаму вм. по пятому, Играфавна вм. Еграфовна, я-т*а* вм. я-то, а также: скуш*а*ла, слыш*а*ть, кож*а*ный, выц*а*рапать и др.; произношенія же—скушыла вм. скуш*а*ла, слышыть вм. слыш*а*ть и под.,—совсѣмъ не встрѣчается. Только въ Идской и Алешковской волостяхъ записано двадцыть вм. двадц*а*ть, а въ Мирохановской—лошыть вм лош*а*дь.

Во второмъ и послѣдующихъ слогахъ отъ ударенія произносится также *а*: прападобнав*а* вм. преподобнаг*о*, Медвѣдев*а* вм. Медвѣдев*о*, Нилидов*а* вм. Нелидово, Агрысков*а*, вм. Огрызково, старинькай вм. старинько(і)й, Ефанов*а* вм. Ефанов*о*, мѣсиц*а* (= мѣсяца) и под.

Въ качествѣ исключенія, *о* на мѣстѣ ожидаемаго *а* слышится по преимуществу въ падежныхъ окончаніяхъ именъ существительныхъ и прилагательныхъ. Такъ, наряду съ вышеуказанными примѣрами, иногда говорятъ: працент*о*въ, хичн*о*ва (= хищнаго), тропачк*о*й (= тропочкой), сѣянова (= сѣяннаго), ниграмотн*о*й (= неграмотный), маленьк*о*й (= маленькій), Симен*о*въ, вѣкъ-*о*тъ, старостовъ, Аляшкоськой (= Алешковской). Имильяновъ (= Емельяновъ) и др. Но встрѣчаются, хотя и рѣдко, исключенія и не въ окончаніяхъ словъ: Господ*и*, по бизграмотству, милосливъ (= милостивъ), пиріулокъ, пользоватца (= пользоваться), грамоти (= грамотѣ) и под.

Въ Муравьищенской и Бушневской волостяхъ, тачно такъ-же какъ и въ чисто-акающихъ мѣстностяхъ уѣзда, чаще можно слышать: жить-т*а* вм. жить-т*о*, зимой-т*а*, вм. зимой-т*о*, нѐ была вм. нѐбыл*о*, руськ*а*й вм. русск*о*(і)й, попоськ*а*й вм. поповск*о*(і)й,—чѣмъ: семейсв*о* (= семейство), затруднительн*о*, ташнехоньки и под. Но въ Каликинской

волости и въ восточныхъ частяхъ волостей Просѣковской и Вохтомской неударяемое *о* сохраняется въ слогахъ и послѣ ударенія. Поэтому тамъ можно слышать только: стороны, налѣво, направо, надѣ, коло (= около), бѣлое, спицкой (= спичкой), письмовъ (= писемъ), тамоди, сѣно-то, черное, Пётро, на столбикѣ-то, сирочесво (= сиротство) и мн. др.

Открытость произношенія *а* въ акающемъ Чухломскомъ говорѣ, особенно въ центральныхъ волостяхъ уѣзда - Бореевской, Мирохановской и Алешковской,—такъ велика, что здѣсь очень часто конечное ударяемое *а* въ послѣднемъ словѣ фразы,— преимущественно же въ отвѣтахъ, вопросахъ и приказаніяхъ,—а также и неударяемое *а* въ слогѣ, стоящемъ непосредственно предъ удареніемъ, того слова, на которомъ стоитъ логическое удареніе фразы, произносится,—главнымъ образомъ женщинами и по преимуществу старухами,—съ такою протяжностію, что въ немъ слышится почти двойное *а*, непріятно поражающее сторонняго наблюдателя своею тягучестью и крикливостью. Такъ, здѣсь очень часто можно услышать: даа, праастите, у снаахи, ни бизпаакоили, спраасилъ, каармилицъ (= кормилецъ), семь каапѣикъ (= копѣекъ), ваарочать, наашли, все раавно, здааровье, скаажу, гляяжу, ляяхко (= легко), каакое тибѣ! и под. Отъ этого говоръ Чухломянъ кажется громкимъ, смѣлымъ и рѣшительнымъ, между тѣмъ какъ обиліе въ рѣчи ласкательныхъ обращеній, въ родѣ—ангелы маи, кармилицы (= кормильцы), радные маи, дарагіе маи и под.—которыми женщины иногда просто пересыпаютъ свой разговоръ, придаетъ ему своеобразную ласковость и нѣжность.

Не чужда, во вторыхъ, акающему Чухломскому говору и другая особенность аканья умѣренно-акающихъ говоровъ, состоящая въ томъ, что у нихъ на мѣстѣ неударяемаго *а* слышится въ срединѣ словъ послѣ з и мягкихъ согласныхъ (съ шипящими *ч* и *щ*),— какъ непосредственно предъ и послѣ ударенія, такъ и во второмъ слогѣ предъ ударяемымъ,—*и*. Такъ, нерѣдко говорятъ здѣсь: ни трису вм. не трясу, увизаласи вм. увязалася, загризнилъ вм. загрязнилъ, глидишь вм. глядишь, *И*кимъ вм. *Я*кимъ, игнятъ вм. ягнять, распоридился вм. распорядился, заивляй вм. заявляй, девить вм. девять, нà пить вм. нà пять, питачекъ вм. пятачекъ, чижело вм. тяжело и др.

Однако бóльшее сходство Чухломскаго говора съ говорами сильно акающими выражается и въ данномъ отношеніи тѣмъ, что указанная замѣна неударяемаго *я* звукомъ *и* наблюдается въ немъ сравнительно рѣдко; гораздо чаще *я* въ этомъ случаѣ сохраняется и даже болѣе того,—весьма нерѣдко,—одинаково по всей территоріи уѣзда,— оно переходитъ въ *е*, чтò уже сближаетъ его съ сосѣдними окающими говорами губерніи; въ окающихъ же его мѣстностяхъ произношенія *и* вм. *я* и совсѣмъ не встрѣчается. Поэтому, наряду съ вышеприведенными примѣрами аканья, мы также слышимъ,—съ одной стороны: гляжу, тяжа, ни мятёна избушка, языкъ, взяла, чяжело (= тяжело), для памяти, сѣянова (= сѣянаго), съ сяковой поры и др.,—съ другой: заевленіе вм. заявленіе, косековъ вм. косяковъ, разъеснить вм. разъяснить, обезуюсь вм. обязуюсь, петнадцать вм. пятнадцать, наредить вм. нарядить, распореженіе вм. распоряженіе, понетымъ вм. понятымъ, еровой вм. яровой, педесятъ вм. пятьдесятъ, состоящего вм. состоящаго и др.

Эта замѣна неударяемаго *я*, звукомъ *е* встрѣчается не только въ слогахъ непосредственно передъ и послѣ ударенія и во второмъ слогѣ предъ ударяемымъ, но и во всѣхъ другихъ слогахъ, даже послѣ твердыхъ шипящихъ. Такъ говорится: съ помѣщеніеми вм. съ помѣщеніями, образующегося вм. образующагося, по выслушенію вм. по выслушаніи, двацеть вм. двадцать, трицеть вм. тридцать и др. Даже на концѣ словъ *е* вм. *я* слышится въ окончаніи имен. вин. пад. множ. ч. именъ прилагательныхъ, чѣмъ Чухломскій говоръ рѣзко отличается отъ сосѣднихъ съ нимъ окающихъ говоровъ, гдѣ подобной замѣны звуковъ никогда не бываетъ. Такимъ образомъ во всемъ почти уѣздѣ, за исключеніемъ чистыхъ окающихъ мѣстностей Каликинской, Просѣковской и Вохтомской волостей, произносится обыкновенно: радные вм. родныя, дарагіе вм. дорогія, харошіе вм. хорошія, пастаронніе вм. посторонніа, яравые вм. яровыя, худые вм. худыя и т. под. Сюда же можно отнести и нѣкоторые отдѣльные случаи: изавтре вм. завтра и тапере вм. теперя.

Ударяемое *я* переходитъ въ *е* только въ словахъ: апеть вм. опять и сéдетъ вм. сядетъ (Судайск. вол.).

Переходъ неударяемаго *е* и *ѣ* въ *и*, составляя также особенность акающихъ говоровъ, слышится въ акающихъ мѣстностяхъ Чухломскаго уѣзда очень часто и наблюдается главнымъ образомъ въ слогахъ непосредственно передъ и послѣ ударенія,— предъ послѣдующимъ мягкимъ слогомъ.

Такъ непосредственно предъ удареніемъ мы слышимъ: б*и*ри вм. бери, н*и* вижу вм. не вижу, *и*ё вм. её, р*и*витъ вм. ревитъ, на андр*и*цѣ вм. на андрецѣ, ув*и*зли вм. увезли, н*и*си вм. неси, загр*и*мѣлъ вм. загремѣлъ, поп*и*рекъ вм. поперекъ, в*и*сти вм. вести, па с*и*ми вм. по семи, д*и*ревня вм. деревни, кр*и*стьянинъ вм. крестьянинъ, с*и*бя вм. себя, с*и*ленье вм. селенье, пр*и*пяцвія вм. препятствія, дер*и*вень вм. деревень, б*и*зъ денегъ вм. безъ денегъ, Ф*и*тькдва вм. Федькдво, р*и*вискихъ вм. ревизскихъ, обл*и*тѣла вм. облетѣла, Н*и*лидова вм. Нелидово, т*и*бѣ вм. тебѣ, С*и*менъ вм. Семенъ, Д*и*ментьевъ, вм. Деменьтьевъ, с*и*дёлка вм. сѣдёлка, р*и*бята вм. ребята, в*и*лѣли вм. велѣли, кр*и*пили вм. крѣпили, д*и*тей вм. дѣтей, ст*и*снялась вм. стѣснялась, н*и*льзя вм. нельзя, с*и*мейство вм. семейство, Т*и*рентьевъ вм. Терентьевъ, Им*и*рьяновъ вм. Емельяновъ, пр*и*двидица вм. предвидится, в*и*ревочка вм. веревочка, м*и*ня вм. меня, б*и*сѣда вм. бесѣда, вт*и*ченіи вм. втеченіи, зал*и*нился вм. залѣнился, Кат*и*рина, вм. Катерина, в*и*лика вм. велика, д*и*рьмо вм. дерьмо, пл*и*тетъ вм. плететъ, сум*и*валась вм. сомнѣвалась, въ з*и*млѣ вм. въ землѣ и т. под. Даже въ Муравьищенской волости произносятъ по преимуществу: б*и*зчёсно вм. безчестно, обж*и*рёсся вм. обжерешься, п*и*нёкъ вм. пенекъ, б*и*зъ дровъ вм. безъ дровъ и т. д. За то въ большей части Бушневской волости, а въ окающихъ мѣстностяхъ Вохтомской, Просѣковской и въ Каликинской постоянно,—неударяемое *е* въ слогѣ предъ удареніемъ сохраняется, напримѣръ: семейсво вм. семейство, её, Евгенья, безъ чаю, ничево вм. ничего, мужевья, ево вм. его и под. Впрочемъ и въ акающихъ волостяхъ встрѣчаются исключенія, какъ: грести, вездѣ, Медвѣдево, падешевле вм. подешевле, семейсво, терезвый и черезвый, селеніевъ, женихъ, недѣля и др.

Непосредственно послѣ ударенія, предъ мягкимъ слогомъ, или согласнымъ, акающія селенія уѣзда говорятъ также *и* вм *е* и *ѣ*: выпiй вм. выпей бол*и*е вм. болѣе, вос*и*мь вм. восемь, мал*и*нькой вм. маленькій, шата*и*тся вм шатается, стара*и*сся вм. стараешься, стар*и*нькай вм. старенькій, выв*и*сти вм. вывести, паѣд*и*те вм. поѣдете, забалу*и*сся вм. забалуешься, кам*и*нь вм. камень и под. Въ пріокивающій Муравьищенской волости можно слышать почти то-же самое, но въ акающихъ селеніяхъ Вохтомской, Просѣковской, Коровской и Каликинской волостей, а также и въ большей части Бушневской волости, неударяемое *е* въ слогѣ послѣ ударенія сохраняется, хотя бы и стояло предъ мягкимъ слогомъ; такъ, здѣсь говорится: затруднительно, свыкнесся вм. свыкнешься, можете, свидѣтелевъ, похвалиетчя (= похваляется), топереця (= теперича), отбиваетчя (= отбивается) и др. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что и въ чисто-акающихъ волостяхъ случаи неперехода послѣ ударяемаго *е* въ *и* передъ мягкими слогами встрѣчаются нисколько не рѣже, чѣмъ это бываетъ въ слогахъ предъ удареніемъ; поэтому, наряду съ вышеприведенными примѣрами, можно здѣсь слышать: патписуемся, а не патпису*и*мся (= подписуемся); жительство, а не жит*и*льство; Янадей, а не Янад*і*й (= Генадій); выв*и*сти и вывести, жела*и*те и желаете и др.

Рѣже слышится переходъ неударяемаго *е* въ *и* въ слогахъ непосредственно предъ и послѣ ударяемаго тогда, когда за нимъ слѣдуетъ твердый слогъ. Такъ, если мы слышимъ предъ удареніемъ: *И*графавна вм. *Е*вграфовна, н*и*знаю вм. незнаю, н*и*грамотнай вм. неграмотный, н*и*многа вм. немного, н*и* выслалъ вм. не выслалъ, пад*и*шевле вм. подешевле, пир*и*дайте вм. передайте, пир*и*улокъ вм. переулокъ, *и*шшо вм. еще, пир*и*слать вм. переслать, пир*и*ложить вм. переложить, н*и*ловка вм. неловко, па б*и*зграмотству вм. по безграмотству, наб*и*жала вм. набѣжала и под., то, съ другой стороны, не рѣже этого говорится: на верху, челавѣкъ (= человѣкъ), за *е*во вм. за него, къ ему, между, накашенд (= накошено), падешевли (= подешевле), счека (= щека), ешшо (= еще), жена, повезла и др. Въ окающихъ же мѣстностяхъ Вохтомской, Просѣковской и Каликинской волостей слышится только: *е*шшо (= еще), *е*вонный, межъ-нàмъ, витерокъ (= вѣтерокъ) и под.

Такимъ же образомъ и послѣ ударенія предъ твердыми слогами говорятъ какъ: знаешь, встанешь, не найдешь, Медвѣдево, денегъ, домахазяева (= домохозяева), пожалаешь (= пожелаешь), никакой вреды (= вреда), покорнеще (= покорнѣйше), андеяъ (= ангелъ), пирипилены (= перепилены), будетъ, бываетъ, па мдему (= по моему), медвѣдевъ (= медвѣдей) и под.,—такъ и: четвиро вм. четверо, будитъ вм. будетъ, карилицъ вм. кормилецъ, капѣикъ вм. копѣекъ, падпишитъ вм. подпишетъ, желаитъ вм. желаетъ, выдитъ вм. выйдетъ, скажишь вм. скажешь, общиства вм. общества, пріѣдитъ вм. пріѣдетъ, Алексѣивъ вм. Алексѣевъ, Сергѣивна вм. Сергѣевна, паѣдимъ вм. поѣдемъ, въ общимъ вм. въ общемъ и др. Въ окающихъ же волостяхъ— Вахтомской, Просѣковской и Каликинской—можно слышать только: увидаешь, воюетъ, сгоняемъ, сирочесво (= сиротство), можешь, прикрачаетъ (= прекращаетъ) и под.

Во второмъ слогѣ и послѣдующихъ,—какъ предъ удареніемъ, такъ и послѣ ударенія,—неударяемое *е* переходитъ въ *и* въ Чухломскомъ акающемъ говорѣ гораздо рѣже, чѣмъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ ударяемыми слогами. Такъ, предъ удареніемъ мы слышимъ *и* вмѣсто *е* предъ мягкими слогами только въ очень немногихъ словахъ, преимущественно въ отрицаніи *не* и въ предлогахъ, представкахъ и энклитикахъ, напримѣръ: ни бизпакоили вм. не безпокоили, шивелится вм. шевелится, бизъ нево вм. безъ него, *И*лпитифоръ вм. *Е*лпидифоръ, пиреважу вм. перевожу, *И*мильяновъ вм. *Е*мельяновъ, чирезъ день вм. черезъ день, ни придвидица вм. не предвидится, пирислать вм. переслать, пириложить вм. переложить, пирипилены вм. перепилены, пиряборка вм. переборка, пиретярать вм. перетирать, пиридайте вм. передайте, пириулокъ вм. переулокъ и под. Такимъ же образомъ и передъ твердыми слогами слышится иногда: низдаровъ, вм. нездоровъ, ни заплочено вм. не заплочено, бизпакоили вм. безпокоили, припадобнава вм. преподобнаго, ни мая вм. не моя, ни заплатилъ вм. не заплатилъ, ни задержитя вм. не задержите, ниумѣнье вм. неумѣнье, ни могу вм. не могу и др. Между тѣмъ, съ другой стороны, какъ передъ мягкими, такъ и передъ твердыми слогами, говорятъ: четваруха (= четверуха), пиретярать (а не пиритярать вм. перетирать), пиреважу (= поревожу), не запрашиваемъ, перетародятъ (= перегородятъ) и др., а въ окающихъ мѣстностяхъ можно слышать только: недалече, не взирая не на что, не могу, не отпушшай (= не отпускай) и т. под. (въ Каликинской волости говорится, впрочемъ, прикрачаетъ вм. прекращаетъ).—Въ слогахъ же послѣ ударенія, слѣдующихъ въ непосредственно за этимъ послѣднимъ, переходъ *е* въ *и* даже можно считать исключеніемъ, потому что если и говорятъ, напримѣръ—дѣлаите вм. дѣлаете, обстаиваишь вм. обстаиваешь и др.,—то вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно слышится только: испрашиваемый, пропутаесся (= пропутаешься), селеніевъ (= селеній), квитанціевъ (= квитанцій), запрашиваемъ, замужемъ, свидѣтелевъ и т. под.

Конечный неударяемый *е* (и *ѣ*) измѣняется въ *и* акающимъ Чухломскимъ говоромъ преимущественно въ дательномъ и мѣстномъ падежахъ един. числа,—особенно послѣ гортанныхъ, непосредственно за удареніемъ,—и во 2 лицѣ множ. числа повелит. наклоненія. Поэтому здѣсь говорится: по раскладки вм. по раскладкѣ, на печки вм. на печкѣ, къ матки вм. къ маткѣ, къ дочки вм. къ дочкѣ, тетки вм. теткѣ, крисьянки вм. крестьянкѣ, хозяйки вм. хозяйкѣ, на базари вм. на базарѣ, па прозьби вм. по просьбѣ, на озири вм. на озерѣ, въ Нелидови вм. въ Нелидовѣ, вмѣсти вм. вмѣстѣ, въ поли вм. въ полѣ, въ болоти вм. въ болотѣ, въ бесѣди вм. въ бесѣдѣ, по деревни вм. по деревнѣ, въ служби вм. въ службѣ, при эфтимъ дѣли вм. при этомъ дѣлѣ, при подачи вм. при подачѣ, въ блюди вм. въ блюдѣ, на закоси вм. на закосѣ, за неумѣніе ихъ грамоти вм. за неумѣніемъ ихъ грамотѣ, развязывайти вм. развязывайте, оставти вм. оставьте, поѣзжайти вм. поѣзжайте и др. Однако эту звуковую особенность говора нельзя назвать общею, потому что наряду съ вышеуказанными примѣрами въ тѣхъ же акающихъ мѣстностяхъ уѣзда можно услыхать нерѣдко: въ Засуханѣ, къ дочерѣ, грамотѣ, въ приходѣ, праститe (= простите), ступайте, бѣгите, говорите и др. Въ окающихъ же селеніяхъ Каликинской, Вохтомской, Коровской, Просѣковской и отчасти Бушневской и Муравьищенской волостей можно слышать только: на столбикѣ, къ теткѣ, въ огородѣ, говорите, пишите, распишитесь, извинитесь и т. под.

Какъ особые случаи того-же перехода конечнаго неударяемаго *е* въ *и*, можно

отмѣтить еще въ акающемъ говорѣ слѣдующее: 1) винительный пад. един. числа въ выраженіяхъ: по четыри вм. по четыре, на дви капейки вм. на двѣ копейки, по оби стороны вм. по обѣ стороны; 2) короткое окончаніе сравнительной степени прилагательныхъ и нарѣчій—въ особенности послѣ шипящихъ согласныхъ: больши вм. больше, полегчи вм. полегче, подешевли вм. подешевле, дарожи вм. дороже, раньши вм. раньше, палуччи вм. получше, ближи вм. ближе, глубжи вм. глубже, поглуши вм. поглуше и под.; 3) 2 лицо множ. числа изъяв. наклоненія: паѣдити вм. поѣдите, падёти вм. пойдете и др.; 4) нарѣчные суффиксы въ словахъ: негди вм. негдѣ, посли вм. послѣ, нончи вм. нынче.

Въ остальныхъ, кромѣ перечисленныхъ, случаяхъ конечное неударяемое *е* какъ въ акающемъ, такъ и въ окающемъ Чухломскомъ говорѣ, произносится какъ открытое *е*, чѣмъ этотъ говоръ и отличается отъ сосѣднихъ съ нимъ окающихъ Костромскихъ говоровъ, нерѣдко измѣняющихъ конечное *е* въ закрытое ё. Такъ, здѣсь вездѣ произносятъ сердце (= серце), владѣнье, здаровье (= здоровье), саленье (= соленье), поле, какое оказье, мѣшшане (= мѣщане), покорнѣще (= покорнѣйше), скарѣе, смѣлѣе, яравые-та худые, пастаронніе (= посторонніе), бѣлое, черное, недалече, пушше (= пуще) и т. под.

Послѣднею наконецъ особенностью аканья является въ акающемъ Чухломскомъ говорѣ переходъ неударяемаго *е* въ *я*, наблюдаемый, наравнѣ съ предыдущимъ измѣненіемъ *е* въ *и*, въ сѣверныхъ волостяхъ, особенно Судайской и Идской, чаще этого послѣдняго, а въ центральныхъ и южныхъ рѣже его, притомъ главнымъ образомъ въ слогѣ предъ ударяемымъ твердымъ слогомъ; напримѣръ: ничяво вм. ничего, нявольный, вм. невольный, чятыри вм. четыре, яво вм. его, сяло вм. село, лягко вм. легко, чяму вм. чему, сястра вм. сестра, сяводни и саводни вм. сегодня, увяла вм. увела, яды нѣтъ вм. ѣды нѣтъ, увязу вм. увезу, явонный вм. евонный, вясна вм. весна, сваяво вм. своего, ляжу вм. лежу, принясу вм. принесу, *Я*горъ вм. *Е*горъ, вядро вм. ведро, ашша и яшшо вм. еще, стякло вм. стекло, мяшокъ вм. мѣшокъ, овсяца вм. овсеца, зярно вм. зерно, пяро вм. перо, бягу вм. бѣгу, мояво вм. моего, четвяруха, вм. четверуха, сбяру вм. сберу, въ ряку вм. въ рѣку, обящался вм. обѣщался, *Я*надей вм. *Г*еннадій, цвяточки вм. цвѣточки, пиряборка вм. переборка, пирятярать вм. перетирать, по мястамъ вм. по мѣстамъ, безо всяво вм. безо всего, Аляксандра вм. Александра, въ лясу вм. въ лѣсу, Пятровъ вм. Петровъ, пясокъ вм. песокъ, лягковой вм. легковой.

Гораздо рѣже можно встрѣтить эту перемѣну неударяемаго *е* въ *я* въ слогѣ передъ мягкимъ ударяемымъ слогомъ, но встрѣчается всетаки она и тутъ. Такъ, говорится: принясп вм. принеси, бяжитъ вм. бѣжитъ, о разряшеніи вм. о разрѣшеніи, падяржи вм. подержи, ни мятёна, вм. не метёна, смяшить вм. смѣшить, согряшилъ вм. согрѣшилъ, яшшѐ вм. еще и др.

Послѣ *ц* и шипящихъ *ж* и *ш* неударяемое *е* переходитъ предъ ударяемымъ твердымъ, и рѣдко предъ мягкимъ, слогомъ уже не въ *я*, а въ *а*, напримѣръ: съ жаной вм. съ женой, пожалаешь вм. пожелаешь, цапочка, вм. цѣпочка, жанатый вм. женатый, жанился вм. женился, мужанекъ вм. муженекъ, цана вм. цѣна, шаснадцатый вм. шеснадцатый и под.

Непосредственно за удареніемъ *е* также иногда измѣняется въ *я*: по преимуществу въ конечномъ слогѣ и даже на концѣ словъ, чаще же всего въ глагольныхъ и падежныхъ окончаніяхъ, какъ предъ твердымъ согласнымъ, такъ и предъ мягкимъ. Поэтому можно нерѣдко услышать: не имѣямъ вм. не имѣемъ, капѣякъ вм. копѣекъ, бревянъ вм. бревенъ, дѣйствіямъ вм. дѣйствіемъ, Васильявъ, вм. Васильевъ, жалаяшь вм. желаешь, съ горямъ вм. съ горемъ, пятянъ вм. пятенъ, баняй вм. баней, при полученія вм. при полученіи, нижеподписавшеяся вм. нижеподписавшіеся, нарушилъ спокойствія, вм. нарушилъ спокойствіе, пришлитя вм. пришлите, не задержитя вм. не задержите, въ правленія вм. въ правленіе; скорѣя, полнѣя и под. вм. скорѣе, полнѣе и под.; находящаеся вм. нахъдящееся, кромя вм. кромѣ, таперя вм. тепере (= теперь), четвярьтъ вм. четверть, тожа вм. тоже, той-жа деревни вм. той-же деревни и др.

Случаи перехода ударяемаго *е* въ *я* встрѣчаются только въ сѣверныхъ волостяхъ

уѣзда,—въ сравнительной степени именъ прилагательныхъ: потрудняе вм. потруднѣе, посвѣтляе вм. посвѣтлѣе, скаряе вм. скорѣе, правяе вм. правѣе и под.

Въ окающихъ селеніяхъ Каликинской, Коровской, а также въ Просѣковской и Бушневской волостяхъ переходъ неударяемаго *е* въ *я* или совсѣмъ не встрѣчается, или слышится только какъ рѣдкое исключеніе.

Изъ другихъ, кромѣ аканья, особенностей произношенія гласныхъ въ говорѣ Чухломскаго уѣзда замѣчены слѣдующія:

Древній орѳографическій *е* звучитъ въ Чухломскомъ акающемъ говорѣ какъ *о* (ё), во-первыхъ, подъ удареніемъ,—чаще всего въ послѣднемъ слогѣ слова, предъ твердымъ согласнымъ, въ особенности въ глаголахъ и падежныхъ окончаніяхъ. Такъ, говорится: памрёшь (= помрешь), трисётъ (трясетъ), найдёшь, запаётъ (= запоетъ), мятёна (= метена), плитётъ (= плететъ), падёте, (= пойдете), обжирёсся (= обжерешься), питачёкъ (= пятачекъ), мужанёкъ (= муженекъ), маёй (= моей), пять дёнъ, папирёкъ (= поперекъ), ашшо (= еще), отсоль (= отсель), пинёкъ (= пенекъ) и под. Въ качествѣ исключенія можно слышать иногда: сваей, а не сваёй (= своей); тваей, а не тваёй (= твоей).

Гораздо рѣже встрѣчается переходъ ударяемаго *е* въ *о* (ё) передъ твердыми же согласными въ неконечныхъ слогахъ, такъ что и въ этомъ отношеніи акающій Чухломскій говоръ почти совсѣмъ не отступаетъ отъ общепринятаго, литературнаго произношенія. Здѣсь, напримѣръ, говорятъ: ёлка, сидёлка (= сѣделка), гувённый (= гуменный), калёса (= колёса), дёхтю (= дегтю), брёвянъ и брёвны (= бревенъ и брёвна), ичёлы (= пчёлы), бизчёсно (= безчестно), ташнёхоньки (= тошнехонько) и под. За то здѣсь же слышится: ведры и ведра, держутъ (= держатъ), ашше и яшше (въ Судайск. вол.) вм. ещё (наряду съ ашшо) и др.

Подобнымъ же образомъ и въ окающихъ мѣстностяхъ уѣзда говорится: росчёска, рублёвъ (= рублей), Пётро, смётчя (= смѣется), серце (= сердце), конешно (= конечно) и под.

Въ отношеніи произношенія *е* неударяемаго Чухломскій говоръ,—какъ акающій, такъ и окающій,—рѣзко отличается отъ окающаго говора недалекихъ Буйскаго и Солигаличскаго уѣздовъ, такъ какъ въ немъ случаи перехода этого *е* въ *о* встрѣчаются очень рѣдко.

Такъ, въ концѣ словъ, какъ уже выше замѣчено было, во 2 лицѣ множ. числа изъявит. и повелит. наклоненій неударяемое *е*, если оно не переходитъ въ *и* или *я* (задержытя, впишитя, пришлитя, не оставти, паѣдити и под.), вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не переходитъ и въ *ё*, и всегда говорится: прастите, кушайте, будите (= будете), ступайте, паднòсите (= подносите), пайте (= пойте), дѣлаите (= дѣлаете), пиридайте (= передайте), паѣдите (= поѣдете), падёте (= пойдете), услышите, бѣгите, говорите, таргуите (= торгуете), можете, пишѝте, извините и т. под.—Подобнымъ же образомъ и въ концѣ именъ существительныхъ слышится *о*, а не *ё*: серце (= сердце), благословенье (= благословленіе), распореженіе (= распоряженіе), здаровье (= здоровье), саленье (= соленье), поле, оказье, неумѣнье и др.—Имена прилагательныя въ своихъ окончаніяхъ точно также сохраняютъ *е*: сяводнишнее (= сегодняшное) какое, хорошіе, покорнѣще (= покорнѣйше), волосное (= волостное), яравые (= яровые), худые бѣлое, черное, постаронніе (= посторонніе), скарѣе и скарѣя (= скорѣе), боліе (= болѣе) и под. Но вмѣсто тоже въ акающемъ говорѣ слышится тожа, а въ акающихъ мѣстностяхъ—тожо: вмѣсто наше можно услыхать и нашо и наша.

Неударяемое *е*, когда оно стоитъ не на концѣ слова, во всемъ Чухломскомъ говорѣ переходитъ въ *о* только иногда, предъ твердыми согласными. Такъ, если предъ удареніемъ говорятъ, напримѣръ: ашшо вм. еще и саводни вм. сегодня (м. б. чрезъ соводни и още),—то говорится также: чирезъ, день, грести, вездѣ, на верху, бизъ нево (= безъ него), ничяво (= ничего), челавѣкъ (= человѣкъ), за ево (= его), сяводни (= сегодня), накашенò (= накошено), чятырнадцать (= четырнадцать), пиреважу (= перевожу), чижело (= тяжело), пшенѝ (род. ед.), червакъ (= червякъ), червà (= червя), къ ему, счека (= щека), Степанъ, Александра, ешшо и яшшо (= еще), женихъ, жена, повезла, ничево (= ничего), свонный, мужевья, витерокъ и

др. Точно также и послѣ ударенія, если и слышится иногда: знаёшь вм. знаешь, будётъ вм. будетъ, деревнёй вм. деревней, денёгъ, вм. денегъ, въ третьёмъ вм. въ третьемъ, нашаго и нашаму вм. нашего и нашему,—то гораздо чаще въ глагольныхъ и падежныхъ формахъ говорятъ: ни найдешь (= не найдешь), заплочено, встанешь, пожалаешь (= пожелаешь), пропутаесся (= пропутаешься), увидаешь, свыкнесся (= свыкнешься), можешь, сѣдетъ (= сядетъ), будетъ, бываетъ, воюетъ, похваляетчя (= похваляется), отбиваетчя (= отбивается), прикрачаетъ (= прекращаетъ), падписуемся (= подписуемся), запрашиваемъ, сгоняемъ, распишитесь, припилены (= перепилены), па моему (= по моему), свидѣтелевъ, Тимоѳіевъ, медвѣдевъ, съ чаемъ, селеніевъ, квитанціевъ, денегъ, а также съ послѣдующимъ звуковымъ измѣненіемъ: скажишь (= скажешь), обстаиваишь (= обстаиваешь), будишь (= будешь), жалаишь (=желаешь), пишитъ (= пишетъ), желаитъ (= желаетъ), шатаится (= шатаешся), будитъ (= будетъ), пріѣдитъ (= пріѣдетъ), паѣдимъ (= поѣдемъ), дѣйствіямъ (= дѣйствіемъ), съ горямъ (= съ горемъ), пятянъ (= пятенъ) и под. Подобнымъ же образомъ и не во флективныхъ окончаніяхъ слышится *е*: карахтеленъ (= характеренъ), Медвѣдево, хозяева (= хозяева), чятыреста (= четыреста), андеяъ (= ангелъ), озеро, имущество, топереця (= теперича, изъ теперь) и др.

Близость окающихъ говоровъ Буйскаго, Галичскаго, Кологривскаго и отчасти Солигаличскаго уѣздовъ сказалась въ Чухломскомъ говорѣ,—не только въ окающихъ, но и въ акающихъ мѣстностяхъ уѣзда,—нерѣдко встрѣчающеюся здѣсь, особенно въ пограничныхъ съ другими уѣздами волостяхъ, особенностью древняго новгородскаго говора,—перемѣною *ѣ* на *и* въ слогахъ передъ послѣдующими мягкими согласными и на концѣ словъ. Такъ, даже въ центральныхъ волостяхъ уѣзда,—Бореевской, Алешковской и Мирохановской,—можно иногда услыхать: линь вм. лѣнь, здись вм. здѣсь, йисть вм. ѣсть, повисить вм. повѣсить, мисяцъ вм. мѣсяцъ, диверь вм. деверь, встрича вм. встрѣча, симя вм. сѣмя, сини вм. сѣни, симена вм. сѣмена, стрилять вм. стрѣлять, минять вм. мѣнять, раздилить вм. раздѣлить и др. Въ другихъ же волостяхъ,—какъ акающихъ, но болѣе удаленныхъ отъ центра, такъ и въ окающихъ,—это звуковое явленіе наблюдается еще чаще. Поэтому здѣсь нерѣдко говорятъ: не уміетъ вм. не умѣетъ, двѣ недили вм. двѣ недѣли, йиздить вм. ѣздить, здися вм. здѣсь, идиво вм. ѣдиво (= пища), залинился вм. залѣнился, бисѣда, вм. бесѣда, дилить вм. дѣлить, всепокорнійше вм. всепокорнѣйше, а въ Каликинской волости постоянно: Тимоѳіевъ вм. Тимоѳеевъ, стритилися-тка вм. встрѣтились, Алексіичъ вм. Алексѣичъ, наиздисся вм. наѣздишься, отъ радинья серца вм. отъ радѣнья сердца, вмистѣ вм. вмѣстѣ, витерокъ вм. вѣтерокъ и под. Однако въ акающихъ мѣстностяхъ эту особенность говора можно признать только случайною, такъ какъ въ общемъ тамъ древнее *ѣ* сохраняется, и говорится: здѣсь, капѣйки (= копѣйки), владѣніе, мѣсяцъ (= мѣсяцъ), вмѣсти (= вмѣстѣ), свидѣтелевъ, бесѣда, ніумѣнье (= неумѣнье), Палагея, Сергеивна (= Сергѣевна), недѣля, рѣчь, сѣть, цѣдить, одѣяло, и даже въ Каликинской волости: смѣетчя (= смѣется), сусѣди (= соседи), свидѣтелевъ.

Перемѣна *и* на *е* послѣ согласныхъ замѣчена въ акающихъ мѣстностяхъ уѣзда въ слѣдующихъ словахъ: мундеръ вм. мундиръ, скатена вм. скотина, донесь вм. донись, квартера вм. квартира, рукопрекладство вм. рукоприкладство, кандедатъ вм. кандидатъ, уплачевать вм. уплачивать, Владимеровъ вм. Владиміровъ, нижеподписавшеяся вм. нижеподписавшіеся, и въ отрицаніи *ни*: *не* къ чему не приступаться, не взирая *не* на что и под. Послѣднее явленіе свойственно и окающимъ мѣстностямъ уѣзда.

Перемѣна *у* на *о* слышится въ акающемъ говорѣ въ словѣ палогодовой вм. полугодовой. Наоборотъ, *у* вм. *о*, какъ въ акающемъ, такъ и въ окающемъ говорѣ, произносится въ словѣ сумливаться вм. сомнѣваться, и производныхъ.

Въ окончаніяхъ именъ прилагательныхъ неударяемое *ый* въ акающемъ говорѣ чаще переходитъ чрезъ *ой* въ *ай*, но нерѣдко можно встрѣтить и сохраненіе его. Поэтому, наряду со словами: каторай вм. который, раздѣльнай вм. раздѣльный, старай вм. старый, миролюбнай вм. миролюбный и др.,—говорятъ: ихный, явонный и евонный, гувенный (= гуменный), граматный (= громадный), сасновый (= сосновый) и пол. Точно также и окончаніе *ій* можетъ сохраняться безъ перемѣны, хотя и переходитъ

чаще въ *ей*, а иногда (чрезъ *ой*) и въ *ай*, такъ что говорится какъ: синей вм. синій, овечей вм. овечій, весенней вм. весенній, экуй и экой вм. экій и др.,—такъ и: адинокій вм. одинокій, пьюшшій вм. пьющій, синій, овечій и т. под.

Стяженіе гласныхъ слышится въ словахъ: сичасъ вм. сейчасъ, поди и пади вм. пойди, покорнѣще вм. покорнѣйше, примать вм. принимать, вымать вм. вынимать, оставшися вм. оставшіеся, зобравшися вм. собравшіеся, нижеподписавшися вм. нижеподписавшіеся и т. под.

Вмѣсто *о* произносится *и* въ словѣ ташнехоньки вм. тошнехонько.

Въ Каликинской волости есть нѣсколько приуокивающихъ деревень, гдѣ говорятъ: штё и щё вм. что.

Гласный *а* во всемъ уѣздѣ измѣняется въ *ы* въ словахъ: сюды вм. сюда, туды и куды вм. туда и куда, покуды вм. покуда.

Отъ глагола платить вездѣ слышатся формы: заплочено, уплотить, уплотилъ и под.; въ окающихъ же мѣстностяхъ уѣзда *а* перемѣняется на *о* въ префиксѣ *раз*: росcкладка вм. раскладка, росческа вм. расческа, росписаться вм. расписаться и т. под.

Удлиняются гласные въ словахъ: крисиянинъ вм. крестьянинъ, тапере и таперя вм. теперь, здися вм. здѣсь, и въ Каликинскомъ говорѣ—еся-тка вм. есть.

Опущеніе гласныхъ можно замѣтить иногда въ словахъ: коло вм. около и врагъ вм. оврагъ. Наоборотъ, гласные прибавляются: аржаной вм. ржаной, авторникъ вм. вторникъ, аграматный вм. громадный, туды али бо сюды вм. туда либо сюда, и въ полногласныхъ—терезвый и черезвый вм. трезвый.

Въ области согласныхъ звуковъ Чухломскій говоръ отличается слѣдующими особенностями:

Гортанный *г* произносится какъ латинское *h* только въ нѣкоторыхъ, весьма немногихъ словахъ: Господь, Бога, благодарить, благословлять, Янадей вм. Геннадій. Въ другихъ словахъ *г* звучитъ твердо, какъ латинское *g*: полагодовой вм. полугодовой, негди вм. негдѣ, гавядина вм. говядина, бягу вм. бѣгу, нимнога вм. немного, деньги, дарога вм. дорога, огородцы и т. под. Окающія мѣстности уѣзда въ этомъ отношеніи согласны съ акающимъ говоромъ.

Мягкое *г*, исчезнувъ въ окончаніяхъ родительнаго пад. ед. ч. именъ прилагательныхъ муж. рода, замѣнилось и въ акающемъ и въ окающемъ произношеніи звукомъ *в*: добрава вм. добраго, плахова вм. плохого, яснова вм. яснаго, сырова вм. сырого и под. Подобная же вставка *в* между гласными встрѣчается въ словѣ караулимъ вм. карауливъ, а приставка—въ воспа вм. оспа и взавтре вм. завтра.

Находясь передъ глухимъ *к*, звонкій *г* переходитъ въ глухой *х*: мяхкій вм. мягкій, ляхко вм. легко, ляхковой вм. легковой, а также: лехче вм. легче, мяхче вм. мягче.

Вмѣсто детю говорятъ дёхтю.

Конечный *г* переходитъ въ соотвѣтствующіе глухіе *к* и *х*: мокъ вм. могъ, денекъ вм. денегъ, телѣкъ вм. телѣгъ, сапокъ вм. сапогъ, друкъвм. другъ, Бохъ вм. Богъ и под.

Органическое смягченіе *г* встрѣчается иногда въ словахъ: анделъ вм. ангелъ, Евденья вм. Евгенья.

Гортанный *к*, соприкасаясь съ зубнымъ *т*, переходитъ въ нѣкоторыхъ словахъ въ *х*: трахтиръ (но и трактиръ), хто вм. кто, карахтеленъ вм. характеренъ.

Неорганическое смягченіе *к* можно наблюдать въ акающемъ произношеніи въ предложномъ пад. ед. ч. муж. рода именъ прилагательныхъ, оканчивающихся на *скій* и (иногда) на *кій*: въ Ильинскимъ вм. въ Ильинскомъ, въ Введенскимъ вм. въ Введенскомъ, въ Галецкимъ вм. въ Галичскомъ, въ высокимъ вм. въ высокомъ. Въ именительномъ же пад. ед. ч. муж. рода именъ прилагательныхъ на *кій* чаще слышатся несмягченныя формы: малинькай вм. маленькій, старинькай вм. старенькій, экай вм. экій и под., хотя встрѣчаются и мягкія: адинокій вм. одинокій, лехкій вм. легкій и др. Особо стоитъ слово ташнехоньки вм. тошнехонько (въ Бушневск. вол.) и килья вм. келья. Другихъ случаевъ неорганическаго смягченія *к* Чухломскій говоръ, какъ акающій, такъ и окающій, не знаетъ, такъ что можно слышать только: мамонька вм. маменька, толька вм. только, сколька, Ванька, дочка, сахарку и под.

Органическое смягченіе *к* слышится въ словѣ далече и трахмалъ вм. крахмалъ.

Предлогъ *къ* переходитъ въ акающемъ произношенiи только въ латинское *g* передъ звуками: *б*, *д*, *г*, *ж*, и *з*; напримѣръ: *г*ъ дочерѣ, *г*ъ жилому мѣсту, *г*ъ бабѣ, *г*ъ городу, *г*ъ жолѣзу, *г*ъ зимѣ. Передъ звуками же—*п*, *т*, *к*, *ч*, и *ц*—предлогъ *къ* совсѣмъ не измѣняется: *къ* чяму вм. къ чему, *къ* папу вм. *къ* попу, *къ* тибѣ вм. *къ* тебѣ, къ калиткѣ, *къ* церкви и под.

Гортанный *х* не знаетъ неорганическаго смягченiя: сверь*ху*, а не сверь*хю*; вер*хомъ*, а не верь*хёмъ* и под.

Вмѣсто *х* слышится *к* въ словѣ пазу*к*а вм. паху*х*а, а *ф* въ словахъ—ку*ф*арка и ку*ф*ня вм. ку*х*арка и ку*х*ня.

Зубной *д* переходитъ въ *г* въ предлогѣ *г*ля вм. *д*ля: *г*ля памяти.

Передъ мягкими слогами *д* произносится мягко: по бу*дь*нямъ, сяво*дь*нишный (= сегоднишный), пад*дь*нясутъ, *дя*дя, дѣлить и под.

Вмѣсто Елпи*д*ифоръ говорится Илпи*т*ифоръ, вм. грома*д*ный—аграма*т*ный. Вмѣсто сва*дь*ба и уса*дь*ба говорятъ чаще: сва*рь*ба и уса*рь*ба.

Конечный *д* переходитъ въ соотвѣтствующiй глухой *т*: лоши*ть* вм. лоша*дь*, абѣ*тъ* вм. обѣ*дъ* и т. под. Но *д* сохраняется въ энклитикахъ предлогахъ передъ гласными звуками: па*дъ* елкой, пере*дъ* имъ и др. Передъ согласными глухими *д* также измѣняется въ *т*: раскла*т*ка вм. раскла*д*ка, Фе*ть*ково вм. Фе*дь*ково, по*т*ходитъ вм. по*д*ходитъ, пре*т*писанье вм. пре*д*писанье, и*т*тить вм. и*д*ти, па*т*писуемся вм. по*д*писуемся и др.

Опускается *д* въ словѣ кажнiй вм. каж*д*ый и между предшествующими *с*, *з* и послѣдующими *к*, *л*, н, *у*: празникъ вм. праз*д*никъ, позно вм. поз*д*но, гвозье вм. гвоз*д*ье, поѣска вм. поѣз*д*ка и под.

Передъ послѣдующими *ц* и *с д* стягивается вмѣстѣ съ ними въ *ц*: сер*ц*е вм. сер*д*це, шасна*ц*атый вм. шестнад*ц*атый, три*ц*еть вм. трид*ц*ать, два*ц*еть (но и двать*ц*ить) вм. двад*ц*ать, горо*ц*кой вм. горо*д*ской и под.

Зубной *т* смягчается неорганически въ предложномъ пад. ед. числа мѣстоименiя э т о т ъ во всемъ акающемъ говорѣ уѣзда: при эф*ти*мъ дѣли вм. при этомъ дѣлѣ, объ эт*и*мъ вм. объ э*т*омъ, на эт*и*мъ мѣсти и под.

Органическое смягченiе *т* можно видѣть въ произношенiи *ч*ижело или *ч*яжело вм. *т*яжело.

Въ словѣ Констан*т*инъ, произносимомъ какъ Костань*к*инъ, *т* замѣняется *к*.

Передъ послѣдующимъ мягкимъ слогомъ, начинающимся съ согласной, *т* произносится и твердо и мягко: че*т*вяруха и че*ть*вяруха вм. четверуха, че*ть*верть и че*т*верть, по че*т*виро (= четверо), *т*вaей (= твоей) и др.

Находясь передъ послѣдующимъ звонкимъ согласнымъ (кромѣ *в*), глухой *т* переходитъ въ звонкiй *д*: пе*дь*десятъ вм. пя*т*идесятъ, пя*дь* дёнъ вм. пя*ть* дёнъ (= дней), о*д*бирать вм. о*т*бирать и под.

Когда за *т* слѣдуетъ *ц*,—первоначальный или изъ *с*,—*т* уподобляется ему, переходя въ *ц*: варо*ц*ца вм. воро*т*ца, о*ц*ца вм. о*т*ца, припяти*ц*вiе вм. препятствiе (черезъ препя*т*цвiе), бога*ц*во вм. бога*т*ство (черезъ бога*т*цво) и под.

Въ суффиксѣ *ств*, а также на концѣ словъ, въ сочетанiи *ст*, и находясь между предшествующими *с*, *з* (если они не относятся къ предлогамъ—представкамъ) и послѣдующими *к*, *л*, *н* и *з*, *т* выпадаетъ: семейсво вм. семей*ст*во, жительсво вм. жительство, безграмотцво вм. безграмо*ст*во, сирочесво вм. спроче*ст*во (= сиротство), поись вм. поѣ*сть*, жись вм. жи*сть* (= жизнь), шерсь вм. шер*сть*, милосливъ вм. милос*т*ливъ (= милостивъ), часный вм. час*т*ный, волосной вм. волос*т*ной, кресьяне вм. крес*ть*яне и под.

Звонкiй *з* измѣняется въ соотвѣтствующiй глухой *с* предъ послѣдующими глухими согласными и на концѣ словъ, за исключенiемъ энклитиковъ предлоговъ передъ гласными; поэтому слышится: моросъ вм. моро*зъ*, влѣсъ вм. влѣ*зъ*, биспакоили вм. бе*з*покоили, бисчёсно вм. бе*з*честно, бе*съ* чаю вм. бе*зъ* чаю, Агрысково вм. Огры*з*ково и под. Но—*з*дѣсь, ве*з*дѣ, *з*доровье (= здоровье) и т. д.

Будучи передъ *ж*, *з* уподобляется ему: во*ж*жи вм. возжи, съѣ*ж*жаться вм. съѣзжаться, ра*ж*живаюсь вм. разживаюсь и под.

Находясь передъ послѣдующимъ мягкимъ согласнымъ, *з* смягчается: *иззь*дить вм. ѣздить, *везь*дѣ вм. вездѣ, *разь*бирать вм. разбирать, *зь*дѣсь вм. здѣсь и под.; но—терезвый и черезвый вм. трезвый, морозный и др.

Сочетаніе *зс* въ серединѣ словъ звучитъ какъ одно *с*: ривиских вм. ревизскихъ, французской вм. француз*с*кій.

Глухой *с* передъ послѣдующимъ звонкимъ согласнымъ (исключая *с* и шипящихъ) измѣняется въ соотвѣтствующій звонкій *з*: по про*зь*би вм. по просьбѣ, *зъ* горямъ вм. *съ* горемъ, *з*гоняемъ вм. *с*гоняемъ, *з*бяру вм. *с*беру, *з*дача вм. *с*дача и под. (но - *с*воей вм. своей, *с*видѣтели, *с*транникъ, го*с*подинъ и др.).

Передъ шипящими *ж* и *ш* *с* обыкновенно приближается въ произношеніи къ твердому *ш*, а передъ *ч* звучитъ какъ мягкое *ш* и вмѣстѣ съ этимъ, мягкимъ же, *ч* произносится, какъ звукъ весьма близкій къ сложному *щ*: *шъ* жаной вм. *съ* женой, ра*ш*шивать вм. ра*с*шивать, бе*шь* чаю вм. бе*зъ* чаю (бе*съ* чаю), би*щ*ёсно вм. безчестно (чрезъ бе*с*чёсно), *щ*итать вм. *сч*итать и др.

Смягченіе *с* въ сочетаніяхъ *ск* и *ств* встрѣчается чаще въ волостяхъ, смежныхъ съ сосѣдними акающими говорами. Въ нихъ нерѣдко можно слышать: бога*сь*во вм. богатство, ру*сь*кай вм. русскій, попо*сь*кай вм. поповскій, Аляшко*сь*кай вм. Аляшковской и под. Но если передъ *с* въ этихъ случаяхъ стоитъ *т*, то *с* вмѣстѣ съ нимъ стягается въ *ц*: припя*ц*віе вм. препятствіе, деся*ц*кой вм. десятскій и др.

Глаголъ пускать и производные отъ него обращаютъ *ск* въ *ш*, а въ произношеніи въ *шш*: выпу*шш*али, отпу*шш*ай и под.

Въ возвратномъ глагольномъ мѣстоименіи *ся*,—какъ въ акающемъ, такъ и въ окающемъ говорахъ,—*с* произносится всегда мягко только въ томъ случаѣ, если ему предшествуетъ гласный звукъ или согласный *ш*. Такъ постоянно говорится: атступила*ся* вм. отступилась, дастала*ся* вм. досталась, оставши*ся* вм. оставшіеся, нижеподписавши*ся* вм. нижеподписавшіеся, полинили*ся* вм. полѣнилися, собравши*ся* вм. собравшіеся, занимаю*ся*, находящае*ся* вм. находящіеся, пропутаес*ся* вм. пропутаешься, забалуис*ся* вм. забалуешься, свыкнес*ся* вм. свыкнешься, стараис*ся* вм. стараешься, обжирес*ся* вм. обжерешься, учис*ся* вм. учишься, наиздис*ся* вм. наѣздишься и под. Если же предъ *с* находится какой-нибудь согласный, кромѣ *ш* и *т*, то *с* произносится и твердо и мягко, хотя чаще мягко, чѣмъ твердо; напримѣръ: мучил*ся*, патписуемся вм. подписуемся, жанил*ся* вм. женился, обящал*ся* вм. обѣщался, распорядил*ся* вм. распорядился, спрятал*ся*, росписал*са* вм. расписался, поисправил*са* вм. поисправил*ся*, взял*са* вм. взял*ся* и др. Находясь же послѣ *т*, *с* звучитъ чаще твердо, чѣмъ мягко, и произносится отдѣльно отъ *т*, съ сохраненіемъ своего собственнаго звука, хотя иногда въ этомъ же случаѣ можно услышать и мягкое произношеніе *с*, и отдѣльный переходъ его въ *ц*, и переходъ въ тотъ-же звукъ предыдущаго *ш*; поэтому говорится какъ—родитс*а* вм. родит*ся*, выражаетс*а* вм. выражает*ся*, гаварит*са* вм. говорит*ся*, оставатся вм. остават*ся* и под.,—такъ и—шатанш*ся* вм. шатаешься, касат*ца* вм. касаться, пользоват*ца* вм. пользоваться, остае*цца* вм. остается и др. Наконецъ, цокающія селенія Каликинской волости, измѣняя въ этомъ случаѣ *с* въ *ч*, а иногда въ *ш*, произносятъ эти новые звуки мягко: похваляе*тчя* вм. похваляется, бои*тчя* вм. боится, смѣе*тчя* вм. смѣется, дра*чя* вм. драться, боя*тшя* вм. боятся и под.

Согласный *ц* всегда произносится твердо: царь, лицо, цепочке вм. цѣпочка, цана вм. цѣна, квитанцыевъ вм. квитанц*іе*въ (= квитанцій), двадцыть и двадцэть вм. двадцать, тритдэть вм. тридцать, цэрковь и т. под.

Органическое измѣненіе *ц* наблюдается только въ цокающихъ селеніяхъ (напр. деревня Синяковъ Починокъ) Каликинской волости, гдѣ *ц* переходитъ въ *ч*, напримѣръ поличейской вм. поли*ц*ейскій, *ч*ерковь вм. *ц*ерковь, *ч*арь вм. *ц*арь, ли*ч*о вм. лицо и под.

Подобнымъ же образомъ въ этихъ селеніяхъ переходитъ и *ч* въ *ц*, чѣмъ тамъ,—въ соединеніи съ вышеуказаннымъ переходомъ *с* въ *ч* и *ш* въ возвратномъ мѣстоименіи глаголовъ,—и выражается такъ называемое цоканье: пе*ц*ка вм. пе*ч*ка, топере*ц*а вм. топере*ч*а (= теперь), спи*ц*ка вм. спи*ч*ка, *ц*орный вм. *ч*ерный и др.

Во всемъ Чухломскомъ городѣ *ч* всегда имѣетъ мягкое произношеніе: ничяво и ни*ч*ево вм. ничего, *ч*етвиро вм. четверо, *ч*ятыри вм. четыре, сичясъ вм. сейчасъ, пи-

тачёкъ вм. пятачекъ, учяствавать вм. участвовать, качюли вм. качули, начялъ, ворочять, па личьной прозьби вм. по личной просьбѣ, тропачькой вм. тропочкой, на печьки вм. на печкѣ, къ дочьки вм. къ дочкѣ и др.

Слово что,—какъ въ акающемъ, такъ и въ окающемъ говорахъ,—произносится што, а въ цокающемъ—щё и штё.

Группа *тш* переходитъ въ *чч* (черезъ *тч*) въ словахъ: лучча вм. лучше, ушоччи вм. ушедши (черезъ ушо*тч*и).

Находясь передъ *н*, *ч* переходитъ въ *ш*: коне*шн*о вм. конечно, парядо*шн*ый вм. порядочный, помо*шн*икъ вм помощникъ (изъ помочникъ), пшани*шн*ый вм. пшеничный и др.; но — вѣчный, сочный, восточный, личный, точный.

Шипящіе *ж* и *ш*,—какъ удвоенные, такъ и неудвоенные, — вездѣ произносятся твердо: *жа*на вм. жена, *мужа*некъ вм. муженекъ, *ша*снацатый вм. шестнадцатый, на*ша*му вм. нашему, тож*а* и тож*о* вм. тоже, пож*а*лаешь вм. пожелаешь, *жа*нихъ и *жы*нихъ, падишэвле вм. подешевле, мужэвья (= мужья), пишытъ вм. пишетъ, бяжытъ вм. бѣжитъ, шывелится вм. шевелится, лошыть вм. лошадь, тяжы вм. тяжи, жытельство, разряшэніе вм. разрѣшеніе, раньшы вм. раньше, дарожы вм. дороже, хорошыс вм. хорошіе, жысь вм. жизнь, виж*у*, гляж*у*, прош*у*, нарушылъ, тишына, вожжы, съѣжж*а*ться, шшыть вм. сшить и под.

Конечный *ж*, и *ж* находящійся предъ глухими согласными, измѣняются въ соотвѣтственный глухой *ш*: дѣлё*ш*ъ вм. дѣле*ж*ъ, ме*ш*ъ намъ вм. ме*ж*ъ намъ, *ш*дать вм. вм. *ж*дать, *ш*банъ вм. *ж*банъ и др.

Находясь передъ возвратнымъ мѣстоименіемъ *ся* въ глагольной формѣ 2 лица ед. ч. изъявит. накл., *ш* обращается въ *с*: забалуис*с*я вм. забалуе*ш*ься, свыкнес*с*я вм. свыкне*ш*ься, стараис*с*я вм. стараеш*ь*ся, учис*с*я вм. учи*ш*ься и под.

Слово моло*шн*ый произносится молосный.

Сложный согласный *щ* большею частію звучитъ (послѣ гласныхъ), какъ двойной твердый *ш*, хотя иногда встрѣчается и произношеніе *щ*. Такъ, вездѣ можно слышать: свя*шш*эннинкъ вм. свя*щ*енникъ, *шш*ука вг. *щ*ука, и*шш*у вм. и*щ*у, сла*шш*э вм. сла*щ*е, ча*шш*э вм. ча*щ*е, выпу*шш*али вм. выпу*щ*ами, а*шш*о, и*шш*о, е*шш*о и я*шш*о вм. е*щ*е пью*шш*ый вм. пью*щ*ій, навѣ*шш*аютъ вм. навѣ*щ*аютъ, ве*шш*ы вм. ве*щ*и, мѣ*шш*ане вм. мѣ*щ*ане, та*шш*ы вм. та*щ*и, изво*шш*ыхъ вм. изво*щ*икъ, въ учили*шш*ахъ вм. въ училищихъ, отпу*шш*ай вм. отпу*щ*ай, пу*шш*э вм. пу*щ*е и под. Наряду съ этимъ можно однако услыхать, особенно въ акающемъ говорѣ: съ помѣ*щ*еніеми вм. съ помѣщеніями, въ об*щ*имъ владѣніи вм. въ общемъ владѣніи, образую*щ*егося вм. образующагося, состоя*щ*его вм. состоящаго, ве*щ*и, об*щ*ство вм. общество, обя*щ*ался вм. обѣщался, покорнѣ*щ*е вм. покорнѣйше, вму*щ*ество, тыщя и др. Съ другой стороны, иногда слышится мягкое я*шш*е вм. еще, а также: тол*шш*ына (послѣ согласныхъ) вм. тол*щ*ина, ве*ш*ъ вм. ве*щ*ь, *сч*ека вм. *щ*ека, хи*чн*ова вм. хи*щ*нова *) и прикрач*а*етъ вм. прекра*щ*аетъ.

Звонкіе губные *б* и *в* на концѣ словъ и передъ слѣдующими глухими согласными переходятъ въ соотвѣтствующіе глухіе *п* и *ф*: процента*ф*ъ вм. процентов*ъ*, низдаро*ф*ъ вм. нездоров*ъ*, дѣло*ф*ъ вм. дѣлов*ъ*, старосто*ф*ъ вм. старостов*ъ*, свидѣтеле*ф*ъ вм. свидѣтелев*ъ*, сѣдоко*ф*ъ вм. сѣдоков*ъ*, бо*п*ъ вм. бо*б*ъ, голу*п*ь вм. голу*б*ь, *ф*станешь вм. *в*станешь, вза*ф*тре вм. вза*в*тре (= завтра), нило*ф*ка вм. нелов*к*о, *ф*ъ церкву вм. *в*ъ церковь, собра*ф*шися вм. собра*в*шись, о*п*стаиваишь вм. обстаиваишь вм. об*с*таиваешь, голу*п*ка вм. голу*б*ка и др.

Въ отношеніи твердости и мягкости произношенія всѣ губные,—какъ конечные, такъ и находящіеся въ срединѣ словъ,—въ Чухломскомъ говорѣ согласны съ общепринятою ореографіей: би*т*ь, повязка, распяливать, мягкій, кро*ф*ь вм. кровь, любо*ф*ь вм. любовь, семь, пролупь вм. прорубь, голупь вм. голубь, ла*ф*ки вм. лавки шапки, рупь вм. рубль, молепствіе вм. молебствіе, юпки вм юбки, хлѣбникъ, купца и под.

---

*) Хичьной—собств. русское слово, а хищьный—ц. слав., хыт-а-ти—хват-а-ти, кыс-лый, квас, кып-ѣ-та, кван-н-ти, бы-ти, бав-и-ти (забава) и пр. Мы произносимъ хишной, (вм. хичной). Похыщенъ, похыщать все ц. слав. формы; рус. схваченъ (могло лишь быть и было похыченъ). *Ред.*

Слово о*б*мануть иногда слышится какъ а*д*мануть.

Вмѣсто *в* произносится *м* въ дѣепричастныхъ формахъ: взя*м*ши, выпи*м*ши, напи*м*шись и под. вм. взя*в*ши, выпи*в*ши, напи*в*шись и др. Наоборотъ, вмѣсто *м* слышится *в* въ словѣ гу*в*но, гу*в*енный и другихъ производныхъ вм. гу*м*но, гу*м*енный и под.

Вмѣсто ко*г*да, то*г*да и все*г*да можно услышать,—вѣроятно чрезъ ко*в*да, то*в*да и все*в*да,—ко*л*да, то*л*да и все*л*да.

Вмѣсто *п* произносится *м* въ словахъ: *м*чела вм. *п*чела и *м*тица вм. *п*тица.

Говорятъ также: ск*р*озь вм. ск*в*озь, *с*лобода вм. *св*обода, ку*к*шинъ вм. ку*в*шинъ и *с*кусный вм. *в*кусный.

Въ Каликинской волости опускается начальное *в* въ произношеніи *с*тритимся вм. *в*стрѣтимся, а въ акающемъ говорѣ выпадаетъ срединное *в* въ словѣ дѣушка вм. дѣ*в*ушка.

Вмѣсто а*м*баръ говорится а*н*баръ.

Мѣны *х* и *ф* Чухломскій языкъ не знаетъ, такъ что здѣсь можно слышать только: *кв*артера вм. квартира, *кв*итанція, *хв*остъ и под.

Диссимиляція плавныхъ происходитъ въ словахъ: про*л*упь вм. про*р*убь, карахте*л*енъ вм. характеренъ, А*л*истархъ вм. А*р*истархъ, арендате*л*ь вм. арендаторъ.

Начальный *н* измѣняется въ *м* въ словахъ: *М*икалай и *М*икола вм. *Н*иколай и *Н*икола, *м*ырять вм. *н*ырять.

Вставляется *н* въ словѣ каж*н*ій вм. каждый, а опускается въ произношеніи Костанькинъ вм. Ко*н*стантинъ.

Вмѣсто *н* слышится *л* въ словѣ сум*л*ивалась, сум*л*ѣніе и под. вм. сом*н*ѣвалась, сом*н*ѣніе и др., и въ словѣ *а*ламнясь вм. *о*номнясь.

Вмѣсто *л* слышался *н* въ словахъ: ма*н*енько, по ма*н*оньку вм. ма*л*енько, по ма*л*еньку, и шкату*н*ка вм. шкату*л*ка.

Вставляется *л* въ словахъ: благослов*л*енье вм. благословенье и милос*л*ивъ вм. милостивъ.

Перехода *л* въ *в* или *ў* Чухломскій говоръ не знаетъ: бра*л*ъ, ходи*л*ъ, полза*л*ъ и под.

Плавный *р*, въ отношеніи мягкости и твердости своего произношенія, сохраняя предъ гласными общепринятую орѳографію, произносится предъ согласными и твердо и мягко: церковь, кормилецъ, верхъ и верьхъ, червакъ, червà (род. е.). горница, харчевня, первой и перьвый, зерькало и зеркало, дирьмо (= дерьмо), четверьть (= четверть) и под.

Въ отношеніи *ударенія* можно отмѣтить слѣдующее: говорится—твòрогъ и творòгъ, сòсна и соснà, въ рѣкỳ и въ рѣку, двѣ вёрсты и двѣ верстỳ, вилàми и вѝлами, принѣсть и принести, пòзвалъ и позвàлъ, сòбралъ и собрàлъ, пòслалъ и послàлъ, приведёнъ, привезёнъ, принесёнъ, приведенà, принесенà, привезенà, прѣснòй и прѣсный кажѝнный, кỳрите, пойдёшь, òпасно и опàсно, высòко и высокò, далёко и далекò, тёмно и темнò, четырехъ и четырёхъ, чётвиро (= четверо), по буднàмъ, братьàмъ, мордỳ (имен. мн.-названіе рыболовн. снаряда), лавà (имен. мн.—тоже названіе рыболовн. снар.), накошенò (= накошено), ни мятёна, варòты (= ворота), пѝсьмовъ (= писемъ), велѝка (= велика), нè билъ, пòдъ вечеръ, нà зло.

Склоненіе именъ существительныхъ отличается въ Чухломскомъ говорѣ слѣдующими особенностями:

Слово пшено склоняется вмѣсто средняго въ женскомъ родѣ: пшены, пшеной; вмѣсто этотъ путь нерѣдкость услыхать эта путь, вм. никакого вреда—никакой вреды, вм. церковь и въ церковь—церква и въ церкву; говорится—этотъ яблокъ и это яблоко.

Смѣшеніе основъ въ родительномъ, дательномъ и предложномъ падежахъ един. числа существ. муж. рода можно услыхать въ словахъ: съ того год*у* вм. съ того год*а*, изъ рынк*у* вм. изъ рынк*а*, сегодн*и* вм. сегодн*я*, нѣтъ дёхт*ю* вм. нѣтъ дегт*я*, къ Ильину дн*и* вм. къ Ильину дн*ю*, въ сад*ѣ* вм. въ сад*у*, по пріѣзд*у* вм. по пріѣзд*ѣ* и др.

Въ именахъ женскаго рода творительный пад. един. числа оканчивается только

на *ой* и *ей*: съ жен*ой*, сестр*ой*, тропк*ой*, бан*ей* и под. Смѣшеніе падежей въ тѣхъ же именахъ можно услыхать иногда въ выраженіи—по личной просьбы вм. по личной просьбѣ. Въ дательномъ пад. един. числа говорятъ: къ дочерѣ, къ матерѣ, къ лошадѣ.

Наряду со словомъ силою употребляется силомъ.

Въ именахъ средняго рода тоже можно видѣть смѣшеніе падежей: въ общимъ владѣн*іе* вм. въ общемъ владѣн*іи*, по выслушан*ію* этого вм. по выслушаніи этого.

Во множественномъ числѣ имена мужскаго рода имѣютъ слѣдующія особенности: въ именит. падежѣ встрѣчаются формы—приговорà вм. приговоры, мужевья, вм. мужья, ловà вм. лòвы (назв. рыболовн. снаряда), щенки и щенята, опёнки и опята; въ родит. пад. можно услышать—солдатовъ вм. солдатъ, старостовъ вм. старостъ, старшиновъ вм. старшинъ, свидѣтелевъ вм. свидѣтелей, медвѣдевъ вм медвѣдей, рублевъ вм. рублей, пять дёнъ вм. пять дней.

Вмѣсто творительнаго множ. числа не только въ мужскомъ родѣ, но и въ женскомъ и среднемъ родахъ, обыкновенно употребляется дательный; но изрѣдка можно услышать и первый: съ лошадямъ, за ягодамъ, съ дѣтямъ (но и съ дѣтьми), подъ ногамъ, съ крестамъ, брать рукамъ, царапать когтямъ; съ помѣщеніями, между двумя наслѣдникамъ и под.

Въ родит. множ. числа вмѣсто квитанцій говорится квитанціевъ.

Изъ именъ средняго рода въ именительн. пад. множ. числа окончаніе *ы* вм. *а* имѣютъ слова: ворòты вм. ворота, брёвны вм. бревна, вёслы вм. вёсла; слово ведро имѣетъ и вёдры и вёдра. Въ родительн. падежѣ того-же числа встрѣчаются формы: тѣловъ вм. тѣлъ, пивовъ, дѣловъ вм. дѣлъ, мѣстовъ вм. мѣстъ, селеніевъ вм. селеній, пѝсьмовъ вм. писемъ.

Въ склоненіи именъ прилагательныхъ можно отмѣтить только очень немногое. Такъ, формы род.-вин. ед. ч. они имѣютъ, какъ уже было отмѣчено выше, на *ва*; добра*ва* вм. добраго, слѣпо*ва* вм. слѣпого, сине*ва* вм. синяго, припадобна*ва* вм. преподобнаго и др.; въ родит. ед. ч. женскаго рода изрѣдка встрѣчается окончаніе *ые* вм. *ой*.—напримѣръ, отъ молод*ые* жены вм. отъ молод*ой* жены; въ концѣ именит. пад. множ. числа у всѣхъ родовъ почти постоянно слышится *е* (а отсюда ужъ иногда *и*): посторонн*іе* люди, яров*ые*-та худ*ые*, ясн*ые* дни, сильн*ые* лошади и под.; творительн. падежъ множ. ч., какъ и въ именахъ существительныхъ, замѣняется дательнымъ: съ милымъ дѣвушкамъ, съ добрымъ людямъ, съ осиновымъ дровамъ, съ большимъ сапогамъ и т. д.

Въ мѣстоимѣніяхъ формы родит. и вин. падежей—мене, тебе и себе вм. меня, тебя и себя,—встрѣчаются рѣдко, только въ акающемъ говорѣ, и то по преимуществу у мужчинъ, принесшихъ ихъ, очевидно, изъ Питера.

Изъ короткихъ формъ можно услышать, также рѣдко, только: *мя* вм. меня и *тѣ* вм. тебѣ.

Мѣстоименіе 3 лица въ родит. пад. ед. ч. жен. рода имѣетъ форму *её*, а не *ея*: ни вижу *её* вм. не вижу *ея*, *её* зять, у *её* и под. Послѣ предлоговъ, въ формахъ, начинающихся съ гласнаго, это же мѣстоимѣніе не вставляетъ согласнаго *н*: за ево вм. за *н*его, у яво вм. у *н*его, надъ имъ вм. надъ *н*имъ, съ имъ вм. съ *н*имъ и под. Именительный множ. числа во всѣхъ родахъ—онѣ.

Въ мѣстоименіе этотъ вставляютъ предлоги *въ* и *съ* независимо отъ того, послѣ какихъ предлоговъ это мѣстоимѣніе употреблено: что мнѣ изъ *эс*таго, на *эф*томъ мѣстѣ и под.

Указательное тотъ въ родит. пад. ед. ч. жен. рода имѣетъ иногда форму *тые* вм. *той*: отъ *тыё* поры.

Притяжательныя мой, твой и свой въ творит. пад. ед. ч. муж. р. и въ именит., родит., дательн. и предложн. пад. множ. числа имѣютъ часто формы съ гласнымъ *ѣ* вм. *и*: съ ма*ѣ*мъ мужемъ, сво*ѣ* дѣла, тво*ѣ*хъ домовъ, къ мо*ѣ*мъ снопамъ, въ ма*ѣ*хъ сапогахъ.

Въ смыслѣ притяжательныхъ мѣстоимѣній употребляются: ихный вм. ихъ, ейный вм. ея и евонный вм. его.

Членъ употребляется только въ формахъ именительнаго падежа, т. е. *тъ*, *то*,

та и *ти*, хотя и можетъ соединяться съ именами при всѣхъ падежахъ и числахъ ихъ. При этомъ, въ акающемъ говорѣ форма *то* измѣняется въ *та* и можетъ стоять, такъ же какъ и *то* въ окающемъ говорѣ, не только въ склоняемыхъ, независимо отъ падежей и чиселъ формахъ, но и въ спрягаемыхъ: да и ты-*та* не парядашна (= по рядочна), я-*та*, тропкай-*та*, вм. тропкой-*то*, зимой-*та*, на столбикѣ-*то*, сѣно-*то*, яровые-*та* худые, сѣдоковъ-*то*, жить-*та* и под. Форма *тъ* слышится въ именахъ мужскаго рода съ конечнымъ согласнымъ и конечнымъ же удареніемъ: лѣсъ-*атъ*, домъ-*атъ*, сынъ-*атъ*. Наконецъ, форма *ти* употребляется въ именит. множ. числа отъ именъ существительныхъ, послѣ гласныхъ *а*, *и*, *ы*: ворота-*ти*, волоса-*ти*, колеса-*ти*, деньги-*ти*, бабы-*ти*, торговцы-*ти*.

Между формами спряженія можно отмѣтить въ Чухломскомъ говорѣ слѣдующія особенности:

Вмѣсто несовершеннаго вида вымать въ центральныхъ акающихъ волостяхъ уѣзда употребляется форма вынать: вынала вм. вынимала, навынала вм. навынимала и под.

Наращаемый слогъ *ва* встрѣчается иногда въ глаголахъ—требо*ва*ю вм. требую и наймо*вать* вм. нанимать.

Окончаніе *шъ* во 2 лицѣ ед. числа часто опускается въ акающемъ говорѣ только въ вопросѣ врё? вм. врё*шь*?

Древнее окончаніе *ть* въ 3 лицѣ ед. числа сохранилось въ безличныхъ формахъ: вида*ть*, зна*ть*.

Слово говоритъ въ быстрой рѣчи, при передачѣ чужихъ словъ, обыкновенно сокращается въ гытъ.

Гортанныя глагольныя основы не смягчаются въ формáхъ: текётъ вм. течетъ, стерегешь вм. стережешь, пекетъ вм. печетъ и под.

Смѣшеніе спряженій можно встрѣтить рѣдко, въ такихъ формахъ какъ: зари*витъ* вм. заре*ветъ*, держ*утъ* вм. держ*атъ*, хвал*ютъ* вм. хвал*ятъ*,—и наблюдается по преимуществу въ говорѣ мужчинъ, что даетъ возможность считать это явленіе не коренною особенностью говора.

Такимъ же заимствованіямъ изъ чужого говора нужно, кажется, признать и окончаніе *ть* въ неопредѣленномъ наклоненіи глагола идти итти*ть*, отойти*ть*.

Вмѣсто смолотъ говорятъ часто—смолонъ; вм. убѣжалъ—убёгъ, вм. впрягъ и запрягъ—впрёгъ и запрёгъ.

Отъ глагола ѣхать и производныхъ повелительное наклоненіе говорится въ формахъ уѣзжай, поѣзжай, заѣзжай и—ѣдь, уѣдь, поѣдь, заѣдь; формы ѣзжай не существуетъ.

Вмѣсто смотрите можно услыхать также смотряйтя.

Между синтактическими особенностями говора замѣчены слѣдующія:

Вмѣсто винительнаго пад. употрбляется иногда родительный въ названіяхъ грибовъ муж. рода: нашелъ боровика, раздавилъ рыжика, съѣлъ груздя. Тотъ же падежъ постоянно слышится вмѣсто именительн. при глаголѣ есть въ такихъ выраженіяхъ какъ: есть у насъ богатыхъ-та людей! денегъ у насъ есть; есть у насъ всякаго народа, и под. Съ предлогомъ изъ родительный же падежъ употребляется вмѣсто творительнаго: красивъ изъ себя вм. собою, пріятенъ изъ лица вм. лицомъ, и др.

Вмѣсто благодаримъ васъ говорятъ иногда—благодаримъ вамъ, вм. читать книгу—читать въ книгу; вм. курить трубку—курить въ трубку.

Вмѣсто словъ этой ночью употребляются сбразованія—вночесь и ночёсь, вм. на тѣхъ дняхъ—аломнясь (изъ ономнясь), вм. прошлаго года—лонѣсь.

Предлогъ *по* постоянно употребляется вмѣсто *за* въ такихъ выраженіяхъ какъ: идти *по* лошадь, *по* коровъ, *по* овецъ и под. Предлогъ *на* служитъ вмѣсто *въ* въ выраженіяхъ: у насъ *на* городу жить хорошо, пошелъ *на* городъ вм. *въ* городъ и др.

Степени сравненія выражаются какъ обыкновенными окончаніями, такъ и растяженіемъ голоса, и особыми измѣненіями словъ: громмá-дный, боольшой, злющій, добрѣющій, крохотунный (= очень маленькій) и под.

Одинаково встрѣчаются: какъ—пришло два мужика, такъ и—пришли два мужика, и—пришло двое мужиковъ; какъ—два хлѣбные амбара, такъ и—два хлѣбныхъ амбара; два раза и—два разъ; два рубли; трои двери и—трои дверей.

Безличный оборотъ можно встрѣтить въ выраженіи: а ужь у насъ было выпито, и под. Дѣепричастная форма вмѣсто прошедш. времени встрѣчается въ акающемъ говорѣ очень нерѣдко: яво нѣтъ дома-та,—уѣхавши; я оставши больная; сынъатъ у её ушоччи, и под.

Одно отрицаніе вмѣсто двухъ употребляется въ такихъ выраженіяхъ какъ: никто ему велѣлъ; никто его совалъ,—самъ сунулся; ништо ему сдѣлается.

Изъ частицъ, не имѣющихъ опредѣленнаго значенія, можно упомянуть, кромѣ употребляющихся при передачѣ чужихъ словъ и мнѣній—*де*, *молъ* и *ста* (я-*ста* его проучу! ну-ка *молъ* скажи, куда ты деньги-то дѣвалъ? я-*де* его такъ и испугался! у насъ *молъ*, *батъ*, на дорогѣ не стой),—частицу *т*, вставляемую, преимущественно въ окающемъ, между глагольною формою и частицею *ка*: стритилися-*т*-ка. См. встрѣтились, еся-т-ка вм. есть, ей-Богу-т-ка вм. ей-Богу.

Мѣстныхъ словъ, по краткости времени всего обслѣдованія говора вообще и по необходимости быстраго перекочевыванія изъ одной мѣстности уѣзда въ другую, удалось записать только очень немного:

Асинь—а, ась (въ вопросо-отвѣтахъ).—«Баушка!—Асинь?» (Судайск. вол.) *).

Безо-время—не во время.—«Везо время посіешь, «ничяво и не уродитца» (Судайск. в.).

Безперевòдно—безпрерывно.—«Дождь-жа этта шелъ безпереводно». (Коровск.).

Бочùть—искривлять на бокъ.—«Вона какъ бочитъ тарантасъ-та!» (Судайск.).

Вертýнъ—маленькій налимъ.—«Не надо-ли вертуновъ?» (г. Чухл.).

Вёснусь—этой весной.

Волóга—зимній запасъ соленья—грибовъ (Суд., Идск.).

Воскресёна—названіе коровы, родившейся въ воскресенье.

Воскресёнка—ласкательное отъ воскресёна.

Втòрька—корова, родившаяся во вторникъ.

Втòрюшка—лоскательное отъ вторька.

Вѣ̀домо—завѣдомо, вѣроятно; того и гляди, что; какъ не.—«Вѣдомо пайдетъ! Какъ тибѣ ни такъ?!»

Годовùна—долгій промежутокъ времени, уповодъ.—«Я ужь тебя съ гадовину здѣсь жду».

Жданка—ласкательное названіе долго и съ нетерпѣніемъ жданной рожденіемъ коровы.

Ждàна—то-же,—только не ласкательное,—названіе.

Жвя̀кнуть—сказать что-нибудь.—«У насъ противъ его никто не жвякнетъ даже» (Коликинск.).

Заýститься—засѣсть, застрянуть (о рыбѣ).—«Рыба-жа и заустится въ ёлнахъ-та» (Бореевск.).

Завòпить—закричать.—«Слышу завòпили: писарь тонетъ!» (Судайск.).

Закòсъ—дальній сѣнокосъ.—«Старшія-жа дѣтки на закоси теперь». (Коровск.).

Запòлица—мѣсто за полемъ.—«Авецъ-то я видѣла на заполицѣ» (Бушневск.).

Инный—иной, нѣкоторый.—«Инные годы ничявъ не радится». (Судайск.).

Кýжель—пучекъ льна, привязанный къ прялкѣ.

Кùлья (= келья)—церковная сторошка.—«Въ килью пади начевать-та».

Клàдница—куча береста, надраннаго для крыши. (Бушк.).

Леденùца—болѣзнь у дѣтей въ родѣ кори; бываетъ въ октябрѣ и ноябрѣ.—«У насъ ребятишки въ леденицѣ лежатъ».

---

*) Въ скобкахъ отмѣчается волость, въ которой слышано слово. Слова, при которыхъ нѣтъ этой отмѣтки, распространены по всему уѣзду.

Летѝна—трава картофеля.—«На картофлѣ вся летина нынчи сгорѣла».

Ломи́ха—долго не «обыскивающаяся» нетелящаяся корова.

Лысёна—корова съ отмѣтиной на лбу.

Лысёнка—ласкательное отъ лысёна.

Лысёнушка—ласкательное отъ лысёна.

Ловъ—деревянный срубъ съ двумя окнами на двухъ противоположныхъ стѣнахъ, устраиваемый для ловли зимою рыбы въ устьяхъ рѣчекъ, впадающихъ въ Чухломское озеро.—«Зимой-жа ловимъ въ лава̀».

Лонѐсь и лоня̀сь—въ прошломъ году. (Суд., Идск.).

Ма̀мина—маменька.—«Правади меня, мамина!». (Коров.).

Махлакѝ—желтая морошка,—ягода.

Медвѣ̀дки—березовыя, съ елевымъ ободомъ, нешиненыя колёса.

Моро̀шка—княженика,—ягода.

Му̀дникъ—чаревникъ,—названіе кушанья изъ ячменной крупы съ саломъ и бараньими кишками.

Мужо̀вній—принадлежащій мужу.—«Имѣнье-жа не мое, а мужовное». (Коров.).

Наворова̀ться—о скотинѣ; повадиться попадать куда-нибудь.—«Анѣ (овцы) паваравались ужь въ агумнахъ-та».

Накутѝть—нанести, надуть много снѣгу.—«А зимой-та накутило снѣгу много» (Введенск.).

Неустои́мая—чрезмѣрно большое количество чего-нибудь.—«Клюквы у насъ буваеть проста неустоимая» (Введенск.).

Обла̀гаться—надѣяться, налагаться на что нибудь.—«Ты на меня не больна облагайся».

О́близь—близи.—«Нѣтъ подходяшшова челодѣка въ—облизь-то у насъ». (Калик.).

Обша̀стать—обойти съ поисками чего-нибудь.—«Говядины-то искала, всѣ лавки обшастала».

Обста̀ивать—заступаться за кого-нибудь.—«Ты все крестьянъ абстаиваишь».

Отда̀ть—отодвинуть, убрать что-нибудь мѣшающее чему-нибудь.—«Отдай горшокъ—ажъ,—мѣшаетъ» (Бушнев.).

Отда̀ться—убраться, отодвинуться съ дороги.—«Атдайся дальше,—ушибетъ»! (Бушнев.).

Осенѐсь—нынѣшней осенью.—«Другую-та лошадь продали осенесь» (Суд.).

Въ осеня̀хъ—этой осенью.—«Въ осеняхъ у насъ былъ урядникъ-то». (Калик.).

Па̀шня—хлѣбъ, родящійся на пахано̀мъ полѣ.—«Все бы камни, а пашня-та радится харашо».

Пѐчево—печеное,—въ противоположность вареву.—«Потомъ приносятъ печева, али пахлебать».

Пи́диво—питье.—«Ни пидива, ни идива, (=ѣдиво) нестала». (Муравьищ.).

Подъу̀зда—рыба: родъ большой сороги съ крючкообразнымъ носомъ.

Подбора̀нивать—боронить (Бушнев.).

Позову̀шка—званая вечеринка.—«А у насъ была тогда позовушка» (Калик.).

Погрестѝ—сгрести сѣно.—«Пагребли, што вечоръ-та было накашено» (Судейск.).

Понедѣ̀лька—корова, родившаяся въ понедѣльникъ.

Понедѣ̀люшка—ласкательное отъ понедѣлька.

До тѣхъ поръ—очень.—«Баринъ харошей: проста да тѣхъ поръ показался мнѣ»! (Судайск.).

Про́стень—веретено нитокъ.—«Два простня напряла».

Пыта̀ть—стараться.—«Пыталъ я её даждатса».

Пятерѝшный—о кузовѣ: большой (извѣстнаго размѣра).—«Денегъ-та, у яво пятеришный кузовъ».

Раззыка̀ться—разбогатѣть, разжиться.—«Послѣ таво онъ шибка раззыкался деньгамъ-то» (Судайск.).

Рѣши̇ться—уничтожаться.—«Господа-та какъ рѣшились, все и заглохла». (Муравьищ.).

Самондра̀вный—упрямый, съ норовомъ —«Иная лошадь бываетъ самондравная; къ ей надо приглядѣтся» (Вушнев.).

Самондра̀вство—упрямство, норов.—«Самондравство тоже имѣетъ (лошадь)» (Вушнев.).

Свѝнка—кучка, въ которую складываются въ полѣ яровые снопы (Вушнев.).

Свалѧ̀ть—о стогѣ: сметать.—«Два стога сяводни сваляли» (Судайск.).

Селѐдокъ—щуренокъ, небольшая щука до 3 фунтовъ (Судайск.).

Середа̀—часть избы съ печкой, отдѣленная перегородкой.—«Выйдешь отъ середы-та, и скажешь».

Середёна—корова, родившаяся въ среду.

Середёнушка—ласкательное отъ середёна.

Сестрѝчина—сестричка.—«Пей чай-та, сестричина»! (Коров.).

Совѣ̀тно—согласно, въ согласіи.—«Сначала-та анѣ савѣтно жили» (Судайск.).

Со̀рьезъ—рыба харіузъ.—«Пуда три наловили сорьезовъ» (Судайск.).

Сту̀пни—поршни, берестяная обувь. (Бушнев.).

Суббо̀тка—корова, родившаяся въ субботу.

Торплё—веретище,—постила для покрытія воза.—«Торплё-та все грявное». (Бушнев.).

Труба̀—узкая и длинная прорубь, устраиваемая въ Чухломскомъ озерѣ при впаденіи въ него рѣчекъ, для ловли рыбы въ «лова».

Увоззрѣ̀ть—увидѣть.—«Не увоззрѣть бы мнѣ дитя своево».—«Святыхъ бы мнѣ не увоззрѣть»! (Калик.).

Умо̀рно—голодно.—«Скотинѣ-та у насъ ужа̀сь уморно». (Судайск.).

Ужа̀сь—ужасно.—«Ужась какъ холодно»! (Судайск.).

Упастѝсь—спастись остеречься.—«На всякій разъ не упасёсся».

Усы̀панье—чрезмѣрное количество ягодъ, плодовъ и под.—«Клюквы нончи такое усыпанье»! (Коров.).

Утрось—этимъ утромъ.—«И жарило-жа утрось-та»! (Судайск.).

Холодёнушка—холодокъ, прохладное мѣсто.—«Атдахну я тутъ на халаденушкѣ-та». (Судайск).

Хушь—хоть.—«Побывай у насъ хушь когда-нибудь». (Коров.).

Цѣлѝкъ—сѣрый грибъ.—«Чиво висёшь?—да однихъ циликовъ»!

Червобо̀ина—поврежденіе хлѣба червемъ.—«Старики-тя не помнятъ ни градобоины, ни червобоины». (Судайск.).

Черка̀ть—пахать.—«Черкать скора ужъ нада».

Чисту̀шка—свободная отъ деревьевъ небольшая полянка въ лѣсу.—«Разъ мы на адной чистушкѣ цѣлую карзину набрали грибовъ-та» (Введенск.).

Шарава̀риться—затягивать дѣло.—«Што онъ канителится,—шараваритса-та»? (Вореев.).

Ѣдиво—пища, ѣжа.—«Ни пидива, ни идива нѣтъ». (Мурав.).

Язо̀къ—небольшая прорубь въ Чухломскомъ озерѣ, устраиваемая для опусканія «мордъ».—«Зимой-та рубимъ язки всей диревней».

Ѳ. Покровскій.

ОПЕЧАТКИ

въ статьѣ Ѳ. Покровскаго «О народныхъ говорахъ сѣверо-западной части Костромской губерніи».

(Живая Старина 1897., вып. III и IV).

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
446	2 сн.	поличнаго	но личнаго
447	25 св.	пасàженъ)	насàженъ)
—	26 св.	вм. не дошòдчи	вм. не дошèдчи
—	27 св.	дошòдъ	дошèдъ
—	—	ништòта	ни*шшо*тà
—	28 св.	машòтъ	мàш*о*тъ
—	17 сн.	послѣ обѣда	*пе*слѣ обѣда
—	8 сн.	сплётни	сплётки
448	1 св.	отвёргнуть вм. отвергнуть	отвёрнỳть вм. отвернуть
—	21 св.	сѣнè вм. сѣня	сѣмё вм. сѣмя
—	1 сн.	по западъ	на западъ
449	23 сн.	Третій:	Третій,
—	18 сн.	Чудовская	Чудцовская
450	24 св.	бо*ж*яръ	ба*ж*яръ
451	16 св.	кратное	краткое
452	16 сн.	*не* вм. *не*	*ни* вм. *не*
—	8 сн.	(изба)	(губа)
453	18 св.	*е*лтарь	*ё*лтарь
—	27 св.	(окающ.	(акающ.
—	18 сн.	(окающія	(акающія
—	7 сн.	(когда г—д)	(когда г—g)
454	8 св.	въ g	въ д
—	18 св.	тепленьк*ю*	тепленьк*юю*
—	18 сн.	*ф*аартльной	*ф*артальной
—	11 сн.	*сть*	*ств*
455	11 св.	партіяхъ	нарѣчіяхъ
—	12 сн.	*съ*	*сч*
—	10 сн.	*съ*	*сч*
—	—	*шъ*	*шч*
—	8 сн.	*шъ*	*шч*
456	26 сн.	*ба*ỳшка	бà*у*шка
457	1 сн.	мелкихъ	мягкихъ
458	15 и 14 сн.	гàлоньё	гàлочьё
—	3 сн.	Далее	Даже
459	5 сн.	*и*	*н*
460	1 св.	не видалъ-же	не видалъ-ли
464	21 св.	изябъ	озябъ
—	24 сн.	Поёдёшь	Поѣдёшь
—	10 сн.	съѣй	съѣу
466	7 сн.	падель	падаль
467	18 св.	пакамѣче	покамѣче
—	20 сн.	поймỳ)	помỳ)
—	6 сн.	«Толь	«Шаль
—	3 сн.	кажинай	кажинной
469	22 сн.	Чарѐвнинъ	Чарѐвникъ.

Сказаніе объ Элѐнди и его сыновьяхъ

(переводъ съ чукотскаго).

Среди чукотскихъ сказокъ и преданій видное мѣсто занимаютъ сказанія изъ временъ борьбы чукотскаго племени съ таньгами. Подъ общимъ именемъ та̀ньгытанъ чукотская этнографія подразумѣваетъ не только близко родственныя племена коряковъ и чуванцевъ, но также и русскихъ, впервые выступившихъ на границахъ чукотской территоріи въ союзѣ съ братьями и въ то же время исконными врагами чукотскаго племени, таньгами. Эти сказанія въ противуположность собственно сказкамъ выгодно отличаются отсутствіемъ фантастическаго элемента, и нѣкоторыя изъ нихъ живо обрисовываютъ обстановку чукотской жизни и даже умственныя и нравственныя понятія чукотскаго племени. Въ общемъ ряду сказаній чукотскаго народа эти разсказы составляютъ третье наслоеніе. Самое раннее наслоеніе представлено разсказами миѳологическаго и космогоническаго содержанія, которые сами чукчи опредѣляютъ общимъ именемъ тоттумва̀ткин или тоттумватта̀йнэкін т. е. первозданный (первозданно-временный).

Второе наслоеніе составляютъ разсказы о шаманахъ и о духахъ, съ которыми тѣсно переплетены преданія о борьбѣ съ какимъ то племенемъ, пришедшимъ изъ за моря, повидимому имѣвшимъ эскимосское происхожденіе,—впрочемъ значительно потускнѣвшія въ народной памяти и пронизанныя насквозь миѳическими элементами, что указываетъ конечно на древность ихъ (происхожденія).

Что же касается разсказовъ о борьбѣ съ таньгами, которые чукчи отличаютъ отъ другихъ подъ именемъ акалелѐткин т. е. злоубійственный, происхожденіе ихъ относится къ болѣе недавнему времени. Нѣкоторыя изъ нихъ, напр., относятся къ борьбѣ съ русскими, т. е. къ событіямъ, имѣвшимъ мѣсто менѣе полутораста лѣтъ назадъ. Даже въ тѣхъ разсказахъ, гдѣ врагами чукочъ являются настоящіе таньги, видны многіе слѣды позднѣйшаго происхожденія. Вмѣсто древняго оружія изъ кости или китоваго уса, въ нихъ всегда является желѣзо, желѣзные ножи, копья, котлы. Даже табакъ, вмѣстѣ съ желѣзными издѣліями составляющій до сихъ поръ нервъ чукотско-русской торговли, нерѣдко занимаетъ видное мѣсто. Вообще воспоминанія о временахъ борьбы съ Таньгами еще свѣжи въ народной памяти. Многіе изъ теперь живущихъ нымнымовъ ведутъ свой родъ отъ Айнга̀урhіна, Lавтыlehàlына и другихъ витязей, высчитывая число поколѣній, смѣнившихся съ того времени (отъ 9 до 1?) и даже опредѣляя происхожденіе по женской или по мужской линіи.

Что касается Айвановъ, эскимосскаго племени, живущаго по ту сторону Чукотскаго Носа, тамъ гдѣ океанъ возвращается вспять, т. е. по берегамъ Берингова моря (впрочемъ чукчи также называютъ а̀йванами нѣкоторыя племена американскаго материка), то и въ настоящее время между ними и чукчами существуетъ племенная вражда, неоднократно разрѣшающаяся одиночными кровавыми столкновеніями, вродѣ двухъ единоборствъ, описанныхъ въ нижеслѣдующей повѣсти. Въ полной силѣ существуетъ также чукотско-айванская обмѣнная торговля, на которую имѣются намеки въ повѣсти.

Повѣсть объ Элѐнди разсказана мнѣ чукчей Айваномъ, по руски Иваномъ, зимою 1896 г. на урочищѣ Аконàйке (безштанная земля: такъ называется мѣстность, находящаяся къ востоку отъ Колымы внутри лѣсной границы. Названіе свое она по-

лучила отъ непроходимаго кустарника, безпощадно обдирающаго въ лѣтнее время мѣховые шаровары чукотскихъ пастуховъ). Она была записана мною по мѣрѣ разсказа, въ видѣ возможно болѣе точнаго перевода на русскій языкъ. Можетъ быть не безынтересно будетъ замѣтить, что этотъ Айванъ, одинъ изъ лучшихъ сказочниковъ въ области приколымскихъ чукочъ, рожденъ отъ русской матери, которая впрочемъ была отдана на тундру маленькой дѣвочкой и выросла среди чукочъ, обратилась въ настоящую чукчонку. Происхожденіе отъ русской матери, конечно, не придало Айвану—Ивану ни одной черты, способной отличить его отъ его сосѣдей. Какъ и всѣ прочія дѣти русскихъ женщинъ, вступившихъ въ супружество съ чукчами, онъ по русски не знаетъ ни слова, пасетъ свое стадо такъ же рачительно, какъ и другіе молодые пастухи, приноситъ жертвы чукотскимъ богамъ (дьяволя́мъ по русскому опредѣленію), лѣтомъ голодаетъ, питается падалью, гнилью и т. д.

I.

Что скажу, съ чего начну? Были пять братьевъ, младшему имя Элѐнди. Всѣ братья были сильные, но Элѐнди былъ сильнѣе всѣхъ. Былъ Элѐнди крѣпокъ, и ловокъ, и быстръ. Владѣть копьемъ, стрѣлять изъ лука, состязаться въ пѣшемъ бѣгѣ, или въ ристаніи на оленяхъ, былъ Элѐнди весьма искусенъ. Были изначала богаты оленями. Стада ихъ, какъ валежникъ. У пяти братьевъ двѣ сестры. Пошли зачерпнуть воды пестро-раскрашеннымъ желѣзнымъ сосудомъ. Ихъ серьги звенятъ на ходу. Металлическіе браслеты отъ кисти до локтя. Не зачерпнувъ воды, стоятъ надъ обрывомъ, звенятъ серьгами и браслетами у воды, между собой пересмѣиваются. Толстыя косы висятъ по сторонамъ. Въ это время два коряцкихъ [1]) молодца подкрадываются по надъ берегомъ рѣки. Выскочили, схватили ихъ, каждый схватилъ по одной.—«Пойдемъ съ нами»! говорятъ. Тѣ отказываются. Взмахнули копьями надъ головой. Чтоже? Испугались и пошли. Говоритъ корякъ:—«Вотъ пойдемъ по этой дорогѣ! Вы идите впереди! Убѣгать не пытайтесь»! Дѣвушки не въ силахъ идти пѣшкомъ, ибо весьма богаты, изстари привыкли ѣздить на оленяхъ [2]). Наконецъ достигли ночлега, сѣли на землю, улеглись спать, и коряки возлѣ нихъ. Старшая и младшая сестра, уставъ отъ ходьбы, не могутъ спать. Ноги ломятъ, духъ стремится домой. Крѣпко заснули коряцкіе парни. Дѣвушки отъ желанія къ дому не спятъ. Впереди по дорогѣ виднѣется снѣжная заростель [3]). Говоритъ старшая сестра младшей.—«Они спятъ, убѣжимъ хоть къ этому снѣгу и зароемся тамъ. Пусть они уйдутъ безъ насъ. Не то убьютъ насъ—мы ходить не въ силахъ!»—У соннаго старшая сестра вытащила ножъ изъ за пояса. Обѣ ушли къ заростели. Подошли, ударили ножомъ, пробили отверстія, разгребли внутри снѣгъ до черной земли, сдѣлали словно жилище. Старшая младшую протолкнула внутрь въ отверстіе, потомъ тщательно загребла и закрыла, какъ будто старый нетронутый (снѣгъ). Покончивъ, говоритъ:—«Я уйду, тебя покину! По крайней мѣрѣ ты хоть воротись домой. Тоску Элѐнди утѣшь!» Предъ уходомъ старшая говоритъ младшей:—«Пока мы будемъ здѣсь, ты ожидай, скучая! Когда уйдемъ и солнце подымется высоко, выйди наружу, иди домой! Одинъ изъ коряковъ сильно меня желаетъ, пусть уведетъ меня! Ты одна хоть воротись домой! (Скажи Элѐнди!): «Меня любящій за мною придетъ»!... Вернулась назадъ, положила ножъ на прежнее мѣсто, легла рядомъ съ парнями.

---

[1]) Та̀ньнгын аа̀чэк. Я предпочелъ перевести коряцкихъ, а не чуванскихъ, хотя приколымскіе чукотскіе сказочники, не видѣвшіе никогда коряковъ, при разспросахъ обыкновенно называютъ таньнговъ чуванцами, нерѣдко прямо по русски. Но немногочисленный чуванскій народецъ, сколько можно судить, не игралъ особенно видной роли въ борьбѣ, между тѣмъ какъ столкновенія между чукчами и коряками на границахъ территоріи не прекращались почти никогда до сравнительно недавняго времени.

[2]) Люди, имѣющіе много оленей, дѣйствительно мало ходятъ пѣшкомъ.

[3]) Залежь стараго снѣга.

Зачѣмъ стану тебя такъ держать? Пойди, посмотри! Она нарѣзала пять сушеныхъ боковъ [1]) и взяла съ собою.

— «Это зачѣмъ?» говоритъ мужъ: «Нѣтъ! Пойду по землѣ, быть можетъ, горло захочетъ!» Ушла женщина изъ дома, встала на берегу озера и заплакала — «Гдѣ же они?» говоритъ: «Гоо-ɔк! Гоо-ɔк!» изъ-за озера. Тамъ, за озеромъ, въ ложбинѣ! Пришла туда. Схватилъ ее Элѐнди, обнимаетъ ее, цѣлуетъ, носитъ на рукахъ, какъ ребенка. Другіе братья несколько, ибо они злонравны. Съѣли принесенное. Говоритъ младшій братъ: «При стадѣ сколько (пастуховъ)?» — Четыре! Но вы зачѣмъ пришли? Вѣдь васъ убьютъ!» — Пусть! пусть! Развѣ мы для жизни пришли? Пришли для смерти!» — «Весьма сильный взялъ меня въ жены!» — «Все равно!» Говоритъ сестрѣ Элѐнди: «Теперь вернись домой, но ѣды дома не ѣшь, не ѣвши, ложись спать! Будетъ мужъ приглашать тебя, не слушайся. На утро пробудишься, станутъ тебя приглашать къ ѣдѣ, ты не повинуйся имъ!» Такъ наказываетъ Элѐнди сестрѣ.—Когда же въ третій разъ станутъ ѣсть, и станетъ мужъ приставать къ тебѣ, ударь его по лицу рукой, скажи: «Надоѣдливый ты! Почему пристаешь съ ѣдой!» Ударь его рукою по лицу, скажи: «Зачѣмъ ты надоѣдаешь мнѣ? Когда я жила у братьевъ, они меня кормили морскимъ мясомъ, тюленьимъ жиромъ. Вѣчной своей олениной зачѣмъ мнѣ надоѣдаешь?...» [2]).

Такъ сказала, ударила мужа по лицу. Вскочилъ Ɔрмэчэнъ.— «Хорошо! говоритъ— достану тебѣ иной ѣды!» Вскочилъ на ноги коряцкій Ɔрмэчэнъ.— «Сейчасъ, говоритъ, отправлюсь!» Привелъ сосѣдей [3]). Приходятъ сосѣдніе люди, собираются вмѣстѣ. Когда собрались, говоритъ: пойдемъ!» — Куда? — На море: — Ɔ h ɔ й! А оленьи пастухи?» — Пусть ихъ! — Зачѣмъ же на море? — Метать сѣти! [4]) Ушелъ весь народъ. Когда ушли они, она запасную обувь вскинула на плечи, пошла къ братьямъ. Говорятъ между собой: «Теперь пойдемъ къ стаду!» Въ пятеромъ отправились къ стаду, женщина шестая. Говоритъ Элѐнди братьямъ. «Вы идите впередъ, я навѣщу стадо, васъ скоро догоню!» Настала ночь. Навѣстилъ стадо; всѣхъ пастуховъ, людишекъ, перебилъ. Угналъ оленей, только стукъ несется отъ роговъ. Движется стадо, онъ гонитъ его со всѣхъ сторонъ одновременно, огромное стадо бѣжитъ впередъ, какъ небольшая кучка [5]). Скоро догналъ братьевъ. У бывшихъ при оленяхъ людей унесъ котелъ. На каждомъ ночлегѣ

---

[1]) hеṭɔ̀lhин на мѣстномъ русскомъ нарѣчіи бокъ или пɔ́лстень. Задняя часть мяса, снятая безъ кости, обыкновенно покрытая толстымъ слоемъ жира.

[2]) Это характерное мѣсто въ одно и то же время выпукло изображаетъ нѣкоторую первобытную равномѣрность половъ въ чукотской семьѣ, уживающуюся рядомъ съ тиранной сильнаго надъ слабымъ, т. е. мужчины надъ женщиной, а также оттѣняетъ противуположность между оленными коряками, исконными оленеводами и полуприморскимъ бытомъ чукотскаго племени, размножившаго свои оленьи стада сравнительно въ недавнее время.

[3]) Нымтӯмhын товарищъ на жительствѣ, сосѣдъ. Бѣдные члены племени обыкновенно ставятъ свои шатры рядомъ съ шатромъ богатаго соплеменника, отъ промысла или стада котораго они отчасти питаются, вступая за то къ нему въ извѣстнаго рода вассальныя отношенія. Такія вассальныя отношенія, иногда переходящія отъ поколѣнія къ поколѣнію, всетаки не пріобрѣтаютъ никакой прочности и разрушаются сплошь и рядомъ по первому подвернувшемуся поводу. У оленныхъ чукочъ, при сильномъ развитіи индивидуализма и размноженіи стадъ, они почти совсѣмъ исчезли.

[4]) Чукчи и русскіе промышляютъ тюленей бо̀льшей частью сѣтями, заметывая ихъ подо льдомъ въ проруби, пробитыя самими же тюленями для дыханія.

[5]) Чукотское стадо чрезвычайно непослушно и всегда стремится разбрестись въ разныя стороны. Разумѣется, чѣмъ оно меньше, тѣмъ легче съ нимъ справляться для пастуха и погонщика и тѣмъ быстрѣе оно подвигается впередъ при переход[illegible] ста на мѣсто. Поэтому высшая похвала погонщику сказать, что онъ го[illegible] одно время со всѣхъ сторонъ, и что многочисленное стадо бѣжитъ [illegible] также быстро, какъ небольшая кучка.

бы былъ мужчина, пожалуй! Женщину ранить постыдно!» Говоритъ Элѐнди товарищамъ: «Ну, собирайтесь, пойдемъ! Погонимъ по ихъ слѣду!» Другіе отвѣчаютъ:—«Стало поздно! Переждемъ ночь!»—Нѣтъ, нѣтъ, пойдемъ! Я не могу спать! Худо! Какъ только увидѣлъ рану сестры, спать я не могу! Я вѣдь мужчина! Пусть же я пойду на бой! Тѣ ночуютъ, не хотятъ идти. Не спитъ Элѐнди, ходитъ взадъ и впередъ по окрестностямъ. До разсвѣта разбудивъ товарищей, говоритъ: «Пойдемъ, пойдемъ! Вы причина замедленія! Если еще будете спать, я уйду одинъ! Говорю вамъ:—зову васъ на битву съ чужимъ народомъ! Пришелъ въ мое сердце великій гнѣвъ! При вашей помощи буду силенъ!» Наконецъ отправились, взявъ съ собой запасъ.

Пять разъ ночевали по дорогѣ, достигли. Шли, гоня дорогу сестеръ. По прежнему не спитъ младшій братъ. На пятомъ ночлегѣ не смыкаетъ очей. Было по первой заморози [1]). Достигли. Огромная скала. Обошли кругомъ. Со всѣхъ сторонъ ручьи сбѣгаютъ круто внизъ. По руслу одного взобрались на вершину для развѣдокъ. Перевалили на другую сторону, посмотрѣли. Большое стадо ходитъ взадъ и впередъ, собираясь въ груду изъ боязни овода [2]); олени коряцкіе [3]). Посмотрѣли снова. Немного подальше много жилищъ, селеніе. Передній бычачеогромный [4]) шатеръ, громадное жилище, стоитъ впереди всѣхъ. Говоритъ Элѐнди.—О! наша сестра въ томъ переднемъ жилищѣ!—Эwѣ! Должно быть такъ!» Говорятъ старшіе братья: «Какъ же будемъ?»—«Спустимся внизъ и пойдемъ возлѣ подошвы! Подойдемъ поближе!» А и такъ близко. Голоса хорошо слышатся.—«У подошвы пониже есть большое озеро. Туда пойдемъ. Жилища за озеромъ; черезъ озеро хорошо разсмотримъ!» Пошли, достигли. Элѐнди говоритъ:—«Попробуемъ позвать сестру!» Настала ночь. Элѐнди говоритъ: «Запасы наши издержаны. Но теперь поздно. Дождемся зари, не ѣвши. Утромъ позовемъ сестру! Ибо придетъ! Пойметъ зовъ и придетъ къ намъ».

Когда пришла заря, сестра откинула дверь въ переднемъ домѣ [5]). Элѐнди прокликалъ: «Йоо-окъ! Йоо-окъ!», какъ гагара. Услышала, тайно заплакала. Ея мужъ изъ передняго жилища, ѐрмэчэн [6]). Говоритъ коряцкій ѐрмэчэн: «Что тамъ за птицы кричатъ? Откуда зовутъ?» Жена отвѣчаетъ: «Нѣтъ! Съ моей родной земли птички тамъ кричатъ, кличутъ съ озера!» Потомъ говоритъ мужу:—«Пойду, посмотрю я! Узнаю, что это за птицы?—«Тебѣ что нужно? Зачѣмъ?»—«Отчего же такъ близко меня не пускаешь? Съ чужимъ народомъ жить и безъ того соскучилась. Развѣ не могу выйти скуку развѣять? держишь меня все время въ пологу [7])!»—«Правда! говоритъ мужъ.—

---

[1]) Чукотская осень дѣлится на три части: нгэрhэрэк, туралэтэк и собственно hыthак, которымъ соотвѣтствуютъ на мѣстномъ русскомъ нарѣчіи выраженія: по заморози, по первой порошѣ и собственно осенью. По заморози—начало Сентября.

[2]) Олений оводъ является истиннымъ бичемъ чукотскихъ стадъ. Появленіе даже небольшаго количества оленьихъ оводовъ приводитъ оленей въ нервное состояніе, разрѣшающееся безпокойнымъ перебѣганіемъ съ мѣста на мѣсто, или прямо бѣгствомъ навстрѣчу дуновенію вѣтра, отгоняющему насѣкомыхъ.

[3]) Коряцкіе олени меньше и чернѣе чукотскихъ.

[4]) Бычачеогромный. Эпитетъ созданъ по сравненію съ оленьемъ стадомъ, въ которомъ самое видное мѣсто занимаетъ старый быкъ, возвышающійся надъ мелкими важенками и молодыми бычками своей огромной головой, украшенной широкими развѣсистыми рогами. Шатеръ наиболѣе вліятельнаго человѣка на стойбищѣ всегда стоитъ впереди всѣхъ и владѣлецъ его зовется атторалын «переднедомный».

[5]) Чукотскій шатеръ почти всегда называется просто домъ, жилище.

[6]) Эрмэчэн собственно сильнѣйшій. Также воинъ, витязь; далѣе начальникъ, властитель Также въ порицательномъ значеніи насильникъ, обидчикъ и даже грабитель. Всѣ эти понятія тѣсно переплетаются другъ съ другомъ, какъ это будетъ видно въ другихъ мѣстахъ сказанія.

[7]) Йорѐнгы на мѣстномъ русскомъ нарѣчіи пологъ. Внутренній мѣховой шатеръ для ѣды и сна въ видѣ глухого четыреугольнаго ящика.

Зачѣмъ стану тебя такъ держать? Пойди, посмотри! Она нарѣзала пять сушеныхъ боковъ [1]) и взяла съ собою.

— «Это зачѣмъ?» говоритъ мужъ: «Нѣтъ! Пойду по землѣ, быть можетъ, горло захочетъ!» Ушла женщина изъ дома, встала на берегу озера и заплакала.—«Гдѣ же они?» говоритъ: «Гоо-ӧк! Гоо-ӧк!» изъ-за озера. Тамъ, за озеромъ, въ ложбинѣ! Пришла туда. Схватилъ ее Элѐнди, обнимаетъ ее, цѣлуетъ, носитъ на рукахъ, какъ ребенка. Другіе братья нисколько, ибо они злонравны. Съѣли принесенное. Говоритъ младшій братъ: «При стадѣ сколько (пастуховъ)?» — Четыре! Но вы зачѣмъ пришли? Вѣдь васъ убьютъ!»—Пусть! пусть! Развѣ мы для жизни пришли? Пришли для смерти!» —«Весьма сильный взялъ меня въ жены!» — «Все равно!» Говоритъ сестрѣ Элѐнди: «Теперь вернись домой, но ѣды дома не ѣшь, не ѣвши, ложись спать! Будетъ мужъ приглашать тебя, не слушайся. На утро пробудишься, станутъ тебя приглашать къ ѣдѣ, ты не повинуйся имъ!» Такъ наказываетъ Элѐнди сестрѣ.—Когда же въ третій разъ станутъ ѣсть, и станетъ мужъ приставать къ тебѣ, ударь его по лицу рукой, скажи: «Надоѣдливый ты! Почему пристаешь съ ѣдой!» Ударь его рукою по лицу, скажи: «Зачѣмъ ты надоѣдаешь мнѣ? Когда я жила у братьевъ, они меня кормили морскимъ мясомъ, тюленьимъ жиромъ. Вѣчной своей олениной зачѣмъ мнѣ надоѣдаешь?...» [2]).

Такъ сказала, ударила мужа по лицу. Вскочилъ ӭрмэчэнъ.— «Хорошо! говоритъ— достану тебѣ иной ѣды!» Вскочилъ на ноги коряцкій ӭрмэчэнъ.— «Сейчасъ, говоритъ, отправлюсь!» Привелъ сосѣдей [3]). Приходятъ сосѣдніе люди, собираются вмѣстѣ. Когда собрались, говоритъ: пойдемъ!»—Куда?—На море:— Э h ӭ й! А оленьи пастухи?»—Пусть ихъ!—Зачѣмъ же на море? — Метать сѣти!» [4]) Ушелъ весь народъ. Когда ушли они, она запасную обувь вскинула на плечи, пошла къ братьямъ. Говорятъ между собой: «Теперь пойдемъ къ стаду!» Въ пятеромъ отправились къ стаду, женщина шестая. Говоритъ Элѐнди братьямъ. «Вы идите впередъ, я навѣщу стадо, васъ скоро догоню!» Настала ночь. Навѣстилъ стадо; всѣхъ пастуховъ, людишекъ, перебилъ. Угналъ оленей, только стукъ несется отъ роговъ. Движется стадо, онъ гонитъ его со всѣхъ сторонъ одновременно, огромное стадо бѣжитъ впередъ, какъ небольшая кучка [5]). Скоро догналъ братьевъ. У бывшихъ при оленяхъ людей унесъ котелъ. На каждомъ ночлегѣ

---

[1]) hęтӧlhин на мѣстномъ русскомъ нарѣчіи бокъ или пӧлстень. Задняя часть мяса, снятая безъ кости, обыкновенно покрытая толстымъ слоемъ жира.

[2]) Это характерное мѣсто въ одно и то же время выпукло изображаетъ нѣкоторую первобытную равномѣрность половъ въ чукотской семьѣ, уживающуюся рядомъ съ тиранной сильнаго надъ слабымъ, т. е. мужчины надъ женщиной, а также оттѣняетъ противуположность между оленными коряками, исконными оленеводами и полуприморскимъ бытомъ чукотскаго племени, размножившаго свои оленьи стада сравнительно въ недавнее время.

[3]) Нымтӱмhын товарищъ на жительствѣ, сосѣдъ. Бѣдные члены племени обыкновенно ставятъ свои шатры рядомъ съ шатромъ богатаго соплеменника, отъ промысла или стада котораго они отчасти питаются, вступая за то къ нему въ извѣстнаго рода вассальныя отношенія. Такія вассальныя отношенія, иногда переходящія отъ поколѣнія къ поколѣнію, всетаки не пріобрѣтаютъ никакой прочности и разрушаются сплошь и рядомъ по первому подвернувшемуся поводу. У оленныхъ чукочъ, при сильномъ развитіи индивидуализма и размноженіи стадъ, они почти совсѣмъ исчезли.

[4]) Чукчи и русскіе промышляютъ тюленей бо̀льшей частью сѣтями, заметывая ихъ подо льдомъ въ проруби, пробитыя самими же тюленями для дыханія.

[5]) Чукотское стадо чрезвычайно непослушно и всегда стремится разбрестись въ разныя стороны. Разумѣется, чѣмъ оно меньше, тѣмъ легче съ нимъ справляться для пастуха и погонщика и тѣмъ быстрѣе оно подвигается впередъ при переходахъ съ мѣста на мѣсто. Поэтому высшая похвала погонщику сказать, что онъ гонитъ стадо въ одно время со всѣхъ сторонъ, и что многочисленное стадо бѣжитъ предъ нимъ впередъ также быстро, какъ небольшая кучка.

убиваютъ быка, всего варятъ и съѣдаютъ, также и кровь (съѣдаютъ), только моняло [1]) выбрасываютъ вонъ. Черезъ десять дней пришли домой, гоня съ собой стадо. Пригналъ Элѐнди чужое стадо, привезъ и сестру домой, пребываетъ при оленяхъ, бѣгаетъ вокругъ стада такъ быстро, словно летаетъ, машетъ копьемъ, упражняется въ боевомъ искусствѣ.

Коряки ночевали на морѣ 20 ночей, убили только рыбу [2]), тюленей не добыли, стали возвращаться, ночевали на пути 20 ночей, пришли домой, тамъ страшный голодъ. Оставшіеся въ жилищахъ сушатъ обрывки шкуръ и ѣдятъ ихъ, совершенно изсохли отъ истощенія. Пришелъ эрмэчэн въ свое жилище; дверь закрыта. Посмотрѣлъ внутри, никого нѣтъ. Пошелъ къ сосѣдямъ. «Гдѣ же женщина?»—Не знаемъ! Она исчезла еще при вашемъ уходѣ. Должно быть ушла къ оленямъ!» — «А гдѣ олени?» —«Не знаемъ! вѣстей нѣтъ! Ушли далеко! Мы совсѣмъ изсохли!»— Ну что-жъ? Поѣшьте! Мы отдохнемъ!» Два дня спали, отдыхали. На третье утро пошли къ стаду. Эрмэчэн ждетъ дома. Увидѣли убитыхъ людей (лежащихъ), словно оленьи трупы. Вернулись домой посланные. Говорятъ эрмэчэну: «Стада нѣтъ! Только людей нашли! Всѣ они перебиты!» Тогда только понялъ, что за птички кликали съ озера.—«Скорѣе погонимъ по слѣду!» Ушли всѣ мужчины. Когда были въ пути, окончилась течка дикихъ оленей, приведя вслѣдъ за собой обычную вьюгу [3]). Поднялся большой вѣтеръ и мятель, ничего не видно впереди. Остановились, издержали запасы. Непогода не прекращается. Иззябли и высохли, совершенно изнемогли, потомъ умерли. Оставшіеся въ домахъ тоже изсохли.

Прогналъ Элѐнди другихъ братьевъ, живетъ одинъ и сестры съ нимъ. Откочевалъ въ другую сторону, ибо братья ходили его убить. Бѣжалъ, спасаясь. Былъ по прежнему холостъ. Взялъ двѣ жены, сестеръ отдалъ въ замѣну [4]). Жены родили ему по одному сыну. Выросли сыновья, стали ходить у стада. Откочевалъ на лѣтовье къ морскому берегу [5]). Весьма богатъ сталъ Элѐнди, стадо его размножилось и разжирѣло; сдѣлался эрмэчэномъ, пересталъ бѣгать [6]).

II.

Въ концѣ весны покочевалъ на лѣтнее стойбище. Говоритъ Элѐнди первой женѣ: —«Не станемъ дневать, станемъ торопясь, кочевать; только на ночлегѣ останавливаясь,

---

[1]) Pilkàpil — на мѣстномъ русскомъ нарѣчіи моняло. Полупереваренное содержаніе большаго желудка, употребляемое въ пищу чукчами и тунгусами, хотя и не особенно охотно, вопреки разсказамъ путешественниковъ о пристрастіи чукочъ къ такого рода растительной пищѣ.

[2]) Всевозможные виды промысла (рыбный, пушной, тюленій) опредѣляются словомъ убить: hànmelen.

[3]) По чукотскому повѣрью, до окончанія течки дикихъ оленей (въ Октябрѣ) является сильная вьюга, по миновании которой оленьи самцы совершенно теряютъ влеченіе къ самкамъ.

[4]) Мѣна женщинами — одинъ изъ обычныхъ видовъ чукотскаго брака. Иногда семья, принимающая къ себѣ чужую дѣвушку, не имѣя ни одной свободной женщины, остается въ долгу и исполняетъ обязательство много лѣтъ спустя.

[5]) Эрмэчэну, отъ стада котораго кормятся бѣдные сосѣди, конечно, мало приходится самому бѣгать и суетиться у стада.

[6]) Большая часть чукочъ, оберегая свои стада отъ насѣкомыхъ, уходитъ на лѣтовье къ берегу океана и напротивъ, съ наступленіемъ суровыхъ зимнихъ холодовъ возвращается къ лѣсной границѣ.

станемъ свершать путь, чтобы рѣки не вскрылись и не задержали насъ!» [1]) Идутъ къ морю, торопятся. Пришли на лѣтовье къ морскому берегу. Остановились на недвижномъ жилищѣ [2]). При первой дневкѣ говоритъ Элѐнди женѣ:—«Хочу изъ-за моря привезти себѣ въ рабы Айвана [3]) эрмэчэна. Запрягайте оленей, двѣ мѣховыя рубахи набейте мхомъ! Тороплюсь ѣхать!» Первая жена говоритъ:—«О не привезешь, ибо онъ весьма силенъ. Всѣхъ сосѣдей наполняетъ ѣдой, его жилища наполнены пищей, одинъ прокармливаетъ всѣхъ нымтумқыновъ [4]). Ни за что! Онъ слишкомъ могучъ! Не привезешь!» —«Отлично привезу!»—«Вѣрно хочешь тамъ кости оставить!»—«Нѣтъ, нѣтъ! Я вернусь назадъ! Скорѣе набейте мхомъ одежду, запрягайте оленей! Я ѣду!» Увезъ съ собой двѣ запряжки, взялъ н а р т у съ рѣшетчатой грядкой [5]) положилъ туда одежду, набитую мхомъ и дорожный запасъ. Уѣхалъ вмѣстѣ со второй женой. Когда уѣхали, лѣтняя вода еще не пришла на море. Вышли на открытое море, средина моря изломана. Вода свободна отъ льда. Остановились на закраинѣ. Вынули одежды съ мхомъ, вытрясли мохъ изъ одной на ледъ, поставили оленей, сами закусили, легли спать. Олени поѣли мху, немного осталось. Спустя немного времени, доѣли остатокъ, пріобрѣли прежнюю силу. Чуть-чуть поспали, пробудились. Очертилъ Элѐнди кругъ на льду своими узкими полозьями, разогналъ оленей; какъ птицы перенеслись черезъ открытое море, очутились на льду съ другой стороны. Покинули тутъ вторую одежду со мхомъ, помчались впередъ. Солнце восходило, когда отправились въ путь. Мчатся олени, не ослабляя быстроты, какъ на быстромъ бѣгу. Стало спускаться солнце, показалась земля за моремъ. Какъ разъ съ заходомъ солнца достигли земли, вышли на берегъ. Большое селеніе. Дошли до задняго жилища [6]), отпустили оленей, ибо тамъ мху очень много. Всѣ жилища очень малы, но переднее жилище огромно; жилище Айвана Эрмэчэна; наружный шатеръ изъ моржовой кожи. Въ заднее жилище [7]) вошли. У хозяевъ нѣтъ ни кусочка мяса.—«Чѣмъ же васъ кормить станемъ? У насъ ѣды нѣтъ. Пройдите лучше къ Айвану Эрмэчэну!»—«Нѣтъ, тутъ соснемъ и отдохнемъ! Принеси запасъ изъ саней! говоритъ Элѐнди женѣ.— Тутъ будемъ спать! По пробужденіи навѣстимъ Эрмэчэна!» Принесла изъ саней два оленьихъ б о к а [8]). Поѣвши заснули. Проснувшись, говоритъ Элѐнди хозяевамъ: «Ну, пойдемъ, пойдемъ!» Мимо кого проходятъ, всѣ присоединяются сзади. Стали, какъ кочевой поѣздъ. Элѐнди идетъ впереди. Женщина ведетъ (свиту). Вошли въ шатеръ. Сидитъ Эрмэчэнъ, поджавъ ноги, щупаетъ бабъ. Огромный великанъ.—Ка-кà! гости-и-и!» [9])—«*Ы!*» [10]) «Ого! Торопитесь варить, бабы-ы-ы!» Сидитъ

---

[1]) Чукчи уходятъ на лѣтовье обыкновенно очень поздно и нерѣдко кочуютъ до послѣдней возможности по ч е р н о й з е м л ѣ и п о л о й в о д ѣ, стремясь достигнуть лѣтней стоянки.

[2]) Лѣтнее жилище н е д в и ж н о, потому что чукчи почти совершенно незнакомые съ верховой и вьючной ѣздой на оленяхъ, лѣтомъ лишены средствъ передвиженія.

[3]) См. выше предисловіе.

[4]) См. выше 3. Стр. 354.

[5]) Чукотская упряжка состоитъ изъ двухъ оленей. На одномъ оленѣ ѣздятъ только въ исключительныхъ случаяхъ. 3-хъ оленей никогда не запрягаютъ. Нарта съ рѣшетчатой грядкой—п а а р ȁ т заимствована чукчами у коряковъ и употребляется для храненія разныхъ мелкихъ предметовъ, напр., посуды. Возить кладь на такой нартѣ считается щеголеватостью и признакомъ благосостоянія.

[6]) При продолжительныхъ зимнихъ поѣздкахъ по ледянымъ полямъ океана или по мѣстности бѣдной моховищами, приходится возить съ собой запасъ мху, набитый въ широкую мѣховую одежду.

[7]) Жилище самаго бѣднаго или незначительнаго человѣка, работника, или раба ставится сзади всѣхъ другихъ.

[8]) Бокъ см. выше прим. 1. Стр. 354.

[9]) Ка-кà выражаетъ изумленіе. Голосъ Айвана изображается грубымъ, басистымъ и сильно растягивающимъ послѣдній слогъ. Вообще разговоры ведутся разными голосами съ явнымъ стремленіемъ придать разсказу болѣе драматическій характеръ:

[10]) *Ы*—междометіе утвержденія—*Да*.

нагой, тѣло толстое, кости широкія. Сидитъ Элѣнди, осматриваетъ хозяина вокругъ. На спинѣ ложбина, какъ сухой ручей, на груди, какъ рѣчное русло. Вездѣ мясо, цѣлыя горы. Думаетъ Элѣнди самъ съ собой: — «О! Увезу-ли я его? Или не увезу совсѣмъ?» Говоритъ въ утробѣ своей: — «О, что такое я затѣялъ?» Отвергаетъ, говоритъ: «не нужно!», потомъ снова говоритъ себѣ: «Нѣтъ, отчего же? Пожалуй, можно! Кто знаетъ?». Подали ѣду, сосѣди хотятъ взять по куску, онъ ихъ колотитъ по рукамъ: «Пусть гости сперва! Вы пото-о-омъ!» Вышколилъ ихъ. Горло хочетъ, но смотрятъ только глазами. Что имъ дѣлать? Грѣхъ предъ божествомъ [1]). Говоритъ гость сосѣдямъ: «Ну, ну, берите!» Просовываютъ руки подъ руки гостей и хватаютъ куски. Тѣхъ не бьетъ, кто же со стороны пытается схватить, того колотитъ по рукамъ. На особое корыто накрошилъ китоваго мяса, ѣстъ одинъ, другимъ не даетъ. Снова говоритъ гость: «Всѣ, всѣ ѣшьте!» Ударилъ гостя Айванъ: «Ты зачѣмъ распоряжаешься? Я эрмэчэнъ!» Гость схватилъ свой поясъ, лежавшій подлѣ, съ размаха хлестнулъ по нагому тѣлу. Опухло и покраснѣло. Вздулась полоса отъ удара. Жена Айвана, какъ держала пальцы во рту, такъ и застыла, вытаращивъ глаза. Въ первый разъ видѣла, чтобы его кто-либо ударилъ. Говоритъ Элѣнди женѣ:—«вари ѣду. Пріятели еще не насытились!» Айванъ сидитъ, понуривъ голову, жена Айвана стоитъ, закусивъ пальцы, а жена гостя непрерывно варитъ ѣду. Въ чужомъ домѣ распоряжается, какъ въ своемъ. Говоритъ Айванъ-Эрмэчэнъ самъ съ собой:—«Ужо, ужо! Немного погодимъ! Кто знаетъ, что можетъ выйти?» Потомъ говоритъ громко: «Это должно быть и есть чукотскій витязь (эрмэчэнъ), Элѣнди стадо-отниматель!»—«Нѣтъ! говоритъ Элѣнди.—Не я, а ты насильникъ (эрмэчэн)! [2]). Ты наказываешь своихъ сосѣдей. Ѣсть при тебѣ не смѣютъ. Куски изо рта вырываешь! Именно ты и есть отниматель! Я своихъ сосѣдей кормлю, самъ съѣмъ кусокъ, имъ отдамъ другой. Только ты и есть насильникъ!» Всѣ людишки наѣлись. Не переставая варить ѣду, крошитъ моржовый жиръ и китовое мясо. А въ жилищѣ Айвана запасовъ много. Вверху висятъ на ремняхъ всякія мяса. Тюленьи туши, полосы китовой кожи, моржовыя ребра, рыба. Пониже на одной сторонѣ шкуры лахтаковъ [3]), на другой — свитки ремней, на третьей—связки чемодановъ [4]). Всѣ сидятъ молча. Айванъ размышляетъ. Спустя немного спрашиваетъ гостя: «Что же ты? Развѣ безъ всякой цѣли сюда пріѣхалъ. Торгуй!»—«Двадцать лахтачныхъ шкуръ достань, двадцать свитковъ бѣлаго и чернаго ремня [5]), двадцать тюленьихъ чемодановъ, всего, что есть у тебя по двадцати!»—«Что же привезли на обмѣнъ?» — «Ничего».—«Даромъ не дамъ!» — «Самъ возьму! Еще скажу: вдобавокъ и тебя увезу къ себѣ!» — «Прежде убьешь развѣ!»—«Что же? пожалуй и убью тебя! Развѣ кто-нибудь жалѣть станетъ!» Айванъ Эрмэчэнъ надѣваетъ обувь, только сопитъ отъ гнѣва. Быстро, проворно вышелъ Айванъ наружу и гость вмѣстѣ съ нимъ. Всѣ сосѣди выскочили сзади. Теперь только впервые эти людишки наѣлись до-сыта. Въ первый разъ схватилъ Айванъ Элѣнди [6]). Тотъ выскольз-

---

[1]) Между чукчами считается великой обидой и неблагвоспитанностью не пригласить кого-нибудь изъ присутствующихъ къ участію въ трапезѣ. Во всемъ этомъ эпизодѣ, ярко высказывается непосредственное демократическое чувство, присущее первобытному сознанію чукотскаго племени, также выражаются этическія понятія, возникшія на почвѣ отношеній между эрмэчэномъ и его пымтумһын'ами.

[2]) Игра словъ, основанная на различныхъ значеніяхъ слова эрмэчэн. См. выше прим. 6 стр. 353.

[3]) [4]) ӱнэl по-русски лахтакъ (phoca barbata). Кожа его идетъ на подошвы, ремни, оленью и собачью сбрую. Тэнӱјһын на мѣстномъ русскомъ нарѣчіи чемоданъ. Шкура небольшого тюленя, снятая цѣликомъ и замѣняющая дорожный мѣшокъ.

[5]) Ремни кроятся изъ моржовой или лахтачной шкуры. Черный ремень (на мѣстномъ русскомъ нарѣчіи чернолысовый ремень)—лахтачный ремень, вычерненный пепломъ съ примѣсью тюленьяго жира.

[6]) По правиламъ чукотской борьбы, борцы по очереди бросаются другъ на друга, причемъ другой противникъ играетъ пассивную роль.

нулъ у него изъ рукъ, какъ рыба. Весьма скользокъ, схватить его нельзя! Вокругъ стоятъ сосѣди съ женами и смотрятъ на бой. Наконецъ схватилъ морской оленнаго и швырнулъ его на отмашь. Тотъ пролетѣлъ по воздуху и падая, сталъ на ноги. «Ычь!» [1]) погнался, бросился на него, пнулъ его ногой. Эленди подскочилъ кверху, увернулся отъ удара; Айванъ покатился, отлетѣлъ далеко, какъ мячъ. — «О, не могу я!» говоритъ —«Теперь ты! Попробуй схватить меня!» Всталъ Айванъ на мѣстѣ. Чукотскій витязь схватилъ его. Хочетъ его сдвинуть съ мѣста, тотъ неподвиженъ, какъ дерево. Наконецъ схватилъ его за руку, дернулъ полной силой, пошатнулся Айванъ. Еще разъ дернулъ, обкружилъ его вокругъ себя, поволокъ за собой, сталъ волочить вокругъ да вокругъ, закружилъ совсѣмъ, тогда пнулъ ногой, тотъ покатился въ сторону. Еще катющагося догналъ и снова пнулъ. Отлетѣлъ еще дальше, какъ мячъ. Снова догналъ и придавилъ къ землѣ. Бьется, барахтается Айванъ, силится высвободиться, не можетъ. Сильно придавилъ его. Усталъ, утомился Айванъ, пересталъ биться. Говоритъ Эленди сидящимъ на землѣ между смотрящими:—«Вонъ, вонъ, это дерево подайте!» — «Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Не давайте! Къ чему? Что хочетъ дѣлать? Встань, встань! Пусти, пусти!» — «Ну, ну, подайте! Отчего ты одинъ привыкъ повелѣвать?» Развѣ не подадутъ сосѣди, если всѣ обижены Айваномъ? Смотрятъ всѣ, закусивъ губу, радуются, говорятъ: «вотъ такъ диво!» Подали ему толстую дубину. Ударилъ его дубиной по рукѣ, разъ, другой, не можетъ изломать кости, такъ крѣпка. Тогда всего избилъ дубиной по мягкимъ мѣстамъ. Гдѣ только было мясо, все истолокъ. Окончивъ битье, говоритъ: «Р а й, р а й! [2]). Гдѣ его платье? Принесите!» Принесли одежду, онъ его обернулъ одеждой.—«Самый плотный ремень изъ хранящихся въ жилищѣ принесите». Принесли новый моржовый ремень, толстый и плотный. — «Теперь подайте вонъ ту жердь!» Принесли толстую жердь. Привязалъ Айвана къ жерди ремнемъ, обвязалъ всего. Концы жерди обрубилъ. Пока онъ еще вяжетъ, старшая жена Айвана выскочила изъ шатра, кинулась на него съ крикомъ. Ударилъ ее дубиной по головѣ, убилъ передъ глазами мужа: «Почему ты тайно отъ мужа не кормила сосѣдей? Почему украдкой не давала людишкамъ ѣду?» [3]) Окончивъ связываніе, говоритъ сосѣдямъ:—«Ну, у кого есть обида!...» Всѣ встали, стали подходить, каждый его пинаетъ ногой, ибо у всѣхъ гнѣвъ (даже у мыши есть гнѣвъ!). Тогда говоритъ Эленди.—«Га-га-га, помогайте снаряжаться. Вотъ, это жилище возьмите себѣ, все богатство—ваше! Но прежде заказанное принесите сюда!» Принесли по двадцати отъ ремней и отъ кожъ. Всѣ двадцать лахтаковъ взвалилъ на плечи, понесъ къ нартамъ, другіе люди понесли ремни. Пришли. Нарту съ рѣшетчатой грядкой нагрузили лахтаками. Сверху положили ремни. Потомъ положили въ полустоячемъ положеніи Айвана Эрмэчэна, привязаннаго къ дереву, увязали его ремнями. Кто только помогаетъ привязывать, такъ и хлещетъ его по лицу. Онъ молчитъ. Снарядились и отправились. Ночью прискакали на закраину льда, тутъ ночевали. Утромъ Эленди, разогнавъ оленей, перескочилъ черезъ открытое море. Поѣхали дальше. По дорогѣ кормятъ и поятъ его изъ собственныхъ рукъ. Онъ непрерывно вопитъ: «Жажду!» Иногда напоятъ водой изъ лужицы на льду, иногда и нѣтъ. Прискакали домой, вышли на берегъ, развязали Айвана. Ходитъ шатаясь, почти падаетъ. На утро говоритъ хозяинъ: «Ну теперь иди къ оленямъ!» Волей неволей пошелъ къ оленямъ. Бѣгаетъ стадо взадъ впередъ. Айванъ совершенно неподвиженъ, пребываетъ на одномъ и томъ же мѣстѣ. Въ комарное время пасется плохо стадо, сидитъ постоянно въ водѣ, совершенно изсохло [4]). При стадѣ мальчики, дѣти

---

[1]) Междометіе изумленія.

[2]) Тамъ, тамъ!

[3]) Если эрмэчэнъ скупъ и худо кормитъ своихъ работниковъ или сосѣдей, на жену его падаетъ, такъ сказать, нравственная обязанность тайно снабжать пищей полуголодныхъ пастуховъ и промышленниковъ. Большая часть хозяекъ неукоснительно соблюдаетъ этотъ долгъ.

[4]) Въ лѣтнее время требуется большая бдительность и усердіе при наблюденіи за стадомъ для того чтобы оно паслось, какъ слѣдуетъ, подъ вѣчнымъ преслѣдованіемъ легіона крылатыхъ враговъ. Предоставленное самому себѣ стадо, то забирается въ воду,

хозяина, ихъ непрерывно колотитъ. Говоритъ имъ. — «Принесите котелъ изъ дома, приносите котомки для лѣта, будемъ убивать на ѣду! Пошли мальчики домой за котломъ и котомками [1]). Говорятъ: «Мы унесемъ котелъ, будемъ убивать на ѣду!»—«Хорошо, говоритъ отецъ—вотъ обрывокъ рэттема [2])! Унесите и его!» Пришли къ стаду, сдѣлали изъ рэттэма шалашъ. Айванъ непрерывно спитъ въ шалашѣ, стадо не пасетъ, пастушковъ постоянно колотитъ. Пробудился, пришелъ къ оленямъ. — «Погонимъ стадо къ шалашу! Убьемъ оленей на ѣду-у-у!» Убили теленка и молодую важенку.— «Отнесите домашнимъ одну тушу! Тухлое мясо вѣрно имъ надоѣло-о-о!» Старшій унесъ телячью тушу. Отецъ сидитъ у входа въ шатеръ, мастеритъ что то.—«Ка ка! говоритъ—вы убивали оленей?.. Ну ка, скорѣе разбейте тушу! Поѣдимъ свѣжаго!»

Во время ѣды отецъ не можетъ ѣсть. Мясо теленка слишкомъ сухое. — Что за мясо? говоритъ.—Олени значитъ не жирѣютъ!» — Какъ же будутъ жирѣть? отвѣчаетъ сынишка. — Айванъ Эрмэченъ очень злонравенъ. Зачѣмъ только привезли такого? За стадомъ не смотритъ, насъ постоянно бьетъ, всегда спитъ въ шалашѣ. Отецъ говоритъ «Завтра вмѣстѣ пойду къ оленямъ!» Отрѣзалъ кусокъ ремня отъ недавнихъ связей Айвана; вмѣсто ручки привязалъ кусокъ палки, толстый кнутъ спряталъ за пазуху. Ушли въ стадо вмѣстѣ съ сыномъ. Такъ и держитъ руки за пазухой. Пришли, заглянули въ шалашъ. По прежнему спитъ Айванъ, совершенно нагой. Говоритъ сыну:— «Стой, стой! Потише!». Прокрался въ шалашъ безъ шума, схватилъ за руку, выволокъ на дворъ. Тотъ не бьется, не противится, повѣсилъ голову, словно мертвый. Сталъ его колотить нагого кнутомъ, онъ даже не крикнулъ ни разу.—«Зачѣмъ за оленями не смотришь ты? Зачѣмъ лѣнишься?» Пока колотилъ, пригнали стадо. Швырнулъ въ сторону, говоритъ сыну: «Пойдемъ въ стадо! Ходятъ по стаду— «hук! Слишкомъ сухи олени! что за диво [3]) этотъ Айванъ!» Айванъ всталъ, вошелъ въ шалашъ. Говоритъ Элѣнди дѣтямъ: «Если по прежнему будетъ Айванъ Эрмэчэнъ поступать, извѣстите меня!»Только скрылся хозяинъ, Айванъ вышелъ изъ шалаша, пошелъ къ стаду. Пуще прежняго колотитъ ребятъ, смотрѣть за стадомъ не хочетъ. Вновь говоритъ пастушкамъ: «Давно протухло мясо дома; нужно убить оленей, отнести домой на ѣду!» Снова убили важенку и теленка. Снова старшій мальчикъ понесъ домой телячью тушу. Сновъ во время ѣды говоритъ Элѣнди: «hук! Что за диво Айванъ! Ну какъ онъ теперь?»—По прежнему! говоритъ сынъ—прежняго еще хуже. — «Завтра опять пойду съ вами къ оленямъ!» Предъ уходомъ вытащилъ изъ мѣшка желѣзную веревку [4]) съ толстой ручкой. Опять Айванъ спитъ въ шалашѣ, по прежнему совершенно нагой. Одинокого пастушка

то перебѣгаетъ съ мѣста на мѣсто, взбирается на самыя высокія горы, совершенно забывая о пастбищѣ. Искусство пастуха состоитъ въ томъ, чтобы вò время перегонять стадо на мѣста, сравнительно свободныя отъ комаровъ и оводовъ и потомъ, пользуясь появленіемъ холоднаго сѣвернаго вѣтра, возвращаться на болѣе тучныя пастбища.

[1]) Чукотскіе пастухи въ лѣтнее время ходятъ вслѣдъ за стадомъ, нося на собственныхъ плечахъ все необходимое, отъ запасной обуви до котла. Предъ уходомъ стада на лѣтнія пастбища, на недвижномъ лѣтнемъ стойбищѣ убиваютъ нѣсколько оленей про запасъ остающимся тамъ старикамъ, женщинамъ и дѣтямъ. Плохо сохраняемое, это мясо очень скоро протухаетъ и наконецъ просто начинаетъ гнить. Поэтому время отъ времени пастухи убиваютъ въ стадѣ одного или двухъ оленей поменьше и уносятъ убитое животное домой на собственной спинѣ иногда за нѣсколько десятковъ верстъ.

[2]) Рэттэм—оболочка наружнаго шатра изъ гладко остриженной и сильно продымленной оленьей шкуры. Большая часть шерсти совсѣмъ выпадаетъ. Поэтому обрывокъ рэттэма, достаточный для небольшаго шалаша все-таки можно таскать на плечахъ, хотя онъ несравненно тяжелѣе русскаго портяного полога.

[3]) См. выше прим. 1 стр. 352.

[4]) Цѣпь. Тонкія желѣзныя цѣпи, употребляю ся русскими для привязыванія собакъ, имѣющихъ привычку отъѣдаться отъ ременной привязи. Отъ русскихъ такія цѣпи перешли и къ чукчамъ.

стадо совсѣмъ покидаетъ, убѣгая отъ комаровъ. Схватилъ за руку, выволокъ на дворъ. на дворѣ сталъ драть его желѣзной веревкой. Тотъ молчитъ, только плечами передергиваетъ, все тѣло опухло и вздулось. «Почему за стадомъ не смотришь. Хозяйскихъ сыновей колотишь? Почему величаешься, за оленями не ходишь?»... Отшвырнулъ его въ сторону, говоритъ сыну: «Пойдемъ къ оленямъ!» Какъ только покинули Айвана, онъ вошелъ въ шалашъ. Походивъ немного по стаду, Элѐнди говоритъ:—«Пойду домой! по прежнему станетъ жить, извѣстите меня снова! Если же исправится, станетъ рачителенъ къ оленямъ, пусть при первомъ случаѣ онъ придетъ домой, (а не вы)!» Какъ только скрылся Элѐнди, вышелъ Айванъ изъ шалаша; идетъ болтая опущеннымъ рукавомъ кукашки [1]), идетъ къ оленьему стаду. Дошелъ. Мальчики боятся, чтобы снова не побилъ, но что за диво! Айванъ потерялъ свой прежній голосъ.—Пришелъ?—«Да!» [2]). — «Вотъ! Говоритъ совсѣмъ инымъ кроткимъ голосомъ. — Мяса не стало: убьемъ оленя. Отверните т а б у н ъ [3]) туда къ устью рѣчки! Я принесу котомки!» Потащилъ котомки на плечахъ. Табунъ быстро идетъ, а онъ пришелъ еще скорѣе. Убили. Говоритъ ребятамъ: Ну вы спите!» Упали, умерли! Разбилъ тушу на части, сталъ варить ѣду, вынулъ готовое мясо, выложилъ на корыто, тогда разбудилъ дѣтей.—«Теперь ѣшьте!» Поѣвши, дѣти стали обуваться. «Нѣтъ, нѣтъ!» говоритъ—вы спите! Я опять пойду къ оленямъ!» Проснулись ребята, сидятъ въ шалашѣ, поютъ. Такъ и не даетъ имъ ходить въ стадо. Только поѣстъ, сейчасъ же убѣгаетъ самъ, такой сталъ рачительный. Табунъ съ каждымъ днемъ началъ жирѣть. Сдѣлался истинно усерденъ и искусенъ въ уходѣ за оленями.

Снова убили оленей. Телята покрыты слоемъ жира, округлились, какъ свѣча. Убили одну матку безъ теленка и одного пыжика [4]). Говорятъ! «Ты иди домой!» «Нѣтъ, лучше вы!» «Нѣтъ, нѣтъ, ты ступай домой!» Понесъ телячью тушу на плечахъ. Пришелъ домой. Элѐнди работаетъ у входа въ шатеръ!—«Кака! пришелъ?...» — «*Ы!*» —«Поскорѣе положи стельки въ сухую обувь.—кричитъ женѣ.—Пришелъ! пусть переобуется!» Развязали ношу. Телячья туша вся бѣлѣетъ, жиромъ. У хозяина стало весело на душѣ, хорошо поѣли, По окончаніи ѣды уже переобувается, хочетъ уходить.—«Ты куда?» «Въ стадо!» «Нѣтъ, нѣтъ, ночуй! Пусть его! Васъ вѣдь трое!»—«Вышколилъ таки его!» думаетъ про себя. Проснулись утромъ, уже его нѣтъ. Ушелъ въ стадо. Настало время принести домой котлы, началась г о л а я у б и в к а [5]), Айванъ по прежнему запрещаетъ дѣтямъ, самъ ходитъ за оленями: ожирѣли, спины стали, какъ доски. Быки!.. Пока стадо на берегу моря, тайно дѣлаетъ челнокъ. Вернулись домой, а онъ плыветъ на челнокѣ. — «Что за диво? ты на челнокѣ [6])?!...» — «*Ы!*» Обрадовался

---

[1]) Весьма обыкновенная чукотская поза, причемъ рука, выпростанная изъ рукава прижата къ груди подъ кукашкой (кукашка—мѣховая рубашка). Поза эта выражаетъ небрежность, лѣнь, состояніе отдыха, также нерѣшительность и смущеніе.

[2]) Голосъ Айвана здѣсь изображается тонкимъ и благозвучнымъ, почти подобнымъ голосу его юныхъ товарищей.

[3]) Мѣстное русское нарѣчіе говоритъ: о л е н і й т а б у н ъ, к о н с к і й к о с я к ъ, к о р о в ь е с т а д о.

[4]) Пыжикъ—оленій теленокъ подросточекъ. Лѣтомъ убиваютъ обыкновенно или пыжиковъ, или молодыхъ важенокъ, потерявшихъ теленка.

[5]) У l ћ ы к а а н м ӓ т и р ћ и н на мѣстномъ русскомъ нарѣчіи г о л а я у б и в к а (буквальный переводъ). Производится въ началѣ Августа, когда стадо въ первый разъ пригоняется на лѣтнее стойбище. Голая убивка сопровождается разнообразными жертвоприношеніями и обрядами. Имя свое этотъ праздникъ получилъ отъ неполношерстныхъ шкурокъ пыжиковъ, которые убиваются въ это время десятками и назначаются для разнаго рода одежды.

[6]) Искусство дѣлать деревянные челноки совершенно незнакомо оленнымъ чукчамъ. Потому при переправахъ даже черезъ незначительныя рѣки они безпомощны. Ближайшіе къ русскимъ порѣчанамъ покупаютъ у нихъ старые к а ю к и (к а ю к ъ или стружокъ—долбленый челнокъ изъ осиноваго пня).

хозяинъ.—«Вотъ по крайней мѣрѣ переправляться черезъ рѣки хорошо». Пригнали домой стадо. Тотъ говоритъ—«На морѣ видѣлъ островъ. Длинный, узкій. Какъ много дикихъ оленей!»—«Нука, нука! Завтра посмотримъ!» Надѣлъ Элѐнди одежду изъ выпороточьихъ [1]) шкурокъ, закинулъ лукъ на плечи. Сѣли двое на челнокъ. Айванъ Эрмэченъ гребетъ,—отъѣзжаютъ по водѣ. Дѣйствительно—пристали къ острову. Пошли вмѣстѣ. Потомъ говоритъ Айванъ:—«Я пойду въ эту сторону: увижу, погоню тебѣ на встрѣчу!»—«Согласенъ!» Ушли въ разныя стороны. Вдругъ видитъ Элѐнди: бѣжитъ Айванъ къ челноку, бѣжитъ со всей быстротой. Видитъ Элѐнди, какъ достигаетъ челнока, зоветъ его; не слышитъ, не слушаетъ, гребетъ изо всѣхъ силъ. Выстрѣлить изъ лука далеко. Остался Элѐнди на островѣ. Вернулся Айванъ на матерую землю, вошелъ въ шатеръ.—«Гдѣ же товарищъ?»—«Незнаю! Я въ челнокѣ легъ спать. Гдѣ же онъ? Онъ впередъ ушелъ! Гдѣ же онъ! Должно быть ушелъ въ стадо!»... Нѣтъ и въ стадѣ. Залегъ Айванъ въ пологу, ибо теперь дѣйствительно Эрмэчэнъ, всѣхъ сильнѣе. Даже испражняется въ пологу, не выходитъ наружу [2]). Снова раздался его прежній голосище. Тогда поняли жены. Думаютъ: вѣроятно убилъ. Съ зарею пришли пастухи. Уходящимъ обратно въ стадо говоритъ: «Завтра принесите мнѣ только что вылинявшаго теленочка! Отъ тухлаго мяса калъ худо пахнетъ. Стану питаться только язычками-и-и!». Боятся молодые пастухи. «Убьетъ» думаютъ. Принесли ему неполношерстнаго теленочка: Жены его не хотятъ принять, въ пологъ не входятъ, на морскомъ берегу плача неизмѣнно сидятъ. Дѣти въ стадѣ плачутъ объ отцѣ. Каждое утро приносятъ по теленочку. Каждое утро, принося теленочка, говорятъ между собой:—«Ахъ, вѣдь изобьетъ! Чтоже сдѣлаемъ? Или быть можетъ и нѣтъ! Можетъ быть, хоть немножко выросли!»

Тамъ на островѣ совсѣмъ изсохъ Элѐнди съ голода, ослабѣлъ, собрался умирать. Взмолился старому Ворону [3]). Навѣстилъ его Воронъ.—Ого! говоритъ—что съ тобой?»—Сюда меня забросилъ Айванъ Эрмэчэнъ!...»—«Хороши же у тебя рабы! Зачѣмъ бралъ такого? Смотрите! онъ сохнетъ! Ну, ну, подожди немного меня! Я позову товарищей!» Собрались птицы со всѣхъ сторонъ, лебеди, гагары, чайки. Летятъ мимо острова долгой вереницей подъ предводительствомъ ворона. Подхватили Элѐнди на крылья, понесли черезъ море, положили на берегу вблизи жилища.—«Разлетайтесь теперь, говоритъ, чтобы мой народъ васъ не перебилъ, улетайте на чужія земли!» Не можетъ ходить, ползетъ на четвереренькахъ къ шатру, легъ сзади украдкой, спрятался подъ полою. Внезапно увидѣла его вторая жена. Тайно заплакала вторая жена. Говоритъ.—«Не плачь! Лучше вари ѣду, приготовь закуску, да теплую воду приготовь! Я выпью». Привела первую жену, тайно извѣстила ее. Какъ и первая, она плачетъ. — «Һук! Какъ же ты перешелъ?»—«Птицы перенесли меня!»—«По истинѣ много друзей у тебя!» Принесла вторая жена кусочекъ мяса и теплой воды. Съѣлъ кусочекъ величиной съ палецъ, выпилъ глотокъ. Желудокъ у него совершенно сморщился отъ голода». До вечера трижды закусывалъ и выпилъ три глотка воды, каждый разъ не больше ложки. Потомъ заснулъ. Съ утра много ѣлъ и каждый разъ пилъ теплую воду. Говоритъ женамъ.—«Теперь ободритесь! Я опять ожилъ, теперь ужъ васъ не покину!... Дѣтей при стадѣ не извѣщайте! Пусть будутъ по прежнему!...» Какъ разъ пришли дѣти изъ стада. Айванъ опять заговорилъ грозно. Говоритъ имъ при уходѣ: «Принесите мнѣ теленочка-а-а!.. Худо пахнетъ калъ отъ тухлаго мяса-а-а!...» Элѐнди слушаетъ изъ за полы шатра, закусилъ руку отъ гнѣва, оставилъ на ней кровавый слѣдъ. Услышавъ голоса сыновей, прослезился въ тайникѣ.

Каждую ночь выходитъ и сталъ онъ поправляться силами. По берегу моря бѣгаетъ, старается прежнее пріобрѣсти. Вытащилъ корягу изъ песка, въ другую руку другую

---

[1]) Выпоротокъ, шкурка теленка, издохшаго вскорѣ послѣ рожденія. Одежда изъ выпороточьихъ шкурокъ очень мягка, но отличается непрочностью.

[2]) Идеалъ чукотскаго сибаритства. Вообще мужчины нерѣдко исправляютъ естественныя нужды въ пологу, при чемъ женщины прислуживаютъ имъ.

[3]) Воронъ—символъ чукотскаго Бога Творца, Тэнантумһина.

корягу, хочетъ бѣжать, но руди слабы, еще не оправился [1]). Постоянно ѣстъ, постоянно ѣстъ, наконецъ сталъ бѣгать по прежнему. Камни и коряги становятся легче и легче; потомъ какъ будто ихъ совсѣмъ не стало. Такъ стали легки. А Айванъ не выходитъ, лежитъ въ пологу, какъ бревно. Достигъ Элэнди прежней силы, схватитъ большую сырую кокору,—какъ будто нѣтъ ея совсѣмъ, пріобрѣлъ вдвое болѣе прежняго. Говоритъ второй женѣ: — һ ы к! Ступай къ оленямъ. Скажи пастухамъ:—«если Айванъ снова станетъ кричать: «Принесите теленочка-а-а?» прямо ему закричите: «Ты когда привыкъ ѣсть теляточекъ, питаться язычками? Застала дѣтей при стадѣ. Сидятъ понурившись, все еща плачутъ объ отцѣ. Говоритъ имъ: «Если Айванъ опять крикнетъ: «принесите теленочка!», дайте отвѣтъ предъ самой дверью: «Ты гдѣ пріучился ѣсть теляточекъ, питаться язычками?»—Но вѣдь онъ насъ изобьетъ!...»—«Молчите! Вернулся!»..—«Вернулся!!... Скажемъ, скажемъ!». Обрадовались дѣти. Утромъ вернулись домой. Только услышалъ голосъ дѣтей, отецъ одѣлся въ самыя лучшія одежды, принесенныя женами. Стали уходить обратно къ оленямъ.—«Принесите мнѣ теленочка-а-а! Калъ худо пахнетъ отъ гнилаго мяса-а-а!» Отвѣчаютъ передъ самой дверью!—«Ты когда привыкъ откармливаться телятами? питаться только язычками?»... Отецъ присѣлъ на корточки за пологомъ, готовится. Зашумѣлъ Айванъ, выскочилъ совершенно нагой... Женщина кричитъ: «надѣнь хоть штаны!» Надѣлъ штаны, выскочилъ снова, схватилъ скобельное дерево [2])... Хозяинъ тоже выскочилъ, бросился на него, схватилъ его сзади.—«Мэй, Мэй, Мэй! [3]) Кто кто, кто?»... Поворачиваетъ голову, не можетъ увидѣть. Наконецъ увидѣлъ:—«Ахъ, ахъ, ахъ! Мэй, мэй, мэй! Какъ пришелъ ты, кто привезъ тебя?»...—Кто привезетъ?—я самъ!» отвѣчаетъ Элэнди. Оттащилъ его отъ шатра, кричитъ женѣ: «Вай, вай! сними съ него штаны!»... Сняла штаны, раздѣла его. Очень гнѣвенъ Элэнди. Кричитъ: «Вай, вай, полѣно принесите!» Тотъ даже не вырывается. Принесла женщина полѣно. Ножомъ откололъ кусокъ, дерево обрѣзываетъ, заваостриваетъ конецъ. Покончивъ, поворотилъ Айвана навзничь, положилъ ладонь на землю, проткнулъ ножомъ, совсѣмъ пробилъ ладонь, пробивъ ладонь, вбилъ заостренный колышекъ. Потомъ другую руку. Тотъ даже и не бьется. Распялъ его руками по землѣ. Потомъ ноги тоже растянулъ и пробилъ кольями. Потомъ приткнулъ къ землѣ мясо боковъ; потомъ провертѣлъ кончикъ макушки и тоже приткнулъ къ землѣ. Губа до крови закушена отъ гнѣва. Покончивъ, ротъ у него распялилъ тоже колышкомъ. Говоритъ женамъ: «Вай, вай! Накладите ему въ ротъ! Онъ требуетъ молодыхъ телятъ, хочетъ питаться языками. Любитъ, чтобъ калъ хорошо пахнулъ... Пусть попробуетъ, хорошо ли пахнетъ!» Жены на . . . . . ему полонъ ротъ, также на . . . . весьма много. Утромъ пробудились. У него ротъ по прежнему наполненъ каломъ и мочей, но еще живъ. Еще разъ ночевали, по прежнему смотритъ. Нѣсколько дней такъ провели, ночевали, онъ все смотрѣлъ. Наконецъ издохъ, ибо было уже по заморози. Замерзъ. Такъ сдѣлалъ Элэнди, ибо пришелъ ему великій гнѣвъ, а если бы Айванъ не сдѣлалъ такъ, то скоро отдалъ бы ему одну изъ женъ и жили бы равно, какъ братья.

III.

Такъ жили. Дѣти выросли, пріобрѣли силу, стали мужчинами. Состарился Элэнди. Но сыновья велики и сильны. Ихъ копья со связкой колецъ на тупомъ концѣ. На ходу звенятъ, кольцами. Снова всѣ живутъ на берегу моря. Снова Айванъ Эрмэчэнъ,

---

[1]) Ношеніе тяжестей и бѣгъ съ ношей на плечахъ составляетъ и теперь любимое физическое упражненіе чукотской молодежи, конечно въ глухихъ мѣстахъ подальше отъ русскаго вліянія.

[2]) Скобельное дерево, камень дерево, длинная изогнутая деревянная оправа съ двумя ручками. Въ средину ея вставляется плоскій камень, остро обитый по краямъ. Орудіе это употребляется для скобленія шкуръ.

[3]) Мэй. Слово обращенія между мужчинами, также отъ мужчины къ женщинѣ.—Послушай!

не прежній, иной, приблизившись къ нимъ, сталъ сосѣдомъ [1]), — морской человѣкъ, питающійся морской ѣдой. Говорятъ сыновья отцу: «Айванъ, кажется, нашелъ мертваго кита, ибо пошелъ разрѣзывать его на части. Что, не дастъ ли онъ тебѣ [2])?» Пошелъ старикъ, предъ уходомъ говоритъ: «Не дастъ, должно быть! Не думаю, что дастъ! Прежде я не думалъ бы, что не дастъ, но теперь я состарился!.. Пусть невѣстка все же приготовитъ сумку, я ее унесу съ собой!» Пошелъ и сумку унесъ. На берегу моря нашелъ Айвана. Сидитъ вмѣстѣ съ женой на пескѣ. Китъ застрялъ на мели и остался далеко отъ берега среди мелкой воды.—«К а-к а! Пришелъ ты?!»—«Ы!»—«Ну, ну, чего тебѣ?» —«Дѣти меня послали!»—«Ну давай, самъ пакладу! Сюда, сюда! принесите сюда часть!» Принесли работавшіе, онъ отрѣзалъ кусокъ кожи съ жиромъ.—«Иди сюда! говоритъ.—Наполнилъ твою сумку!» Подошелъ старикъ.—«Повернись задомъ, надѣну тебѣ!»... Сумку легкая, словно пустая. Вдругъ схватилъ его сзади за подгузье штановъ и напихалъ за поясъ жиру и кожи.—«Правда, вотъ тебѣ! теперь иди домой!» Ибо насмѣшливъ [3]). Жиръ потекъ по ногамъ и по животу. Не можетъ идти, едва доплелся домой. Штаны наполнены.

Сыновья говорятъ матери «Ну ка, погляди ка! А что?»—«Еще нѣтъ!» Спустя немного опять. «Посмотри ка снова! Что же онъ такъ медлитъ?» Наконецъ говоритъ— «Вотъ онъ идетъ, палку держитъ поперекъ согнутой спины!» — «О, о! должно быть ноша тяжела!» Вошелъ. Женщины схватились за сумку, говорятъ: «А что?» Ищутъ вездѣ, поворачиваютъ, ничего нѣтъ. Онъ стоитъ въ переднемъ шатрѣ, обернулся къ нимъ задомъ. «Гдѣ же?» «Да вотъ тутъ есть!» Сынъ поглядѣлъ изъ полога, высунувъ голову подъ полою входа [4]). Взяли сумку, трясутъ: ничего нѣтъ.—«Гдѣ же!»—«Да вотъ здѣсь!»—«Но гдѣ же наконецъ!» Вторая сноха бросила взглядъ на подгузье.— «О-о-о!» Сняла штаны со старика. Онъ весь перепачканъ жиромъ.—«Вотъ какъ! Вотъ какъ!» кричатъ сыновья. Тотчасъ же стали одѣваться. Старикъ говоритъ;—«сами вы теперь такъ пріучили Айвана! Или скажете, что я его пріучилъ! Но я когда то наказалъ такого. Теперь другой Айванъ насмѣхается только надъ вами!»...

Вышли сыновья, схватили копья, побѣжали отъ самой двери. На бѣгу подхватили арканы, перекинули свиткомъ черезъ плечо. Айванъ съ женою еще сидятъ на берегу. Миновавъ его, побѣжали по берегу, гдѣ суетятся работающіе; прыгнувъ съ берега, перебрели черезъ воду къ киту.—«Прочь, прочь! Уйдите отсюда!» Машутъ копьями во всѣ стороны, толкаютъ то тупымъ, то острымъ концомъ...

—«Перестаньте, перестаньте! Сперва убейте: заставьте у й т и [5]) потомъ отнимите кита!» кричитъ Айванъ съ берега:—«Не буйствуйте съ людишками! Идите, идите сюда!» Они какъ будто глухи.— «Хорошо! говоритъ, принесите нужное для борьбы!» Работники принесли изъ шатра моржовую шкуру и двѣ моржовыя голени. Разбилъ на острые осколки, въ разостланную шкуру набилъ осколки кости остріемъ вверхъ, воткнулъ полукругомъ; только мѣсто, гдѣ встать, свободно. Натеръ шкуру китовымъ жиромъ. Покончивъ всѣ приготовленія, всталъ на мѣсто... Братья, отталкивая копьями, остались одни у кита; иные попадали въ воду; бывшіе на челнокахъ чуть не утонули и поспѣшили вернуться на берегъ. Стоятъ на китѣ, рѣжутъ китовину. Отрѣзываютъ куски величиной съ моржа, перебрасываютъ прямо на берегъ. — «Идите, идите

---

[1]) Сосѣдомъ, но не на одномъ и томъ же стойбищѣ. Н ы м т а к а̀ ч һ ы н - сосѣдъ живущій особо, но на близкомъ разстояніи.

[2]) Китовая кожа, срѣзанная вмѣстѣ съ жиромъ, считается лакомствомъ не только у сидячихъ, но и у оленныхъ чукочъ. Потребность разнообразить пищу выражается у оленныхъ чукочъ главнымъ образомъ, пристрастіемъ къ тюленьему жиру, китовой кожѣ, моржевому мясу, отчасти также къ рыбѣ, а вовсе не къ растительнымъ веществамъ, которыя употребляются только, какъ суррогатъ и составляютъ пищу бѣдняковъ.

[3]) т. е. Айванъ склоненъ къ издѣвательству надъ людьми.

[4]) Люди, сидящіе въ пологу, разговаривая съ людьми, стоящими снаружи, обыкновенно ложатся на животъ и высовываютъ голову, плотно окутывая плечи мѣховой полою полога.

[5]) У й т и равносильно умереть. Заставьте уйти—убейте!

сюда!» Старшій братъ говоритъ: «Пойду-ка я!»—«Или я!» отвѣчаетъ младшій братъ. Старшій говоритъ: — «Нѣтъ ужъ, я!» Младшій возражаетъ. — «Нѣтъ ужъ, лучше я! Прошу тебя, послушайся! Пусть лучше я! Пусть ты будешь на этотъ разъ вмѣсто старика!»...—«Хорошо!—говоритъ старшій,—но можетъ и не удаться!..»—Посмотримъ! говорилъ младшій, — кто знаетъ?» — «Я говорю, быть можетъ, не будешь въ силахъ. Пусть, я посмотрю, ибо ты, какъ ребенокъ!...» А между тѣмъ, они словно близнецы, ибо родились въ одно и то же время. Разница нѣсколько дней.—«Все равно, настаиваетъ младшій, — пусть попробую! Ибо стыжусь отцовскаго погруженія подъ жиръ... Пусть я! Если ты схватишься съ нимъ, буду бояться вернуться домой... А что если скажетъ отецъ: «А этотъ какъ?...» Пусть лучше я!..»—«Хорошо, хорошо! Я не спорю. Пусть ужъ ты!» Айванъ стоитъ на скользкой шкурѣ, словно вбитый въ землю.—«Эй, вы, пустословные! [1]). Торопитесь! Покажите, какіе вы!» Прыгнулъ младшій братъ съ кита далеко на сухой берегъ, какъ будто полетѣлъ на крыльяхъ, попалъ ногами прямо на моржовую шкуру. Какъ будто прильнули къ ней (ноги). Айванъ говоритъ:—«Кто? Ты? (начнешь...)»—«Нѣтъ, ты!»—«Пусть ты, если ты отниматель!»—«Ладно, согласенъ!» Всталъ Айванъ недвижно. Схватилъ чаwчу [2]) Айвана. Какъ ни напрягается, какъ ни усиливается, не можетъ,—недвиженъ, какъ пень. Неторопясь, ощупываетъ руками, откуда бы схватить, медленно примѣривается. Наконецъ наставилъ ладонь, какъ топоръ, ударилъ по шеѣ. Голова отскочила, какъ волчокъ, тѣло же стоитъ недвижно. Товарищи Айвана стоятъ вокругъ и смотрятъ. Все же убилъ, упало. Жена Айвана, увидѣвъ, какъ покатилась голова, убѣжала, не глядя куда. Прыгнулъ обратно къ товарищу на китѣ. Окончивъ, понесли. Ну и ноша же. Принесли, бросили у входа на землю. Шатеръ затрясся отъ вѣтра. — Кака!—говоритъ отецъ.—Принесли таки!» (ибо понялъ, что убили). Старшій братъ говоритъ:—«Да, рукой ребенка...» Отецъ говоритъ: —«Э, э! Зачѣмъ же убили? Вы не привели вѣдь живьемъ! Очевидно, вы еще плохи!...» Старшій говоритъ:—«Я вѣдь говорилъ: — пусть лучше я самъ!» Младшій говоритъ: — «Да, но я еще ребячески—неразуменъ!...»

На слѣдующій годъ богатыри проводили конецъ лѣта—на горныхъ пастбищахъ, далеко отъ моря. Отецъ говоритъ по первой заморози: — «Что за диво! Соскучились объ морской пищѣ. Ибо это наше старинное питаніе» [3]).—«Какъ же стадо?» говорятъ сыновья. Но все равно! погонимъ его предъ собой!»— «Нѣтъ! отвѣчаетъ отецъ,—желая морского мяса, постерегу стадо одинъ, въ ожиданіи!...» Ушли сыновья на море. Какъ только ушли, ночью коряки угнали стадо. При старикѣ одна жена. Другая давно у ш л а. Старикъ и старуха въ сторону не убѣгаютъ, ходятъ среди стада. Наслѣдники тѣхъ самыхъ коряковъ, которыхъ когда-то ограбилъ Элѣнди, гонятъ его стадо обратно. Но старикъ и старуха ходятъ въ стадѣ. Быки все время хотятъ пребывать вмѣстѣ, не разбредаются въ стороны, тѣснятся вокругъ стариковъ. Пасутся-ли на моховинѣ, или лягутъ на отдыхъ, такъ плотно окружаютъ, что со стороны ничего не видно. Коряки не замѣчаютъ ихъ, поютъ, смѣются, гонятъ стадо. Отъ добычи имъ весело. 40 человѣкъ коряцкихъ воиновъ. Второй разъ ночуютъ безъ крова. Старикъ озябъ, чуть не замерзъ, ибо во время п о р о з о в а н і я оленей [4]). Коряки разводятъ огонь, варятъ пищу. У старика ноги озноблены, отъ голода печень болитъ [5]), Старуха говоритъ:— «О, мы не можемъ идти! Завтра упадемъ. Ноги у тебя отморожены. Голодъ, усталость, тоска... Умремъ завтра!...» [6]).—«Нѣтъ, нѣтъ, подбодрись! говоритъ мужъ. Теперь дѣти вернулись домой, погонятъ за нами по слѣду!...»

---

[1]) Атумнгытwàкэlэн, пустословный, обычное бранное слово.

[2]) Чàwчу, богатый оленями. Такъ называютъ оленные чукчи самихъ себя.

[3]) Еще лѣтъ 80—100 тому назадъ оленеводство было сравнительно мало развито, и главная масса племени существовала морскими промыслами.

[4]) П о р о з о в а н і е (на мѣстномъ русскомъ нарѣчіи)—течка. По чукотскому повѣрью по окончаніи течки дикихъ оленей наступаютъ первыя осеннія бури.

[5]) Печень болитъ съ голоду, обыкновенное чукотское присловье.

[6]) Въ этихъ словахъ заключается приглашеніе къ самоубійству, ибо по исконнымъ чукотскимъ понятіямъ, гораздо приличнѣе кончить жизнь отъ собственной руки, чѣмъ дожидаться безславной смерти отъ изнурительной болѣзни, или голоднаго истощенія.

Действительно вернулись домой. Только однажды ночевали на море. Принесли огромныя ноши. Стада нѣтъ, родителей тоже. Младшій братъ говоритъ! — Ну, погонимъ!»—«Темнѣетъ солнце заходитъ! говоритъ старшій:—Пусть завтра!»—«Да, вѣдь они зябнутъ!»—«Охъ, нѣтъ! Должно быть ихъ убили!»—«Ко!!..»

Все-таки ночевали. Младшій не спитъ, ходитъ по окрестностямъ. Еще до приближенія разсвѣта, говоритъ:—«Ну, пойдемъ! Довольно. Разсвѣтаетъ!»—«Еще немножко!»—«Нѣтъ, нѣтъ! Довольно!» Пошли.

Старушка совсѣмъ не можетъ идти, на-силу плетется. Мужъ говоритъ:—«Подбодрись, подбодрись! Не покинутъ насъ дѣти, погонятъ по слѣду!...»

Табунъ сталъ спускаться въ ложбину, тогда начали догонять. Взобравшись на скалу, посмотрѣли со скалы, увидѣли. Говоритъ младшій братъ: — «Скорѣй, скорѣй! Побѣжимъ къ проходу сквозь ложбину». Старушка оглянулась, увидѣла сыновей, идущихъ со скалы внизъ. Вздрогнула старуха, говоритъ старику: — «О, пришли наши дѣти!» Отъ радости сдѣлалась весьма быстрою.

Узкій проходъ ущелья, дорога весьма узка, но подъемъ впереди расширяется и уходитъ круто вверхъ. Братья обѣжали издали стадо и очутились впереди на самомъ верху и сверху закричали: «Го-о-о! Гокъ, гокъ, гокъ!» [1]). Стадо повернулось и побѣжало, а коряки уже вошли въ ущелье. Стадо ринулось, затоптало въ ущельи корякскихъ воиновъ, смѣшало ихъ кровь съ пылью, втоптало лица въ землю. Только десять человѣкъ спаслись и бѣжали. Быки шли впереди стада. Когда скотъ побѣжалъ, они очутились сзади и медленно провели стариковъ вслѣдъ за стадомъ. Тогда подбѣжали сыновья, подхватили старика и старуху подъ мышку, какъ рукавицы, и погнали оленей обратно. Стадо идетъ домой, вытянулось въ долгую линію, какъ кочевой поѣздъ [2]), идетъ, торопится на свою землю! 10 коряковъ прибѣжали домой, говорятъ: «Одѣвайтесь, вооружайтесь! погонимъ по слѣду!» Догнали. Когда догнали, братья выстрѣлили изъ лука, убили одного, подхватили за ноги тѣло и потрясли.—«Вотъ и вы такъ будете! Трусы вы, худые людишки!»

Опять догнали стадо, оно уже ушло далеко; подхватили по дорогѣ отца и мать и побѣжали въ слѣдъ. Ибо старикъ и старуха изсохли и стали легки. Пришли домой. Стадо уже на старомъ к о п о в и щ ѣ недвижно, отдыхаетъ. Говоритъ отецъ во время ѣды, а тюленій жиръ течетъ у него по подбородку: — «Сильно же зябли мы вчера. Значитъ, дѣйствительно у насъ есть дѣти».

IV.

Осенью укочевали на зимнія стойбища. На кочевкѣ братья раздѣлились. Младшій братъ отправился въ страну своихъ тетокъ, сестеръ отца, отданныхъ имъ въ замужество, пошелъ свататься, стеречь стадо за жену [3]). Остальные всѣ остались. У него по пути отъ дорожной спутницы родился ребенокъ. Быстро сталъ расти ребенокъ. Движутся они тихо годъ и другой, ребенокъ ростетъ. Половину отцовскаго стада гонитъ предъ собою. Отецъ водитъ ребенка за стадомъ, у шатра покидаетъ только женщину, не возвращается домой три и четыре дня. Говоритъ сыну: — «Ну, пожалуй пойдемъ! Отнесемъ домой котлы!» Ребенокъ, гдѣ только ни сядетъ, все играетъ въ стрѣльбу изъ лука. Даже спать никогда не захочетъ, все время стрѣляетъ изъ лука. Однажды отецъ шутя говоритъ: — «Ну-ка выстрѣли въ былинку:» Сдѣлалъ ему стрѣлку изъ обломка котельнаго желѣза, выстрѣлилъ (ребенокъ), разрѣзалъ былинку пополамъ! Отецъ закусилъ губу, говоритъ:—«һ ы к ъ! что за диво!» На завтра идутъ домой, несутъ котомки

---

[1]) Обычный крикъ пастуховъ, побуждающихъ стадо перемѣнить направленіе пути.

[2]) Чукотскій кочевой поѣздъ вытягивается въ долгую линію въ нѣсколько десятковъ саней, подъ предводительствомъ женщины, ѣдущей на особой ѣздовой нартѣ.

[3]) һ э н г ә у н д ь у l і н—стеречь за жену (стадо). Основной формой брака у оленныхъ чукочъ, является пріобрѣтеніе женщины путемъ двухлѣтней или трехлѣтней службы въ пастухахъ при стадѣ будущаго тестя.

и котлы, стадо покинули въ полѣ. Ребенокъ посмотрѣлъ, говоритъ:—«Вотъ тамъ что?» —«Гдѣ?»—«Та-а-мъ!» Далеко впереди поперекъ дороги движется коряцкій молодецъ, идетъ, словно летитъ на крыльяхъ. Вотъ такъ витязь!—«Охъ!—говоритъ отецъ,— ибо ребенокъ ты?»— Ну такъ что же? Сердце крѣпко!» — «Если крѣпко, сдѣлаемъ такъ! Когда приблизится, посажу тебя подальше. Сразимся копьями! Если стану уставать, приближусь къ тебѣ. Если не стану, сиди на мѣстѣ! Не нужно тебя! Но на всякій случай, можетъ быть я устану:—Если приближусь къ тебѣ, выйдетъ такъ, попробуй, натяни лукъ! Когда я на тебя этакъ взгляну и подлѣ тебя поперекъ дороги перейду, попробуй выстрѣлить ему вдоль лба; только черкни, разрѣжь кожу?» Ребенокъ молчитъ, молча слушаетъ отца.

Ловокъ коряцкій витязь, дѣйствительно, сталъ уставать отецъ. Захотѣлъ къ ребенку, перешелъ дорогу, бросилъ взглядъ на ребенка. Мальчикъ выстрѣлилъ вдоль лба, прорѣзалъ кожу лба, лицо коряка залилось кровью. Сѣлъ на землѣ, говоритъ: «К а к о! [1]) Значитъ ты—стадо-отниматель, олене-возвратитель! Вотъ слабый ребенокъ въ помощникахъ. Мы такъ не бываемъ. Съ дѣтьми вмѣстѣ вы сильны!» Они сѣли вмѣстѣ. Раненый придерживаетъ лобъ ножомъ [2]).—«Кàко! — говоритъ отецъ,—снова насильника будущаго создалъ я, будущаго грабителя у всѣхъ людей создалъ, слѣдовательно, я хорошъ!» [3])—«Но вѣдь мы боролись! говоритъ корякъ.—Вы уходите. Торопитесь! Я васъ задерживаю. Ну же!... [4]).

Тотъ по его слову закололъ его копьемъ. — «Теперь перестанете драться, ибо только я одинъ былъ сильный человѣкъ!»—говоритъ предъ смертью корякъ. Ушли домой, пришли. Женщина сидитъ одна. На утро осмотрѣли стадо, совершили голую убійку. Опять откочевали, остановились близко. Окончивъ кочеваніе, стали ѣсть. Только-что поѣли, собачка стала взлаивать. Они раздѣты, разуты, одежда развѣшана; сидятъ нагіе. Свѣтло на дворѣ отъ мѣсяца, какъ днемъ. Схватилъ одежду, быстро одѣлся. Жена говоритъ: «Быстро посмотрю! ты сиди!»—«Нѣтъ, не нужно!—Я самъ!»—Она настаиваетъ. — «Нѣтъ, не нужно! Самъ!» Ребенокъ говоритъ: — «Или я!» — «Не нужно! Не нужно! Пусть я!» Пересталъ торопиться. Медленно выворачиваетъ обувь. Одѣлся, вышелъ. Съ дороги несется звонъ колокольчиковъ [5]). Кто-то ѣдетъ. Вошелъ въ пологъ, легъ. Говоритъ (жена).—«А что?» — «Да, правда, звонъ. Движется!...» — «Почему же легъ?»—Еще далеко!»— Стадо пробѣжало, испуганное. Вышелъ. Одинъ ѣздокъ на оленяхъ уже пробѣгаетъ мимо шатра. Сильные олени, сильный коряцкій витязь.

Говоритъ (хозяинъ). — «А что?» — «*Ы!*»— «Ты одинъ?» — «Многіе движутся!» —«Что станемъ дѣлать?—«Не знаю! Посмотримъ!»[6])—«Не будешь-ли ждать товарищей? — «Пусть ихъ! Но только я безъ панцыря!» [7]). — «Ну, подожди лучше!» — «Нѣтъ, пусть и такъ!»—«Да, вѣдь ты съ голой кожей! Лучше ужъ подожди!»—«Зачѣмъ буду ждать? Плохіе то люди! Лучше не ожидая!... Ну, поскорѣе!»—«Ну, что-жъ, согласенъ!» Досталъ лукъ изъ шатра, изъ потайнаго мѣста вынулъ. Жена смотритъ. Предъ дверью прямо виднѣется корякъ—отъ мѣсяца свѣтло, какъ днемъ. Густой лѣсъ. Побѣжалъ че-

---

[1]) Кàко—выражаетъ сильное изумленіе.

[2]) Обычное средство для остановки кровотеченія.

[3]) Въ словахъ коряко заключается косвенный укоръ, который чукотскимъ витяземъ опровергается.

[4]) Въ чукотскихъ преданіяхъ раненый или побѣжденный воинъ, обыкновенно проситъ у побѣдителя свой coup de grace. Побѣжденному витязю безславно уйти живымъ съ поля битвы.

[5]) Привязываніе мѣднаго колокольчика къ спинкѣ ѣздовой нарты считается щегольствомъ.

[6]) Лаконичность разговоровъ предъ битвой, также у больнаго предъ смертью, считается признакомъ высшей доблести.

[7]) Чукотско-коряцкій панцырь дѣлался изъ кожи лахтака или моржа, также изъ древесной коры. Впрочемъ, преданія упоминаютъ и объ желѣзныхъ панцыряхъ чукотскихъ воиновъ, сдѣланныхъ изъ широкихъ желѣзныхъ бляхъ, нашитыхъ на плотную кожу. Въ Этнографическомъ Музеѣ И. Р. А. Н. имѣются образцы того и другого панцыря.

ловѣкъ сквозь лѣсъ, добѣжалъ до края, нашелъ дуплистое дерево, сталъ сзади. Дерево весьма толстое: тѣла его не видно изъ-за дерева. — «А что, — кричитъ чаўчу. — Ты такъ будешь?» — «*Ы!*» — «Тебѣ такъ удобно?» — «*Ы!*» — Натянулъ чаўчу лукъ, выстрѣлилъ стрѣлою, пробилъ и дерево и коряка насквозь. Стали подъѣзжать задніе коряки. Жена говоритъ: — «Вотъ шумятъ ѣдущіе!» — «Пусть ихъ!» — Даже не выходитъ изъ полога, возгордился духомъ, сталъ великоуменъ. Увидѣли подъѣхавшіе на оленяхъ пустыя санки и оленей, привязанныхъ у лиственницы. Одинъ пошелъ по слѣду, отыскалъ и дерево, и убитаго. — «Лучше уѣдемъ!» — «Отчего?» — «Пожалуй, худо будетъ!» — «А что?» — «Дерево въ щепы, человѣка насквозь!» — «Уѣдемъ, уѣдемъ!» — «Я говорилъ, что не нужно выходить! Посмотрятъ и сами уѣдутъ. Давай спать!...»

Пришелъ въ страну тетокъ, тамъ жилъ, много лѣтъ прошло. Состарился, а сынъ его выросъ и также сталъ эрмэчэномъ. Говоритъ отцу: — «Нѣтъ лука!» Отецъ даетъ свой. — «Это ребячій лукъ! О, безъ лука!» Отцовскій лукъ дернулъ, переломилъ пополамъ. — «О, безъ лука!» Морской силачъ послалъ свой лукъ по оленнымъ жительствамъ. — «Хвастаютъ передъ нами чаўчу силою. Пусть же натянутъ этотъ лукъ!» Послалъ также и р ы п й ӧ [1]): большую суму табаку [2]). Возятъ и лукъ, и суму отъ жительства къ жительству. Три человѣка несутъ, одинъ несетъ лукъ, другой несетъ тулъ, третій суму. Всѣ люди жаждутъ табаку, ибо это большое богатство, но тянутъ и не могутъ (натянуть). Слишкомъ великъ. Жаждутъ хоть одной ж в а ч к и [3]), просятъ, — не даютъ; ибо только, когда натянутъ лукъ, тогда и вскроютъ суму съ табакомъ. Пять братьевъ, пять силачей, пять богатыхъ оленями народо-обидчиковъ, собрались вмѣстѣ, шестой шатеръ человѣка, не имѣющаго лукъ. Носители морского лука пришли, вошли въ передній бычаче-огромный домъ къ старшему брату. Всѣ по-очереди хотятъ натягивать. Старшій упершись пятками, шевельнулъ тетиву. У безлукаго человѣка есть жена, отецъ его старъ. — «Какой силачъ!» говорятъ люди, (глядя на натягивающаго). Безлукаго человѣка нѣтъ дома. Старикъ со снохой стоятъ и смотрятъ. — «Вотъ онъ не смогъ!» говоритъ ему сноха: — «Ну-ка ты! Или ты не сможешь?» — «Я старикъ! — говоритъ, — не нужно! Пусть молодые пробуютъ. Я зачѣмъ стану пытаться. Развѣ это орудіе прислали для меня? Я теперь состарился!...» Говоритъ женщина пяти братьямъ. — «Не можете?» — «Ы!» — «Вотъ бы моему мужу!» — «Не пустословь! говоритъ эрмэчэнъ. — Развѣ онъ натянетъ? Н е г о д я й!... Не пустословь!!...» Женщина толкнула суму и покатила къ своему дому, ничего не отвѣчая. Всѣ молча смотрятъ. Безлукій былъ при оленяхъ. Было начало зимы, ибо осень миновала, пока лукъ странствовалъ между жителями и дошелъ сюда. Притащивъ домой суму, пошла снова, лукъ и сбрую принесла. Суму положила у стѣны, лукъ на крышу полога. Придя, вскрыла суму, дала свекру и свекрови по жвачкѣ, хотя лукъ еще не тянули. Носители лука молча смотрятъ. Спустя немного пришелъ пастухъ. Желѣзную стрѣлу достали, величиной стрѣла съ оленью палицу [4]). Лукъ же крѣпокъ и плотенъ. За крышу полога выдается подставка на рогахъ лука. Пастухъ вошелъ. — «А, говоритъ, — главные гости пріѣхали!» — «Ы». — Отецъ на дворѣ ходитъ взадъ и впередъ, во время хожденія вокругъ, говоритъ! — «Что за дитя! Диво!» Жена на встрѣчу мужу тоже достала жвачку. Ѣдятъ мясо, конецъ лука выглядываетъ надъ пологомъ. Ѣстъ, а самъ поглядываетъ на этотъ лукъ, радуется, почти смѣется. Утренняя заря. Поѣвши, не отдохнувши, говоритъ женѣ: — «Что же? Дай!» — Женщина

---

[1]) Р ы п й ӧ — призъ, собственно в о т к н у т о е. На чукотскихъ скачкахъ и состязаніяхъ призъ кладется у основанія ивовой вѣтви, воткнутой въ снѣгъ. Легкіе предметы, вродѣ лисьей или песцовой шкурки, укрѣпляются въ вершинѣ вѣтви.

[2]) Въ чукотско-русской торговлѣ имѣетъ обращеніе малая сума табаку вѣсомъ въ 1 пудъ и большая сума вѣсомъ въ три пуда, которая называется также п о б о ч е н ь (э н т э к а l), ибо она составляетъ одинъ изъ парныхъ вьюковъ обычнаго конскаго груза.

[3]) Жеваніе табаку распространено между чукчами никакъ не менѣе, чѣмъ куреніе.

[4]) Ч і к і l — толстая палица изъ лиственнаго дерева, употребляется при обученіи упряжныхъ оленей. Чікіl привязываютъ къ короткому недоуздку и сильно дергаютъ за него обѣими руками, заставляя животное поворачиваться въ ту или иную сторону.

отвѣчаетъ:—«Что же, подамъ!» Отецъ ходитъ внѣ шатра взадъ, впередъ объ одномъ рукавѣ [1]), говоритъ:—«Диво, диво! Что за дитя?» Подала, взялъ. Смотритъ, разсматриваетъ, говоритъ:—«Какъ разъ по мнѣ!» Отецъ смотритъ издали, сквозь входъ. Говоритъ женѣ:—«Поди, позови сосѣдей!» Позвала, вернулась.—«Ну, что же они?»—«Торопятся! Придутъ!» Сынъ держитъ лукъ. Старикъ немного усмѣхается... Не отдаетъ, такъ и держитъ лукъ. — «Ну, что же? Будемъ торопиться!» Носители лука говорятъ: —«Како! Вотъ диво!» Отецъ говоритъ: — «Если торопишься, попробуй пока не взачетъ!» — «Но я хочу, чтобы они на меня посмотрѣли, ибо они называли меня безсильнымъ!» Старикъ говоритъ:—«Что же, и они успѣютъ посмотрѣть!»—«Ладно!» говоритъ. Сердце у него припрыгиваетъ. Взялъ, потянулъ тетиву двумя перстами, вытянулъ чуть не до конца. Взадъ и впередъ спинка (лука) гнется, словно сырое дерево. Отпустилъ. Тетива только брякнула: «Дэн!!... Смотрящіе удивляются. Отецъ убѣжалъ на другой конецъ шатра, при уходѣ только и говоритъ: — «Что за дитя! Что за дитя!» Пришли сосѣди, старшій эрмэчэнъ впереди. Безлукій сѣлъ поперекъ входа, держитъ лукъ въ рукахъ.—«Зачѣмъ же гостей передъ входомъ ты держишь?» — «Однако, повидимому, вы не могли натянуть?» — «Какъ же мы сдѣлаемъ это? Зачѣмъ привезли такой лукъ?»—«Да!.. А я вотъ говорю: Это лукъ, такъ лукъ!»—«Ты потяни-ка! Какъ у тебя будетъ!...»—«Ну, что же!... Попытаюсь!» Говоритъ женѣ:—«Достань желѣзную стрѣлу!» Она принесла стрѣлу, подобную оленьей палицѣ. Далеко-далеко впереди была мерзлая кочка, слишкомъ далеко впереди. Говоритъ безлукій носителю лука:—«Попробуемъ хоть въ ту кочку!» Другіе говорятъ: — «Пожалуй! Только бы посмотрѣть, какъ далеко долетитъ стрѣла!» Луконосецъ говоритъ:—«Твой умъ!» Всталъ на колѣно, выстрѣлилъ въ кочку. Вытянулъ тетиву во всю длину стрѣлы и перетянулъ еще дальше.. Отецъ смотритъ, весь дёсны [2]), по временамъ поглядываетъ и на зрителей. Кочка едва виднѣется, чуть возвышается надъ снѣгомъ—такъ далеко, однако, она очень велика вблизи. Наконецъ, витязь спустилъ стрѣлу. Дотянулъ тетиву до плеча, тогда спустилъ лукъ. Какъ только спустилъ, кочка тотчасъ же подскочила; ибо истинно быстро стрѣляющій лукъ привезенъ съ моря; далеко за кочкой (стрѣла) скользнула по снѣгу. Словно дымъ надъ слѣдомъ. Взбитый снѣгъ долго не садится. Держитъ лукъ, тетива звенитъ, какъ колоколъ, не хочетъ умолкнуть.

Спряталъ лукъ. Носители лука молча одѣлись, обулись, отправились домой, покинувъ все. Люди стали приходить, просить табаку.— «Не дамъ! говоритъ старикъ.—Ни одного корешочка [3]), не дамъ! Харэм!» [4]) «Отчего же хоть корешковъ не даешь?» говоритъ сынъ отцу:—«Пусть ихъ! Почему они не упражнялись, не пріобрѣтали крѣпости?» — «Если бы я, тогда, еще ребенкомъ, не прорѣзалъ корякскаго лба, теперь какъ бы курили табакъ?..»

Замолчалъ старикъ. Сталъ раздавать корешки сосѣдямъ.—«Какъ нибудь проживемъ всѣ вмѣстѣ!» Но пять братьевъ, богатыхъ оленями, бѣжали въ ту же ночь, собравъ только упряжныхъ бѣгуновъ. Боятся новаго эрмэчена. Собралъ ихъ стада, сталъ богатъ, укочевалъ со стадами.

V.

Замедлили откочевать на лѣтнее стойбище. Поздней весной (на пути) воды пришли на встрѣчу этому Лучнику. Большая рѣка пробѣжала поперекъ дороги. Не слишкомъ широкая, но глубокая, быстрая, только-что вскрылась, еще несетъ ледъ. Погонщики оленей пришли къ берегу. — «Гук! говоритъ старикъ, — на узкой землѣ предъ текучей водой недвижны станемъ. Ибо брода нѣтъ, рѣка глубока, быстра; только на

---

[1]) Изъ народа Айвановъ.

[2]) Ам-рынна ма—равносильно нашему:—оскаливъ зубы: широко усмѣхаясь.

[3]) Корешки широкихъ листьевъ «черкасскаго» табаку, считаются самымъ плохимъ матеріаломъ для куренія.

[4]) Харэм—выражаетъ отказъ.

самомъ верховьи съ трудомъ перебредаютъ.—«Ко! говоритъ сынъ.— Отдохнемъ здѣсь. Простоимъ до завтра. Солнце подымется, тогда перекочуемъ!» — «О, нѣтъ! говоритъ старикъ.—Куда перекочуемъ?—«За рѣку!»—«Это какъ ты сдѣлаешь?»—«Ко! Завтра увидишь!» На другомъ берегу широкая, низкая коса, ибо море близко. Пробудился, солнце еще не поднялось. Собралъ стадо близко къ шатру. Ну, разбирайте шатеръ. Отецъ ходитъ по берегу, говоритъ:—«Что за диво!» Во время разборки шатра переобувается въ иную обувь, подвязываетъ короткіе торбаса́ [1]). Отецъ говоритъ: «Куда ты?» – «Попытаюсь!»—«О, нѣтъ!» — «Пусть попытаюсь!»—«Но вѣдь ты утонешь!»— «Развѣ мое тѣло не въ состояніи двигаться! Почему же жидкая вода убьетъ меня?» Досталъ копье изъ саней. Древко толстое, широкое, длинное; весьма крѣпко древко этого копья! Вытащилъ копье. Отецъ смотритъ. Взмахнулъ копьемъ разъ и другой, древко болтается взадъ и впередъ, какъ сырой ка́мусъ. Хотѣлъ испытать, гибко-ли, не высохло-ли, не можетъ-ли сломаться. Но оно совсѣмъ гибко. Взялъ копье за конецъ, поднялъ вверхъ. Бѣжитъ къ водѣ, держа обѣими руками. Очутившись на берегу, прыгнулъ на средину рѣки. Отецъ молча смотритъ. Громко плачетъ мать. Разбивательницы шатровъ думаютъ: «Должно быть утонетъ въ водѣ!» Сильно ткнулъ копьемъ въ дно рѣки, въ крѣпкую землю. Повисъ на вершинѣ ра́товья [2]), скорчившись клубомъ. Пришелъ рѣчной ледъ, льдины задѣваютъ объ древко. Приходящія сверху тѣснятся у копейнаго дерева, но оно такъ крѣпко, что не могутъ сломать его. Еще стоитъ оно. Такъ что весь ледъ разошелся по берегамъ. Спереди копья сталъ собираться забо́й. Стѣснилась ледяная запруда. По льду можно ходить, какъ по твердой землѣ. Пригналъ стадо, спрыгнувъ на берегъ, выбралъ упряжныхъ оленей, загналъ ихъ въ изгородь [3]). Отправился за рѣку долгимъ поѣздомъ, перешелъ на другой берегъ и перегналъ оленей. Слабыхъ телятъ гонитъ вмѣстѣ съ му́улиномъ [4]), стадо бредетъ поодаль. Самъ остался сзади всѣхъ, выдернулъ копье и перескочилъ на берегъ, льды разошлись, рѣка пробѣжала по прежнему. Когда кончился переходъ, отецъ говоритъ: — «Како! ловокъ ты! Я въ молодости не былъ такъ ловокъ».

На будущій годъ двинулся въ кочевой путь на ранней зарѣ. Старикъ со старухой пошли въ стадо. Витязь лежитъ вдоль изголовья [5]), разбираетъ свой лукъ, тетиву снялъ и спряталъ въ мѣшокъ. Вышла жена изъ шатра и поспѣшно вбѣжала назадъ; говоритъ:—«Собирайся! Опять пріѣхали!» Много коряцкихъ молодцовъ. Воины привязываютъ оленей. Домъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. Одинъ изъ пріѣхавшихъ натянулъ лукъ, поставилъ поперекъ двери.—«Убью тебя!» говоритъ.—«Ну что же, убей!» Во время этихъ словъ выстрѣлилъ. Какъ только звякнула тетива, подскочилъ высоко вверхъ, у передней стѣны шатра опустился на ноги, побѣжалъ, подхватилъ стрѣлу, ударилъ стрѣлой по головѣ и убилъ, побѣжалъ къ другимъ, которые возились у саней, сталъ разбивать имъ головы. Всѣхъ перебилъ, только немногіе увидѣли издали и бѣжали. Собралъ упряжныхъ оленей, вошелъ въ шатеръ, говоритъ женѣ:—«Разбирай шатеръ! На коряцкихъ оленяхъ поѣдемъ къ своему стаду!» Пріѣхали къ стаду. Отецъ говоритъ:—«Опять что-то (случилось)!» —«Пожалуй!»—«Не будь такъ беззаботенъ! Берегись, убьютъ тебя!»—«О, нѣтъ! Если нападутъ въ расплохъ, могу даже голыми руками. Весьма великоумнымъ я сдѣлался». Отецъ качаетъ головой.—«Пусть по твоему!» Увидѣлъ однажды у сосѣдей борющихся ребятишекъ. Играетъ съ ними, борется съ мальчишками, катается въ снѣгу съ ребятами... Пусть! Бродитъ въ снѣгу по поясъ... Пускай! Сталъ каждый день возиться съ

---

[1]) Торбаса—обувь изъ оленьихъ ка́мусовъ, т. е. изъ крѣпкой шкуры, содранной съ оленьихъ ногъ. Чукчи для ходьбы надѣваютъ короткую обувь, запуская верхніе края подъ шнуровые раструбы шароваръ.

[2]) Ра́товье—древко.

[3]) Изгородь для поимки упряжныхъ оленей воздвигается изъ тѣсно сдвинутыхъ саней въ видѣ узкой и длинной подковы.

[4]) Му́улин—кочевой поѣздъ.

[5]) По передней стѣнкѣ полога кладутся два длинные узкіе мѣшка, набитые рухлядью и одновременно служащіе изголовьемъ и порогомъ.

дѣтьми. Куда пріѣдетъ, дѣти набѣгутъ гурьбой, свалятъ его въ снѣгъ и задавятъ! Пусть, пусть! Только снѣгъ отряхаетъ съ лица и изъ-за рукавовъ.

Много сосѣдей собрались къ Лучнику. Стали удлинняться дни. Пробудившись, отправился на зарѣ къ уединенной скалѣ, особо стоящей среди ровной земли. Большая круглая сопка высится надъ равниной. Съ нея спускается дорога къ сосѣднему стойбищу. Выше дороги густой темный лѣсъ, влѣво спускается русло горной рѣчки. Видитъ Лучникъ. Съ сопки спускается длинный рядъ ѣдущихъ на оленяхъ. Коряцкіе воины перебили сосѣдей и ѣдутъ къ этимъ стойбищамъ. Думаетъ умомъ: — «Отецъ правду говорилъ:—не нужно быть беззаботнымъ. Теперь пожалуй убьютъ меня. Жилище далеко, враги близко, а у меня только посохъ [1]) въ рукѣ!...»—«Что же, думаетъ, пусть спрячусь!...» Но развѣ я женщина? Зачѣмъ мнѣ прятаться? Если вернусь, какъ взгляну на отца? Да и безъ пользы. Если спрячусь, перебьютъ товарищей, а меня потомъ все же отыщутъ по слѣду. Побѣжалъ стрѣлою къ густому лѣсу, обогнулъ рѣчку, побѣжалъ прямо къ дорогѣ. Достигъ ихъ дороги, пересѣкавшей рѣку. Тепло на землѣ; весна! [2]) Пнулъ ногой дорогу, стала безснѣжной во всю длину. Покончивъ, побѣжалъ по надъ рѣкой. Прибѣжалъ въ укромное мѣсто, снялъ одежду, спряталъ въ тайникъ. Нагишомъ побѣжалъ навстрѣчу ѣдущимъ, ибо шумъ приближается. Легъ на безснѣжное мѣсто дороги, вытянулся во всю длину. Они выходятъ изъ лѣсу, передній увидѣлъ нѣчто лежащее: —«Что тамъ такое блеститъ, краснѣетъ?»—«Гдѣ!»—«Вонъ тамъ!»— Ну-ка, пойдемъ посмотримъ!» На безснѣжномъ мѣстѣ привязали оленей къ санямъ [3]), иныхъ опутали деревомъ. Всѣ говорятъ: — «Вмѣстѣ, вмѣстѣ пойдемъ!» Цѣлой грудой пошли къ нему, покинувъ оленей. Подошли.—«Мэй, это что? Силачъ издохъ!.. Эрмэчэнъ умеръ!.. Именно онъ и есть! Тотъ самый, кого мы такъ часто собирались навѣстить!»

Стали кругомъ на склонѣ скалы, дивуются. Вотъ вездѣ у него мясо. Мускулы самые желѣзные, толстые. Касается земли только икрами, задницей и плечами, ибо весьма толстомясъ. Ходятъ по краю скалистаго выступа.—«Умеръ таки онъ! Эрмэчэнъ умеръ!» Даже на членѣ у него мускулъ, толстое мясо. — «Ну, поѣдемъ! Мы и такъ позабавились. Поѣдемъ мы, замедлились здѣсь... Навѣстимъ скорѣе старика, его о т ч й ш к у! Убьемъ всѣхъ! Увидимъ кровь маленькихъ дѣтей!» Они уходятъ къ санямъ. По узкой дорогѣ идутъ рядомъ толпой. Еще не дошли до саней. Онъ тайкомъ поглядѣлъ на нихъ. Передній приблизился къ санямъ. Онъ поднялся на четвереньки и съ ревомъ побѣжалъ за ними вслѣдъ. Быстро бѣгаетъ на четырехъ костяхъ тымйдlка! [4]). Испугавшись покойника [5]), всѣ они убѣжали въ лѣсъ. Даже олени стали рваться. Гдѣ были ремни слабы, сорвались и убѣжали. Кричатъ повсюду люди, отъ страха плачутъ, убѣгаютъ домой пѣшкомъ. Санки изломаны, олени разбѣгаются въ разныя стороны. Проползъ на четверенькахъ до рѣчки, одѣлся, поймалъ пару оленей, поѣхалъ впередъ, заѣхалъ поперекъ дороги бѣгущимъ и сталъ ихъ избивать. Всѣхъ перебилъ поодиночкѣ. Окончивъ избіеніе, всѣхъ оленей собралъ, а было 60 коряцкихъ воиновъ. Собралъ оленей, какъ цѣлое стадо. Вытянулись санки очень длиннымъ поѣздомъ, ибо ихъ было такъ много, что дорога ихъ отъ передней до задней нарты протянулась черезъ всю рѣку и черезъ косу на рѣкѣ и ушла на гору и перевалила черезъ вершину... Пришелъ домой. Отецъ говоритъ: — «Что за диво? Опять?—«*Ы!*» — «Како! Неужели даже ножа не было? Голыми руками убилъ?»—«*Ы!*»—«Теперь можетъ быть коряки перестанутъ нападать!» И дѣйствительно, перестали.

Сообщено *В. Г. Богоразомъ*.

---

[1]) Короткій посохъ пѣшехода не длиннѣе обыкновенной трости, съ кружкомъ изъ оленьяго рога на концѣ.

[2]) Тепло по чукотскимъ понятіямъ. Весеннее тепло есть въ сущности 10—15 % мороза даже въ полдень. Ночью морозъ достигаетъ 40% C.

[3]) Останавливаясь въ пути на короткое время, оленей, особенно смирныхъ, привязываютъ возжами къ головкамъ саней.

[4]) Игра словъ: т ы м й д l к а l—и м ѣ ю щ і й б ы т ь у б и т ы м ъ, также ш у т н и к ъ, н а с м ѣ ш н и к ъ.

[5]) Страхъ передъ мертвецами, которые послѣ смерти обращаются въ злыхъ духовъ, произвелъ множество различныхъ предохранительныхъ обрядовъ при погребеніи.

Три сказки, записанныя въ Колымскомъ краѣ.

Сказка о Памфилѣ.

Былъ Индѣйскій король. Были у него двѣнадцать богатырей, самъ Памфилъ тринадцатый. Значитъ подобрались ростомъ недоростомъ (?) (дородствомъ), лицомъ и красотою, голосъ, волосъ, какъ одинъ человѣкъ. Потомъ, значитъ, по слухамъ есть у короля протуральскаго три вещи: кобель борзой, соколъ златокрылой, конь семиногой. Онъ своему королю говоритъ,—этотъ самый Памфилъ: — Что ваше королевское величество, я поѣду королю протуральскому, похвастать поѣду, эти три вещи возьму у него, хотя онъ въ честь даетъ и не въ честь даетъ.—Да,—говоритъ,—господинъ Памфилъ, много разъ доступали эти вещи, не могли доступить. Тебѣ-ли доступить?—Хорошо. Ну, однако сто Памфилъ нáперъ, сто поѣду,—говоритъ,—я.—Ну, король, значитъ, всё-таки какъ конечно надумалъ ѣхать, даетъ ему нѣсколько тысячъ войска. —Не нужно, ваше королевское величество, ваше войско; ваши труды втунѣ пропадутъ; а лучше, есть у меня двѣнадцать боевыхъ товарищей, я самъ тринадцатый,— достаточно,— говоритъ.— Снарадился, этихъ двѣнадцать своихъ товарищей (забралъ), самъ тринадцатый, обострожились, взяли орудія всякія, взяли шатры, пали на коней, поѣхали въ городъ. Недалеко разстоянія отъ городу до городу, пріѣзжаютъ къ этому протуральскому королю. Недоѣзжая его городу, стоитъ за городомъ садъ. У этомъ саду вечеромъ поздо всѣ они остановилися и поставили тринадцать шатровъ, бѣлыхъ, полотняныхъ. Преспокойно люди нихто въ городѣ не знали, они какъ поѣхали, расположилися спать. Поутру стаетъ король, выходитъ до вѣтру на крыльцо и смотритъ черезъ заплотъ, и увидалъ эти сатры и удивляется надъ этими сатрами. —Что такое, откуль такое приступленіе и сдѣлалося, откуль этакіе шатры незнамые? Неужели изъ какой земли приступленіе дѣлаютъ?—разсуждаетъ, стоитъ. Обратился назадъ въ свой чертогъ, посылатъ своего министра думнаго спросить, именно каки они люди? Цари-ли царевичи, короли-ли королевичи или сильные могучіе богатыри, или изъ какихъ земель грозный посолъ, или на моихъ дочерей свататься? — Сейчасъ обратился министръ, перевернулся къ этимъ шатрамъ. Всѣ стоятъ радомъ, Памфиловъ передній, —на него и натакался прамо. Спрашиваетъ у него Памфилъ:—Што зачѣмъ ты пришелъ?—Онъ ему отвѣчаетъ:—Царь протуральскій осмѣлется спросить: кто вы такіе, царь-ли царевичь, король-ли королевичь, или сильные могучіе богатыри, иль изъ какихъ земель грозный посолъ, или на моихъ дочерей свататься?—Рѣчь кончилъ министръ, онъ сейчасъ хлестнулъ его въ щеку и въ другую. Отвѣчаетъ ему Памфилъ:—Отвѣчай ты своему королю протуральскому: я ни царь ни царевичь, ни король королевичь, ни сильные могучіе богатыри, ни изъ какихъ земель грозный посолъ на его дочерей свататься. Вы однако, слыхали,—говоритъ, что я сущій самый вотъ Памфилъ и пріѣхалъ у тебя три вещи взясти: кобеля борзаго, сокола златокрылаго и коня семиногаго. Такъ и кланься! — Приходитъ, обращается министръ своему королю Протуральскому и объясняется, что онъ это ему наказалъ. Собираетъ онъ весь свой сенатъ и сочиняетъ совѣтъ, что будемъ дѣлать, что такое приступленіе хотятъ дѣлать. Потомъ сколько совѣтъ у нихъ былъ, никакое приложеніе не могъ сдѣлать. Этотъ самый министръ ему и присовѣтовалъ, что, ваше царское величество, вотъ какъ сдѣлаемъ: выборонимъ землю и изловимъ ихъ родѣ западневъ и закроемъ ихъ сверху и хрущатымъ пескомъ засыплемъ. Куды онъ долженъ дойти? — Значитъ сенатъ и король на его мнѣніе положилъ такъ сдѣлать. Сейчасъ распорадились, надѣлали западни, наспущали ихъ по этымъ западнямъ и засыпали ихъ хрущатымъ пескомъ. Ну,

сохранили; дѣло это осталось до вечера, до положеннаго врэмя ложиться спать, всѣ городу улеглися. Тамъ онъ, значитъ, разузналъ по часамъ, какъ ему врэмя собираться.— Что,—говоритъ,—товарищи, коней захватайте и засѣдлайте, поѣдемъ королю гости.— Товарищи его, значитъ, что онъ приказываетъ, все исполняютъ, какъ онъ надъ ними старшій.

Сейчасъ коней поймали и обсѣдлали. Пали на лошадей, пріѣхали самой дворъ. Стоялъ часовой. Онъ сейчасъ съ лошади спустился. Нѣкакъ ему воротами войти. Черезъ заплотъ перелѣзъ. Сейчасъ тотъ разъ вытащилъ пистоль, часовому хлопъ, пулю въ лобъ и убилъ его тутъ.

Ворота отперъ, сотоварищей своихъ всѣхъ впустилъ: въѣзжайте, сотоварищя! Сталъ ходить по двору; ходилъ и ходилъ, узналъ, гдѣ конь семиногой, какъ плюнулъ. Сказалъ:—Што ребятушки, ройте, копайте, здѣсь конь семиногой. Сейчасъ товарищи его вырыли эту западню и достали коня. Потомъ походилъ по двору и узналъ, гдѣ кобыль борзой западнѣ. — Что,—говоритъ, — здѣсь копайте! — И товà вытащили. Потомъ походилъ по двору и нашелъ, гдѣ соколъ златогривой, и его достали. — Ну, сто ребятушки, мои сотоварищи, намѣреніе было украсти эти три вещи, — мы ихъ достали. А какъ же мы должны такъ ѣхать? У короля во дворѣ погуляли, а у самова не побували. Ну,—говоритъ,—вы ребятушки меня здѣсь подождите, а я схожу къ королю, что онъ,—говоритъ,—дѣлатъ, чѣмъ занимается? И пошелъ по всѣмъ заламъ, послѣдній кабанетъ пришелъ: въ сторонѣ спальня. Само у дверей свѣтъ горитъ; само у дверей сидитъ сказельникъ сказку сказыватъ королю, въ тотъ разъ само угодилъ. Тотъ разъ, значитъ, сказельникъ хотѣлъ скричетъ, не успѣлъ скричеть, онъ тотъ разъ щелкнулъ его въ лобъ и убилъ его сразу. Сидѣлъ сказельникъ на сохвѣ, онъ сейчасъ сказельника подъ сохву: на то мѣсто сялъ самъ. Тотъ разъ, значитъ, король уснываетъ, вдругъ какъ тамъ что сселкнуло, онъ пробуждается.—Чего,—говоритъ,—ты не сказываешь? Ты берошь плату. —Да что, — говоритъ, — ваше царское величество вы заснули, я, — говоритъ, — замолчелъ. Што, — говоритъ, — ваше королевское величество, я вамъ новую сказку скажу. — Ну, сказывай! — Ладно. — И сталъ онъ сказывать про себа самъ, какъ пріѣхалъ, какъ министръ булъ, какъ вещи укралъ, все сказыватъ, а король дремлетъ, ему все не въ память. Наконецъ товà король крѣпко уснулъ, онъ вышелъ, пришелъ своимъ сотоварищамъ, пріѣхалъ своимъ шатрамъ. Шатры скатали, склали на лошадей, тамъ побѣжали своему королю и эти вещи у нихъ съ собой. По утру король всѣ въ городу стали, хватилися, западни всѣ вырытыя и вещи нѣту. Сто будемъ дѣлать? Король опять весь свой совѣтъ собралъ, что Памфилъ эти три вещи укралъ. Войско послать, страженіе дѣлать, только.—Этотъ министръ говоритъ:—Нѣтъ, ваше царское величество, напишите лучше почту королю индѣйскому, что вотъ дескать вашъ человѣкъ мои вещи укралъ, пусть предоставитъ; а если не предоставитъ, тогда можно страженіе дѣлать.—Сейчасъ король, значитъ, на его мнѣніе опять дался, сейчасъ почту написалъ, направлятъ. Король индѣйскій получилъ почту.—Твои люди ѣздили, вещи обратить! а если не обратите, то стражаться будемъ. Принялъ почту и читаетъ. Тотъ разъ Памфила не былъ. Вдругъ является, входитъ въ его кабонетъ.— Да что,—говоритъ,— ваше царское величество, что это читаешь?—Да вотъ,—говоритъ,—что послано отъ короля протуральскаго, посмотрите, что написано.—Взялъ съ его руки, осмотрѣлъ бумагу. Сейчасъ на той бумагѣ на оборотѣ отписывается:—Моего короля не задѣвай, онъ не причемъ. Я у твоего короля булъ, самъ ѣздилъ, самъ укралъ три вещи, самъ буду, съ тобой расплачуся. Только не назначилъ, которо врэмя ему быть, какой день. Тотъ, значитъ, обращается назадъ. Значитъ, король запечалился. — Ахъ,—говоритъ, — Памфилъ, теперь ты поѣдешь, живъ не будешь; а возьми лучше нѣсколько тысячъ войска.—А не нужно, ваше царское величество; попустому избить. Которые мы ѣздили, тѣ же самые мы и поѣдемъ. — День сподоблялись, и другой и третій, выѣхали, поѣхали къ этому королю протуральскому, гдѣ они первый разъ останавливались саду: томъ же мѣстѣ остановилися. Нихто ихъ не видалъ и не слыхалъ, вечеромъ поздно тоже и разставили тринадцать шатровъ бѣлыхъ полотняныхъ. По утру король стаетъ, выходитъ до вѣтру, смотритъ черезъ заплотъ, опять усомнился: хто такіе? Царь-ли царевичъ, король-ли королевичъ, или сильные могучіе богатыри, или изъ какихъ земель грозный посолъ,

или на моихъ дочерей свататься? Приходитъ этотъ министръ, на него же опять натакался. Спрашиваетъ: — Чего министръ, почего пришелъ? — Отвѣчаетъ: — Король протуральскій осмѣлиется спросить, кто вы таки: — Царь-ли царевичъ, король-ли королевичъ или сильные могучіе богатыри, или изъ какихъ земель грозный посолъ, если на моихъ дочерей свататься? Какъ объяснился, сейчасъ Памфилъ его въ щеку и въ другую. Кланяйся, министръ, своему королю дураку: я ни царь ни царевичь, ни король ни королевичъ, ни сильный посолъ на его дочерей свататься. Я тотъ самый сущій Памфилъ, что три вещи укралъ. пріѣхалъ эттэка съ тобой расплатиться, — Вотъ какъ похвастывать. Ушелъ, своему королю, объяснился:—Что,—говоритъ,—я тотъ самый сущій Памфилъ, который три вещи укралъ.—Что же дѣлать, что же дѣлать, что же дѣлать?—Стали совѣтувать, стали совѣтувать, стали совѣтувать. Войско послать—что значитъ они сами на себа каку надежду имѣютъ, войско не состоитъ. Что же дѣлать? Какой предлогъ? Стали совѣтувать. Этотъ же министръ тоже даетъ ему совѣтъ:—Ваше королыское величество, вотъ что сдѣлаемъ: у тебя есть три дочери. Пусть твоя старшая дочь сдѣлается, какъ именинница и позовемъ ихъ на завтрашній день на закуску, не можетъ-ли она его признать. — Она була знатливая. — Больше никакое мнѣніе не могу признать. А только такъ возможно, какъ бу его признать и захватить. Король на его мнѣніе положился, такъ-то и сдѣлалъ. Сейчасъ. значитъ, по утру встаютъ, собираютъ со всѣхъ сторонъ съѣздъ и министръ, значитъ, пошелъ по этихъ людей. Объясниться:—Проситъ васъ королыская дочь,—сегодня день анделя ея,—поздравить!—Хорошо, съ полнымъ удовольствіемъ сейчасъ ѣдемъ. Што, ребатушки, хватайте лошадей, обсѣдлайте,—насъ въ гости зовутъ!—Сотоварищи сейчасъ лошадей поймали, обсѣдлали, разное вооруженіе, какое було, похватали, пали на лошадей и пріѣзжаютъ прамо во дворъ. Спустилися съ коней, коней не связали и не приказали, пустили на волю. Сами обращаются, вохоцятъ. Сейчасъ принимаютъ, стрѣчаютъ ихъ, садятъ ихъ всѣхъ ширинкой радомъ, а онъ, значитъ усѣлся въ самое страдину. Это сейчасъ дѣвушка и стала угощать. Разъ обнесла, не могла прознать; третій разъ, значитъ, обнесла и признала, что онъ въ самой серодкѣ сидитъ; четвертый разъ черезъ его плечо стала подавать и успѣла на затылокъ серебраной волосокъ приплести. Онъ не слыхалъ и товарищи не видали. (Вотъ ужъ хитра!) Нѣсколько врэма сидѣли, бесѣдовали, потомъ стали изъ-за стола, Богу помолились, хлѣбу-солю поблагодарились. сяли по мѣстамъ.—Сто, господа, можно-ли до вѣтру сходить, провѣтрить самыхъ себя.— Да можно.— Сейчасъ вышли всѣ тринадцать человѣкъ. Вошли во дворъ и за дворъ. Говоритъ има Памфилъ:—Что, робатушки, посмотрите меня на округъ, нѣтъ-ли какой примѣты?—Сейчасъ товарищи на него взглянули, нашли у него на затылкѣ серебраной волосокъ приплетенный. — Да,— говоратъ,— есть на тебѣ замѣтка, чего прежде не бувало. серебраный волосокъ.— Это,— говоритъ,— ребатушки, пустое.— Взялъ по головкѣ ихъ погладилъ: у всѣхъ по серебраному волоску. Сейчасъ обратилися, вошли, сяли по мѣстамъ, пенковыя трубки попыхали. Сказали, что можно расходиться.— Да, можно,— говоритъ. Что,— говоритъ,— другъ любезный, котораго ты признала, подходика.— Сейчасъ дочь подходитъ и говоритъ има:—Что, господа,— говоритъ,—станьте всѣ радомъ, я васъ осмотру. Сейчасъ со свѣтомъ посмотрѣла: у всѣхъ по серебраному волоску. Потерала. Какъ она его найдетъ!—Да,—говоритъ,—папаша, хотя я его и признала. а онъ, значитъ еще мудронѣе меня.—Сейчасъ это середняя дочь говоритъ:—Что,—говоритъ,—господа, я завтра именинница, просимъ покорно!—Хорошо,—говоратъ.—За кресты и вонъ пошли. Сейчасъ вышли, пали на лошадей. пріѣзжаютъ къ своимъ шатрамъ; лошадей разсѣдлали, отпустили, сами расположились на спокой. По утру стали, врэма настало. сейчасъ стали съѣзжаться, собираться. Послали министра. Говоритъ:—Врэма настало. проситъ васъ королыска дочь побесѣдовать.—Хорошо, сейчасъ.—Сейчасъ лошадей товарищи обсѣдлали, всю свою сбрую собрали, пали на лошадей и пріѣзжаютъ ко королю во дворъ. Спустилися съ лошадей. лошадей не приказали, не связали. Вохоцятъ. Эта именинница ихъ и стречатъ, эта дѣвушка. Садятъ ихъ опятъ радомъ ширинкой. Онъ, значитъ, между двумя человѣками третій на краю сялъ. Эта дѣвушка стала опятъ ихъ угощать. Разъ обнесла, два обнесла, третій разъ его узнала, что гдѣ онъ. На четвертый разъ черезъ него понесла подавать и на тотъ разъ успѣла на самое чимо золотой волосокъ приплести. Онъ не слыхалъ и товарищи не видали. Нѣсколько врэма

они бесѣдовали, бесѣдовали, потомъ, значитъ, стали изъ-за стола, Богу помолились, хлѣбу-солю поблагодарились, сяли по мѣстамъ.—Ну, што робатушки, нужно до вѣтру сходить!—Сейчасъ вышли во дворъ и за дворъ.—Што, робатушки, посмотрите на меня нѣтъ-ли какой примѣты на мнѣ?—Товарищи сейчасъ зглянули на голову, увидѣли: на головѣ золотой волосокъ приплетенный.—Да, говорятъ,—есть у теба замѣтка, золотой волосокъ приплетенный.—Это,—говоритъ,—робатушки, пустое.—Взялъ, по головкѣ ихъ погладилъ, у всѣхъ по золотому волоску. И назадь обратились. Сяли по мѣстамъ, трубки пенковы попыхали.—Нутка што дочка любезная, подходи, котораго ты признала. Сейчасъ подошла,—сидятъ всѣ рядомъ,— глаза обвела да, у всѣхъ по золоту волоску.—Да,—говоритъ,—батюшка любимый, признала да не совершенно. Я мудрена, а онъ еще мудронѣй.—Ну, значитъ, пали на лошадей, пріѣхали къ своимъ шатрамъ, лошадей распустили, сами расположились. Сейчасъ дочь младшая подходитъ.—Что батюшка любезный, пускай завтрашняго числа я именинница; созовемъ ихъ.—Ну,—говоритъ,—дочь любезная, постарайся! Ты не признаешь, намъ никакъ его ни поимать.—Поутру, значитъ, эта дѣвушка обострожилась, такое мнѣніе положили, что севодни день сеянаго анделя. Созвали съѣздъ, собрали сборъ, сейчасъ посылаютъ этого самого министра.—Королевская дочь, сегодня день ея анделя, поздравить, побесѣдовать.—Сто же, товарищи мои, можно-ли ѣхать?—Ну,—говорятъ, твое какъ мнѣніе.—А не ѣхать нельзя. Они своей хлѣбомъ солемъ не дорожатся, и мы какъ умомъ станемъ дорожиться. Ѣхать надо, отказаться нельзя.—Сейчасъ товарищи коней поймали, осѣдлали, всю сбрую собрали, пали на лошадей и пріѣзжаютъ ко королю во дворъ. Спустилися съ лошадей, коней не связали, не приказали, воходятъ. Стрѣчаетъ ихъ дѣвушка съ честью и съ радостью. Сейчасъ садятъ ихъ радомъ. Онъ сѣлъ на край, на послѣдній стулъ. Значитъ, дѣвушка (въ) первой пошла отъ нутреннаго конца, до дверей дошла, сразу его признала, что онъ, значитъ, на послѣднемъ стулѣ сидитъ. Какъ разъ какъ плюнула. Разъ обнесла, второй разъ обнесла и въ третій черезъ его плечо стала подавать и успѣла тоненькую булавочку подъ рубашешной воротникъ подсунуть. Что онъ не слыхалъ, товарищи не видали. Нѣсколько времени бесѣдовали; отбесѣдовали, стали изъ-за стола, Богу помолилися хлѣба-соли поблагодарились, разговоръ поимѣли. Сякое разное. Вышли во дворъ и за дворъ.—А что, робатушки, посмотрите на меня, нѣтъ-ли какой замѣтки?—Стали смотрѣть, стали искать, чисто ничего найти не смогутъ. А онъ знаетъ, что есть замѣтка.—Ну,—говоритъ,—робатушки, знаю, что есть замѣтка на мнѣ; только незнаю а-гдѣ. Ну,—говоритъ,—робатушки мои, тепера, значитъ, я попался; меня,—говоритъ,—захватаютъ и сразу меня посадятъ въ тюрмищу. Завтрашной день меня будутъ казнить; а я—говоритъ,—васъ оправдаю. Я,—говоритъ,—васъ оправдаю. Вы,—говоритъ,—поѣзжайте, шатры скатайте, уѣдьте, дальше этого мѣста есть садъ, тамъ расположитесь, сатры раскиньте, коней распустите, сами расположитесь на роздыхъ. Завтрашнаго дня числа въ такомъ-то часу слушайте: можетъ буть въ двѣнадцать часовъ для счастя моего заиграютъ въ рожокъ. Заиграютъ,—говоритъ,—въ рожокъ, въ тотъ разъ вы коней поимайте и и обсѣдлайте. Второй разъ черезъ короткое врэма заиграютъ въ рожокъ, вы,—говоритъ,—садитесь на лошадей, пріѣзжайте подъ самый городъ заплотъ. Потомъ,—говоритъ,—слушайте, можетъ, третій разъ заиграютъ во рожокъ, вы,—говоритъ,—перескакивайте черезъ заплотъ. Кто,—говоритъ, вамъ попадется, сѣките и рубите и палите (Значитъ, все тутъ у нихъ будетъ). Тотъ разъ я сумѣю, что сдѣлать тогда; только не робѣйте.—Хорошо. Значитъ вошли, сяли, нужно расходиться.—Ну что,—говоритъ,—другъ любезный, котораго ты признала?—Сейчасъ она глазъ обвела, признала его и на него плюнула. Сейчасъ король подходитъ:—Ты-ли,—говоритъ, Памфилъ?—Я-то и есть самой сущій.—Ты-ли, говоритъ,—три вещи у меня укралъ?—Да.—Сейчасъ его захватали.—Ну что, ваше королевское величество, я передъ вами виноватъ, воля ваша власть, что хотите, что знаете, изъ меня дѣлайте. Но только товарищевъ моихъ распустите. Они невиновны ни къ чему; я надъ ними старшій, что прикажу, то и дѣлаютъ. Ты надъ своимъ сенатомъ тоже старшій, что прикажешь, то и дѣлаютъ; тоже и я.—Тутъ разсудили:—Да, дѣйствительно такъ; можно ихъ и распустить.—Сейчасъ онъ съ ними распростился на вѣчную жисть. Товарищи его пали на лошадей и поѣхали; а его значитъ, забрали въ тюрьму. Товарищи его сейчасъ пріѣхали въ садъ, шатры сняли, ска-

тали; уѣхали. Пріѣхали на то показанное мѣсто. Сейчасъ лошадей роспустили, шатры поставили, расположилися на спокой. Утро, день сталъ, собралъ весь свой сенатъ, дѣлаетъ предложеніе, какую же ему смерть, казнь доспѣть? Не могли сказать, предложенія сдѣлать. каку ему смерть сдѣлать, каку касть. Этотъ министръ и говоритъ:—Ваше царское величество, надо у него спросить, какую онъ себѣ смерть, касть желаетъ, ту и предадимъ.—Такъ-то и есть можно спросить. Поди же ты, министръ, спроси же у него, какую себѣ смерть пожелаетъ. — Сейчасъ министръ подходитъ къ оконечку и назвалъ его: — Памфилъ?—Я за него. Что тебѣ нужно?—Король объясняется, осмѣливается у васъ спросить, какую себѣ смерть, касть желаете? Ту и предадимъ.—Если король объясняется, спрашиваетъ, какую смерть касть,—благодаренъ считаюся. Я объяснюсь. Кланяйся королю протуральскому и сказывай:—Очень я благодаренъ и очень я радъ. У себя,--говоритъ,—во дворцѣ среди двора пусть поставитъ столбы золотые и пусть повѣситъ петлю золотую, вторую рэль пусть поставитъ столбы серебраные и повѣситъ петлю серебраную, третью рэль, столбы були бы простые, петля пеньковая. Желаю я на трехъ казняхъ казниться. Первая рэль не удѣржитъ, вторая и третья удѣржитъ меня.— Ну, хорошо. Приходитъ министръ, объясняется своему королю. Сейчасъ распорадились сдѣлать три казни, три рэли, по его словамъ сейчасъ исправили, какое врэма сейчасъ пошли, вывели его изъ тюрьмы. Ведутъ его на первую рэль на золотую, онъ не говоривши ни слова, ни рѣчей, идетъ къ рэли и не ослѣдившись, восходитъ на лѣстницу; три ступени ступилъ, и сказалъ:—Ваше царское величество, лишенія бѣла свѣта позвольте на одну просьбу мою. Когда я молодъ булъ очень, очень я охоту имѣлъ. Позвольте меня стаканъ меду подать, рожокъ заиграть. Кого люблю, того рожкомъ подару.—А некогда, - говоритъ, - тебѣ Памфилъ врэма провождать и игру сочинять. Ступай, куда принадлежитъ.—Стала старшая дочерь просить: — Батюшка, пусть игратъ, кака есть игра, въ рожокъ, а мы послушаемъ. Тепера онъ въ нашихъ рукахъ; куда же долженъ онъ сбѣжать?--Не гля онъ Памфила, а въ уваженіе дочери позволилъ онъ ему сыграть во рожокъ. Сейчасъ поднесли ему стаканъ меду. Выпилъ вытащилъ изъ карману рожокъ и заигралъ и такъ заигралъ, что по всей сендухѣ [1]) разнеслось. Такъ этымъ дѣвушкамъ эта пѣсня поглянулася. Ахъ, думаютъ, кабу онъ поигралъ больше. Ну поигралъ, пересталъ. Товарищи его коней поймали, обсѣдлали. Потомъ передь на три ступени ступилъ, опеть остановился.—Что ваше царское величество, уважьте мою послѣднюю просьбу, прикажите стаканъ мёду подать и въ рожокъ заиграть. Кого люблю, того рожкомъ подару.—Некогда тебѣ, Памфилъ, врэма продолжать, игру сочинять. Иди, куда принадлѐжитъ. — Сейчасъ это середняя дочь стала просить: — Батюшка, не гля его, а гля меня пусть игратъ. Онъ теперъ въ нашихъ рукахъ. Куда уйдетъ?—Не гля Памфила, гля дочери уважилъ. Подали ему стаканъ меду и въ рожокъ заигралъ. Проигралъ игру, а товарищи услыхали, пали на лошадей, подъ самой подъ заплотъ пріѣхали въ городъ. Нихто ихъ не видалъ. На послѣднюю ступню ступилъ, остановился:—Что ваше царское величество, хочу проститься съ бѣлымъ свѣтомъ, со всѣми вами, съ друзьями пріятелями (въ) послѣдній позвольте рожокъ поиграть. Кого люблю, того рожкомъ подару. Не гля уваженія Памфила, гля уваженія дочери.—Ну, дочь любезная, для теба, какъ ты есть признала.—Умножился породъ во дворѣ, великъ, широкъ, сталъ полонъ. Смотрать этта на него, какъ онъ казниться станетъ. Поднесли ему стаканъ сладкаго напитку; выпилъ; рожокъ досталъ, заигралъ. Только заигралъ, товарищи его перескочили заплоты, эту армію давай сѣкти и рубить. Только крикъ и ревъ пошелъ. Король испужался, что такое, во всѣхъ мѣстахъ люди кричатъ. Онъ сей часъ съ рэли спустился. Тотъ разъ онъ скочилъ съ рэли. Король услыхалъ такой крикъ, онъ растерался. Между тѣмъ Памфилъ подходитъ къ нему.—Что ваше корольское величество, что ты стоишь? Послушай-ка, какъ мои воробьи твою синицу стали клевать.—Закричалъ онъ такимъ страшнымъ голосомъ: — Эхъ, робаты, мои воробьи, подъѣзжайте ка сюды!—Товарищи его услыхали, подъѣхали.— Ну, спущайтесь съ лошадей, короля вѣшайте на золоту рэль, королевну на серебраную министра на пеньковую.—О, сейчасъ это дѣвушки его на округъ захватали, стали со слезами его просить, что не вѣшать, ни казнить,—ну, хорошо дѣвушки, развѣ для васъ,

[1]) Поле, пустыня.

выпросите. Я, дѣло приходилось, вы тоже упрашивали, и я васъ тоже уважу, только не такъ. Што ваше королькое величество думаете, я сейчасъ то округу твою всю иcплѣню, духу вашего не будетъ. Живо съ тобой распорадюся. Наставлю своимъ воробьямъ прамо синицу всю исклевать за то, што ты поступилъ со мной не честно. Ну, съ тѣмъ соглашуся, дай мнѣ такое заключеніе, запись, пойдешь-ли въ подданство. Если пойдешь, дай мнѣ заключеніе запись, я предоставлю её своему королю Индѣйскому. Будешь-ли платить кажной годъ моему королю индѣйскому по мильёну въ годъ. Если дашь заключеніе, то не буду тебя плѣнить, а не дашь, сейчасъ, — говоритъ, — исплѣню. — Ну, подумалъ, подумалъ король Протуральскій, что никакой огненный бой готовой нѣтъ, ничто не обострожено, — исплѣнятъ. Что лучше же идти въ подданство, дасти такое заключеніе—кажной годъ по мильену въ годъ. Далъ заключеніе письменное платить, посылать кажной годъ по мильёну, взялъ всѣхъ въ одинъ кругъ, подданство заключилъ и все положилъ мнѣніе, дань отобралъ. Оставилъ ихъ. Садятся на лошадей, были да нѣту. Пріѣзжаетъ королю индѣйскому, что цѣло царство на кругу подъ подданство привелъ. Съ этой радости царь выдалъ за него дочь и послѣ его смерти долженъ онъ буть ему наслѣдникомъ. Конецъ.

Записано въ Похазской деревнѣ по рѣкѣ Колымѣ отъ мѣщанина *Ивана Кузакова*.

Диво.

Жилъ былъ московскій купецъ и захотѣлъ онъ поѣхать въ иностранскіе города, за далекія моря свой товаръ показать, и чужой товаръ накупить.

Було у него три дочери и жена. Одна дочь говоритъ.—Привези мнѣ, батюшка, гостинецъ: золото кольцо на мизинецъ! Другая говоритъ:—привези мнѣ, батюшка, сдѣлай ласку, золоту парчеву повязку! - Третья дочь говоритъ:—привези мнѣ, батюшка, обновку, шелковой платокъ на головку,—а жена говоритъ:—привези мнѣ диво. Поѣхалъ онъ, пріѣхалъ въ иностранскіе города, за далекія моря, свой товаръ попродалъ, чужой накупилъ. Дочерямъ купилъ, первой дочери гостинецъ, золото кольцо на мизинецъ, другой ласку, золоту парчеву повязку, третьей дочери обновку, шелковый платокъ на головку. Хочетъ домой ѣхать, вдругъ вспомнилъ:—Жена просила привести диво.—Гдѣ я возьму? надо сыскать!—Идетъ по улицѣ: навстрѣчу ему человѣкъ: на всемъ кафтанѣ на округъ мѣста нѣту, куды перстнкомъ ткнуть, все кругомъ заплатки. - Здравствуй,—говоритъ Московскій купецъ!—Здравствуй, господинъ заплаточникъ!—Когда домой путь держишь? Да вотъ совсѣмъ собрался, да жена просила привезти къ ней диво!—По городу хожу, его ищу:—Да,—говоритъ,—вамъ нужно?—Какже, говоритъ,—нужно!—Ну пойдемъ ко мнѣ! Пошли они, пришли въ его домъ, поклоны иконамъ отдали, поздоровались.—Ну, говоритъ,—что, жена? ужна готова?—Какже, готова.—А гуся на жаркое жарила?—Какже, жарила!- Ну сядемъ за столъ!—Сяли за столъ, поужнали. Приносятъ гуся на железной сковродѣ, а гусь не рушеной, а гусь не кроеной—только шерсть то на немъ нѣту.

Взялъ хозяинъ ножичокъ, въ разныхъ мѣстахъ искрошилъ его, положилъ на сковроду.—Ну, говоритъ,—гостю: «ты»—Гуся то ѣшь, косточки объѣдай, а косточки не ломай, самъ на столъ всѣ клади!»—Ну хорошо. Съѣли они гуся всего, косточки на столъ положили.—Ну, говоритъ, ты хотѣлъ диво,—вотъ тебѣ диво!—А!—говоритъ московской купецъ,—какое это диво? У насъ самихъ кормлёнки много. Бываютъ гуси на Святой Руси!—Нѣтъ,—говоритъ,—бываютъ гуси и гуси!

Сдернулъ онъ скатерть за углышекъ, косточки на полъ сбросилъ, гусь закричалъ, да пошелъ.—Охъ,—говоритъ,—вправду это диво, нельзя-ли мнѣ купить?—можно!—говоритъ! — А чего стоитъ? — Триста рублей.—Вынулъ этта московской купецъ деньги, расплатился. - Ну! говоритъ заплаточникъ, господинъ гусь! Вотъ тебѣ новый хозяинъ! ты за нимъ иди! Чего станетъ приказывать, ты слушайся!

Ну хорошо. Пошелъ московской купецъ домой, гусь за нимъ. Пришелъ домой, на утро встали, пали на карабь, побѣжали. Пришелъ купецъ домой, дочерямъ отдаетъ подарки, женѣ ничего.—Ахъ,—говоритъ жена—другъ любезной, ты какъ мнѣ ничего не

привезъ? — Нѣтъ, — говоритъ—ты просила привезти тебѣ диво—вотъ тебѣ диво.—Это какое диво.— Гусь? У меня самой кармленки много. Бываютъ гуси на святой Руси! — Нѣтъ!—Говоритъ,—бываютъ гуси и гуси!.. Что,—говоритъ,—печка горячая?—Только, говоритъ, истоплена!—Эй,—кричитъ,—гусь! ступай въ кутъ! Пошелъ гусь въ кутъ.— Эй, гусь! ложись на сковородку! Гусь сейчасъ ножки да крылышки свернулъ, лягъ.— Поставьте его въ печку!—Поставили его въ печку, жена и говоритъ.—Ой, другъ любезной! вѣдь онъ съ шерстью, будетъ отъ него смрадъ!—Не твоя забота!—говоритъ—никакой смрадъ не будетъ!

Сяли обѣдать; пообѣдали. На послѣдяхъ говоритъ:—«принесите гуся!» Принесли гуся па желѣзной сковродѣ. Вотъ гусь некроеной, вотъ гусь нерушеной, только шерсть на ёмъ нѣту. Взялъ онъ ножичокъ, изрѣзалъ гуся, по всѣмъ мѣстамъ.—Ну,—говоритъ, гуся ѣшьте. косточки объѣдайте, а косточки не ломайте, а всё на столъ кладите!— Поѣли они гуся, онъ скатерть за углышекъ со стола сдернулъ, гусь закричалъ да пошелъ; Жена въ ладушки захлопала. Правда,—говоритъ,—диво! да и великое диво!— Ну,—говоритъ,—гуся береги, да не всякому про него сказывай!

Ну ладно. А покамъ купецъ ѣздилъ, былъ у этой бабѣ заведеной дружокъ. Купецъ въ лавку пошелъ, дружокъ на порогъ. Сяли они, стали разговаривать.—Ну,— говоритъ,—какой мужъ тебѣ гостинецъ привезъ?—Гостинца говоритъ не привезъ, а привезъ мнѣ диво?—А какое диво?—А вотъ—говоритъ,—ходитъ гусь.—Какое это диво? У насъ у самихъ кормленки много. Бываютъ гуси на святой Руси!—Нѣтъ,—говоритъ,— бываютъ гуси и гуси А этотъ,—говоритъ,—гусь, самъ на сковородку ложится, самъ и жарится, послѣ ѣды цѣлой бываетъ!—Можно ли повѣрить това?—говоритъ молодецъ!— никто не повѣритъ!—Она увѣрать, она увѣрать. Онъ не вѣритъ.—А ну,—говоритъ,— покажи, какъ это онъ самъ на сковороду ложится, самъ и жарится, послѣ ѣды цѣлой бывать!—Вотъ она не долго думала, вышла на кухню.—Эй, гусь!—кричитъ,—ступай въ кутъ!—Гусь сидитъ. Въ другой разъ кричитъ:—Эй, гусь!—Ступай въ кутъ!—Гусь сидитъ Въ третій разъ кричитъ:—Эй гусь! ступай въ кутъ!—Гусь сидитъ.—Оскорбилась она на гуся, схватила сковородникъ—рука прильнула къ шеѣ, руки къ сковороднику.—Ой— кричитъ, другъ любезной! Чего-й-то сталось; иди, отдѣляй руку!—Пришелъ молодецъ, сталъ отдѣлять и самъ прильнулъ! Кликнулъ своего холопа.—Иди!—Кричитъ,—отдѣляй руки!—Пришелъ холопъ и тоже прильнулся. Повернулся гусь. пошелъ на дворъ. Они упираться. Нѣтъ, братъ, не тутъ то було! Такъ и тащитъ. Вытащилъ ихъ на дворъ, потащилъ ихъ по улицѣ, близъ лавку дошелъ, закричелъ. Купецъ услышалъ.—Ой!— Говоритъ,—это мой гусь кричитъ!—Вышелъ, посмотрѣлъ, а гусь ихъ всѣхъ тащитъ— Гусь!—Кричитъ,—поворачивай домой!—Поворотилъ гусь домой, привелъ ихъ въ домъ, купецъ за нимъ. Дверь на запоръ.—Гусь!—кричитъ,—распусти! Сковородникъ упалъ и руки отстали.—Ну, молодецъ! Говоритъ купецъ—ты почего пришелъ?—Съ вами повидаться!—Какъ это повидаться? Ходишь ты безъ меня, какъ это чужія рѣдкости смотришь?—Вынулъ отъ плеть, сталъ гостя охаживать, колотилъ, колотилъ, его отпустилъ, за жену принялся. Ее такъ угостилъ, что она три мѣсяца немогла. Съ той пары баба ужъ боялась гусю слова сказать.

Записана въ д. Каретовой на нижней Колымѣ отъ мѣщанина *Михайла Кулдаря*.

Морской поскакунчикъ.

Живали, бывали старикъ со старухой. У нихъ два сына. Большой сынъ-отъ большой сталъ. Отецъ заставилъ его топоръ точить. Тотъ топоръ точилъ, точилъ, брусъ переломилъ. Брусъ переломилъ; началъ отецъ его бить пальменнымъ [1]) ратовьемъ. До рукъ выломалъ ратовье. Этотъ сынъ его со злости меньшому братишку сталъ лучокъ, да тамарчикъ дѣлать. Лучокъ да тамарчикъ доспѣлъ. — Если ты тосковать станешь, этимъ лучкомъ да тамарчикомъ стрэляй! — Самъ пошелъ. Шелъ, шелъ, долго-ли, ко-

[1]) Пальма, короткое копье.

ротко-ли, вечеръ сталъ. Меньшой парнишко заплакалъ. Отецъ говоритъ: — Пошто плачешь? — Я, — говоритъ, — батѣ [1]) тоскую. Батя куды ушелъ? Батя говорилъ: я далеко уйду, долго не буду. — Старикъ на старуху сказалъ: — Старуха, принеси мой ôбуй! — Та принесла ему ôбуй. Онъ надѣлъ ôбуй, погонилъ сына. Гонилъ, гонилъ сына. Сынъ шелъ, шелъ, лѣсъ только сталъ, вышелъ на тундру. Старикъ вышелъ на тундру, на лѣсину послѣднюю попалъ, сталъ ревѣть, — у сына только пустой паръ видитъ, пустой паръ видитъ и сталъ кричеть: — Сынъ мой, воротись, воротись! Не ворачивасся, такъ хоть ты послушай! — Сынъ его остановился, сталъ слушать. — Ну, — говоритъ, на моро ты выйдешь, черезъ моро пойдешь, станетъ моро ломать, станешь ты съ ледину на ледину скакать, по ту сторону мора дойдешь, только у тебя сила станетъ, черна изъ-подъ нутра послѣдня ледина выплывет, на нiи какъ-нибудь скачи. Какъ-нибудь на нiи скачи, да говори: «Сто ледина, ледина, донеси мене до берегу!» Не бойся! Перейдешь черезъ моро, выдешь на берегъ, хоть пэтишечка [2]) прилетитъ, (в)се убивай, да ѣшь, (в)се сладко будетъ; хоть кукша [3]) прилетитъ, (в)се убивай да ѣшь, — (в)се сладко будетъ. Не бойся, за моромъ олени по человѣчьи баютъ.

Вотъ дослушалъ отца, пошелъ. Шелъ, шелъ, шелъ, шелъ, на моро вышелъ, черезъ моро пошелъ, стало моро ломать. Сталъ онъ съ ледина на ледину скакать. Ледина на ледину скакалъ, скакалъ, скакалъ; обезсилился. Изъ-подъ нутра черна ледина выплыла; коё-какъ на нiи скакнулъ. Стало ледину нажимать, да нажимать, на сухой берегъ вытолкало. Едва онъ вышелъ, то ись весь перемокъ, лôпать развѣшалъ, лежитъ самъ у огоньчика; (в)другъ пэтишечка прилетѣла. Лукъ онъ схватилъ, эту пэтишечку убилъ; эту пэтишечку убилъ, вытеребилъ. На рожончикъ iи поставилъ. Жарилось, жарилось, кругъ роженчику пуста пѣна только осталась. Бросилъ роженчикъ, говоритъ: Пэтишечка, такъ пэтишечка и есь. Кавà у нiи и исти-то? На умъ ему пало: отецъ наказувалъ сто? Этотъ роженчикъ схватилъ, сталъ пѣну исти кругомъ роженчика, такая очутилась баранья грудина, жирная, только держись. Онъ поѣлъ и лежитъ, отдыхатъ. Прилетѣла ему кукша. Схватилъ онъ лукъ, стрѣлилъ, её убилъ. Убилъ iи, вытеребилъ; поставилъ опять на рожнѣ на жаркое. Самъ заснулъ. Пробудился: на рожнѣ такъ нихто нѣту, пуста опеть пѣна. Взялъ, бросилъ и говоритъ: чево iи исти-то? Какая то ѣда? — Лежалъ, лежалъ; на умъ ему пало опеть отцовскiя рѣчи. Сталъ исти: (в)другъ очутился такой бараній бокъ жирной. Отдохнулъ онъ, высушился, собрался, пошелъ. Шелъ, шелъ, услышалъ: люди баютъ, дѣвушки баютъ, — слышно. Одна и справатъ: — Сестра, — говоритъ, — ты а йдѣ свою скобельну доску [4]) покинула? — Я вотъ, — говоритъ, — на хребтѣ-тѣ покинула. — Друга-то у нiи спросила: — «Ты а йдѣ свой шивальной мѣшокъ [5]) покинула?» — «Покинула я, — говоритъ, — подъ камнемъ. Этта вотъ!» — Онъ запалъ, смотритъ. Увидѣлъ: важеночiй табунъ идетъ. Выбралъ важенку хорошую, потянулъ лукъ на нiи, стрѣлилъ. Вдругъ заскакала. — «Йо, бокъ болитъ, о, бокъ болитъ у мене!» — Стрѣлилъ, убилъ iи. Взялъ iи, опустилъ, разбилъ, какъ слѣдуетъ, масо, развѣсилъ къ огню, штобу подсохло. Жирное масо развѣшалъ, которое, какъ могъ самому себѣ — штобъ подняcти, унести, подсушилъ, завязалъ въ постелю, понесъ самъ себѣ на подорожну. Скоро сказка сказыватся, между тѣмъ много дѣла минуется. Шелъ, шелъ, прioблегчилась эта у него котомка. Услышалъ, люди слышно опять баютъ, мужчины: — «Братъ, а ты а-йдѣ, — говорилъ, — свой лукъ покинулъ?» — «Я, — говоритъ, — вонъ за хребтомъ-тѣ покинулъ». — Братъ, а-йдѣ свой ты тулъ покинулъ? — Ну, я, — говоритъ, — вотъ это на долу-ту. — Онъ запалъ, глядитъ, караулитъ: какй же люди идутъ, — православные, или хто? Увидѣлъ: бычій табунъ идетъ. Выбралъ жирнаго оленя и потянулъ лукъ. Опеть заскакалъ: — «Йо! бокъ болитъ, бокъ болитъ!» — Стрѣлилъ.

---

[1]) Бáтя — старшій братъ.

[2]) Мелкая птичка.

[3]) Небольшая птица съ сѣрыми перьями, довольно часто встрѣчающаяся въ колымскихъ лѣсахъ (ронжа).

[4]) Доска, подкладываемая подъ шкуры при скобленiи.

[5]) Мѣшокъ съ принадлежностями для шитья.

убилъ его. Опустилъ его; мясо, которое хорошое мясо, развѣшалъ его, какъ могъ подпясти, самъ себѣ. На край моря шелъ, вдругъ на море рѣчка вышла. Переброду ему нигдѣ нѣту. И пошелъ онъ по этой рѣчкѣ, погонилъ эту рѣчку переброду искать. Недалеко по этой рѣчкѣ шелъ и увидѣлъ стоятъ двѣ вѣтки: одинъ каюкъ, друга вѣтка. Двѣ дѣвки ягоды собираютъ: одна воронья, другая князцовска [1]) дочь. Взялъ онъ отъ этой, отъ князцовской дочери ягоды чистыя, поѣлъ много, а у вороньей каки чисты будутъ? Всѣ съ листами. Взялъ эту котомку свою, все въ вѣтку положилъ, гдѣ чисты ягоды; а гдѣ сметьеваты ягоды, тутока мяско маленько да жирокъ положилъ. Воронья дѣвка увидала съ лѣсинѣ.— «Сестра,—говоритъ,— морской скакунъ пришелъ, котору-то изъ насъ замужъ (в)зясти хочетъ? Пойдемъ скорѣе домой»,— говоритъ.—Пошли онѣ домой; прибѣжали (къ)вѣткамъ.— Сестра,—говоритъ:—воронья дѣвка,—чего у теба (въ)вѣткѣ есть? У меня,— говоритъ,— нихто нѣту. Ну,— говоритъ,— сестра, видно меня замужъ взясти хочетъ морской скакунъ, што менѣ (в)вѣтку положилъ жиръ да мясо. Вотъ на проходъ погребли домой. Тотъ за ними бѣжалъ, шелъ, шелъ, само на эвой-тѣ сторонѣ тутъ домы-те, онъ пришелъ, князцу прямо вошелъ. У князьца одна дочи и три сына и онъ со старухой, князецъ-то. Эта дѣвка на проходъ бѣлу постелю возлѣ себа постелила и посадила жениха. Эта воронья дѣвка пришла, сяла возлѣ жениха, возлѣ этого. Та ia (в)зяла, выпинала.— «Уйди,—говоритъ, воронья дрыстунья, ты все мѣсто обгадишь!» – Та ушла. Жили, жили. Этотъ отецъ вороньей дѣвки, какъ бу, это обиду отворотить, дочерь что есть изженили, князцовскому зятю говоритъ:— Пойдемъ охотничать за птицой, птицу промышлять.—Тотъ сказалъ ему:—Я,—говоритъ,— (въ)чемъ пойду? У меня вѣтка нѣту.—Тесть-то ему и сказалъ, князецъ:—Да вотъ есть вѣтка; возьми,—говоритъ,—поди съ нимъ. Онъ хочетъ испытовать твое удальство дак....
—Ну. вотъ пошли они. А гдѣ стадо найдутъ, это князцовской зять крупняковъ-то и убиватъ гусей. А этотъ воронъ все гагарленковъ гонятъ, цыпленочковъ. Тотъ вѣтку полонъ какъ наубивалъ князьцовской зять-отъ, возвратился назадь. Пришелъ, эту птицу всю вытаскали. Тожно этотъ воронъ пришелъ. Ну, гагарленковъ, цыпленковъ наубивывалъ, дакъ тѣ унесутъ домой, да (въ)пазуху назадь принесутъ опеть (къ)вѣткѣ. Это воронья дѣвка-то. Тѣ взяли птицу вытеребили, всю её тамъ насушили. Ночь какъ стала, эта воронья дѣвка съ матерью стали шерсть таскать съ улицы-те. Эти перья (в)сѣ убрали съ улицы.

Люди заходили. Этотъ воронъ и хвастать и говоритъ:—Князцовской зять страшной кислякъ! [2]).— Я,—говоритъ,—полонъ вѣтку набилъ, а онъ,—говоритъ,—насилу на ѣду-ту. За этаго кисляка я бу и дочерь не далъ замужъ.—Князецъ на это ничего не говоритъ, не скорбится, и ничего, знатъ, што онъ этакой удалой. Ну и сказалъ зятю.—Ну,— говоритъ,— зять, пора тебѣ отцу матеръ идти.— Ладно!...— говоритъ.— По утру стану собираться.— Утромъ просыпатся, слышно на дворѣ, чего-то какъ погода шумитъ. Вышелъ-дакъ, огромной табунъ оленей. Это ему тесть отъ зятю далъ съ невѣсткой кочевать, пригонили оленей. Покочевали они со женой. Вотъ эдакую даль,— сказалъ къ ней.—До камня докочуй до этого, а тутъ ночуй.—Ну, докочевала до этого камня. Выгребла мѣсто, поставила руйту. Сама волчицей обернулася, ударилась объ сыру землю и вернулась домой по огонь. Огонь-отъ не булъ,— у мужа огниво-то. Пришелъ онъ,— огонь у ней горитъ. Сумлѣватся: огнива нѣту, откуль же огонь (в)зяла? Ночлегъ этотъ прошелъ, мужъ ничего не сказалъ. Утромъ стали, опеть покочевали. Кочевали, кочевали. Какъ съ полудня своротить, сказалъ:—Поди вотъ (въ)это мѣсто докочуй, да тутъ ночуй.— Та покочевала, въ томъ мѣстѣ стала, ночлегъ выгребла, руйту поставила. Какъ руйту поставила, ударилась объ сыру землю, обернулась волчицей, убѣжала на ночлегъ опеть по-огонь. Тотъ пришелъ, ужь у ней и огонь горитъ. Мужъ на это досадился, откуль же она, усумлился, огонь беротъ? Хто ей, люди ходятъ, или какъ?—Ну,—сказалъ къ ней,—вотъ кочевать,—говоритъ,—станешь, тепера на море выдемъ; по морю покочуемъ. По морю недалеко откочуй, да тутъ ночуй. Самъ

---

[1]) Князецъ—родовой староста юкагирскаго или ламутскаго рода.
[2]) Кислякъ—лѣнивый человѣкъ, худой охотникъ.

поѣхалъ попередь да и запаль тамо-ка.—О хто же огонь кладеть къ ней?—Сталъ кароулить. Та прикочевала, мѣсто выгребла, руйту поставила. Обернулася сама волчицей и побѣжала назадь по огонь: головешку схватила и бѣготъ. Вотъ выдернулъ онъ стрѣлу и направился, стобы её убить. Она если эдакъ, дакъ и мене погубитъ. Стрэлилъ іи, она головешку бросила и назадь драла̀. Не стала (жить), убѣжала, отцу, матери. И олени всѣ за ней убѣжали, табунъ весь. Самъ отцу ушелъ. Отецъ ему говоритъ:—А йдѣ баба?—Она говоритъ, — я еще опасенъ, она меня съисть-ли чего-ли. Я іи хотѣлъ убить, она назадь убѣжала. — Отецъ его назадь послалъ.— Твоя мати,— говорить, — эдакая же була, а я её этго привелъ. Дома ничего у ней стало. Я откуль же твою матерь досталъ. Ты пошто сталъ убивать? — Пошелъ назадь.

Пришелъ онъ назадь туды, этому князцу... Сялъ возлѣ невѣсты; невѣста скочила, убѣжала.— Почего,—говоритъ,—ты пришелъ? Ты,— говоритъ,— меня убить хотѣлъ!— Большой братъ сказалъ:—Э,—говоритъ, чего! То,—говоритъ,—я все это дѣлалъ, то есть, стобу онъ тебе хотѣлъ убить, для това̀ дѣлалъ больше, стобу сестру посмотрѣть. Если такъ, мнѣ больше сестру не увидѣть за моромъ,—намъ не дойти. Она на это смилосердилась, пустила его опеть. Переночевали и опеть назадь покочевали. Если ужь чего дѣлать, онъ ужь и не шевелитъ. Эта обертыватся волчицей, по огонь бѣгать, не шевелитъ ужъ іи. Такъ и отцу прикочевали. Съ тѣмъ у нихъ и конецъ.

Записано на урочищѣ «У двухъ високъ» на р. Большомъ Анюѣ отъ обрусѣлаго юкагира *Митрофана Татаринова*.

Сообщено **В. Богоразомъ**.

ОТДѢЛЪ III.

Критика и библіографія.

Slovenske narodne pesmi. Uredil D-r K. Štrekelj. Izdala in založila Slovenska Matica. Zv. I. V Ljubljani. 1898. 8°. 820 стр. 4 вып.

Настоящій, первый томъ полнаго собранія словенскихъ народныхъ пѣсенъ изданъ люблянской матицей подъ редакціей проф. Градецкаго университета, г. Штрекеля, и заключаетъ въ себѣ свыше 1000 №№ пѣсенъ эпическаго содержанія. Оригинальную, но очень цѣнную особенность этого грандіознаго изданія составляетъ его критическій характеръ: пѣсни изданы здѣсь не en masse, но по редакціямъ, причемъ варіанты на каждую редакцію приводятся не цѣликомъ, но лишь постольку, поскольку они отступають отъ текста пѣсни, принятаго за основной. Отъ такого способа изданія (единственно правильнаго и истинно научнаго) одинаково выигрываетъ какъ обыкновенный читатель-любитель, такъ и научный изслѣдователь: первому онъ даетъ возможность воспринимать поэтическіе образы народнаго творчества, не загромождая памяти излишними подробностями и повтореніями, второго онъ освобождаетъ отъ необходимости продѣлывать черную работу классификаціи варіантовъ и опредѣленія взаимоотношенія различныхъ редакцій. Отсюда видно, что по научности метода изданіе г. Штрекеля представляетъ своего рода unicum и притомъ тѣмъ болѣе достойное подражанія, что у насъ въ Россіи до сихъ поръ не дѣлалось даже попытки такого критически очищеннаго изданія пѣсенъ, хотя его необходимость давно указывалась покойнымъ Н. А. Лавровскимъ... *).

Moravské Kravařsko (Politický okres Novojický). S. 2 přílohami, mapkou a 78 vyobrazeními. V Příboře. 1898. 8°. 364 стр.

На крайнемъ сѣверо-востокѣ Моравской земли, на самой границѣ съ Прусской Силезіей лежитъ очень небольшая по своей территоріи (501,85 gk.), но цвѣтущая въ экономическомъ отношеніи область Kravařsko, названная такъ по имени пановъ z Kravař (замка близъ Опавы), владѣвшихъ краемъ въ XIV—XV вв. Врѣзываясь клиномъ въ Австрійскую Силезію и раздѣляя ее на двѣ половины: Опавскую и Тѣшинскую, этотъ благословенный уголокъ принадлежитъ чехамъ только отчасти, такъ какъ изъ трехъ округовъ края: Приборскаго, Новоицкаго и Фульнецкаго только въ первомъ чехи составляютъ преобладающее большинство (почти 70%), во второмъ находятся въ незначительномъ меньшинствѣ (42%), а въ третьемъ исчезаютъ въ морѣ нѣмецкаго элемента совсѣмъ (съ 1%). Помимо своего политическаго и промышленнаго значенія, этотъ край интересенъ и какъ родина Фр. Палацкаго — его родной городокъ Годелавицы лежатъ на югѣ Новоицкаго окр.

Достойнымъ литературнымъ вѣнкомъ въ память праздновавшагося въ прошломъ

---

*) Въ ст. «Замѣтка о текстѣ русскихъ былинъ», въ I т. «Зап. Нѣж. Инст.».

году столѣтняго юбилея его рожденія и является настоящая книга, содержащая въ себѣ всестороннее описаніе родного края знаменитаго историографа.

Описаніе составлено исключительно мѣстными педагогическими силами и отличается большою обстоятельностью. Въ первой части (1—86 стр.) находимъ общія свѣдѣнія о краѣ: его географическомъ положеніи и границахъ, о формѣ его поверхности, объ орошеніи, геологическомъ строеніи, естественныхъ и искусственныхъ богатствахъ, объ этнографическомъ составѣ его населенія, о его торговыхъ и промышленныхъ силахъ, о состояніи образованности и общей культуры и т. п. Вторая часть (стр. 87—155) посвящена подробному обозрѣнію историческихъ судебъ края, написанному съ большимъ знаніемъ дѣла г. А. Угвицемъ, преподавателемъ въ Жилинѣ. Третья, самая большая, часть (стр. 157 — 364) знакомитъ съ мѣстоположеніемъ, исторіей и современнымъ состояніемъ отдѣльныхъ населенныхъ пунктовъ и можетъ служить, такимъ образомъ, превосходнымъ путеводителемъ по краю. Мѣстности, принадлежащія нѣмецкимъ общинамъ, разсматриваются отдѣльно отъ чешскихъ. Не смотря на то, что книга издана въ провинціальномъ чешскомъ городѣ, внѣшность изданія не заставляетъ желать ничего лучшаго.

Statystyka ludności Kaszubskiej. Zebrał i opracował Stef. Ramult. Z mapą etnograficzną Kaszub. Kraków 1899. 8°. 290 стр.

Новый трудъ г. Рамульта, составителя извѣстнаго «Кашубско-польскаго словаря», представляетъ замѣчательный образчикъ гигантской работы, исполненной въ сравнительно недолгое время ничтожными средствами. Такія предпріятія, какъ поголовная перепись почти 200.000-го народа, при современныхъ условіяхъ общественной жизни, могутъ быть подъ силу только учрежденіямъ, сильно дифференцированныхъ въ своихъ функціяхъ, и если, не смотря на это, нашъ авторъ съумѣлъ собственными средствами организовать и привести къ концу это сложное дѣло, то этимъ онъ обязанъ прежде всего своему необыкновенному трудолюбію, желѣзной энергіи и горячей вѣрѣ въ важность дѣла, — вѣрѣ, которая, по истинѣ, здѣсь двигала горами.

Не имѣя ни предшественниковъ, ни образцовъ передъ собою, разсказываетъ г. Рамультъ въ предисловіи къ своей книгѣ, я долженъ былъ самъ искать себѣ дорогъ, которыя могли бы привести меня къ цѣли, создавать себѣ среду (wyrabiać sobie stosunki), отыскивать сотрудниковъ, ѣздить, писать сотни писемъ, разсылать тысячи вопросниковъ, свѣрять присланный матеріалъ, сшивать нити разнородныхъ сообщеній въ единое цѣлое... и, наконецъ, неустанно слѣдить за тѣмъ, чтобы въ такую массу цифръ не вкралась ошибка, которая не только повела бы къ ошибочному представленію объ отношеніяхъ народонаселенія въ извѣстной мѣстности, но обрекала бы на сомнительность и всѣ суммарныя вычисленія» (Przedmowa, стр. 18).

Въ результатѣ явился трудъ, которому равныхъ по полнотѣ цифровыхъ данныхъ и по методичности изслѣдованія врядъ-ли найдется много въ славянской литературѣ *). Десятки тысячъ цифръ, касающихся всѣхъ населенныхъ кашубами пунктовъ, авторъ свелъ въ длинной серіи статистическихъ таблицъ, въ которыхъ кромѣ самихъ кашубовъ отмѣчается число населяющихъ извѣстную мѣстность нѣмцевъ и поляковъ, а также численность послѣдователей католическаго, лютеранскаго и еврейскаго исповѣданія. Таблицы слѣдуютъ въ порядкѣ географическаго разселенія кашубовъ отъ востока къ западу: сначала приводятся статистическія данныя для Западно-прусской провинціи по ея «регенціямъ» и повѣтамъ (стр. 37—188), далѣе—для Поморья (189—229 стр.), другихъ областей Прусской монархіи и Германской имперіи (стр. 230—233), Европы (стр. 234) и даже Америки (стр. 234—240). Въ заключеніе этой переписи, большая часть данныхъ которой относится къ 31 декабря 1892 г. г. Рамультъ подводитъ итоги своимъ вычисленіямъ, причемъ оказывается, что изъ общаго числа — 330.917 — всѣхъ

*) Только подобный же трудъ Э. Муки «Статистика лужицкихъ сербовъ» можетъ еще соперничать съ работой г. Рамульта.

кашубовъ почти треть (130.700) составляютъ американскіе эмигранты. Изъ кашубовъ, живущихъ въ Европѣ, громадная часть (198.217) падаетъ, конечно, на королевство Прусское, главнымъ образомъ, на двѣ ея провинціи: Западно-Прусскую (162.947) и Поморскую (23.270). Относительное распространеніе кашубовъ въ повѣтахъ (уѣздахъ) обѣихъ провинцій выражается такимъ образомъ:

1.	Повѣтъ	пуцкій	76.50 %	каш.
2.	»	картусскій	75,24 »	»
3.	»	вейгеровскій	66,79 »	»
4.	»	хойницкій	44,89 »	»
5.	»	косцерскій	37,78 »	»
6.	»	верхне-гданскій	26,26 »	»
7.	»	бытовскій	20,28 »	»
8.	»	члуховскій	18,46 »	»
9.	»	лемборскій	9,72 »	»
10.	»	слупскій	4,92 »	»
11.	»	гданскій городской	4,50 »	»

Въ другомъ порядкѣ располагаются тѣ же повѣты съ точки зрѣнія абсолютной численности кашубовъ:

1.	Повѣтъ	картусскій	45.284	каш.
2.	»	вейгеровскій	27.930	»
3.	»	хойницкій	23.680	»
4.	»	пуцкій	18.609	»
5.	»	косцерскій	17.580	»
6.	»	члуховскій	11.976	»
7.	»	верхне-гданскій	10.519	»
8.	»	гданскій городской	5.419	»
9.	»	слупскій	4.860	»
10.	»	бытовскій	4.797	»
11.	»	лемборскій	4.227	»

Что касается до отношеній вѣроисповѣдныхъ, то кашубы въ громадной своей части—католики и лица евангелическаго исповѣданія едва составляютъ 1/16 часть всего числа (или только 6%).

Книгѣ предпослано предисловіе, въ которомъ авторъ разсказываетъ исторію своего труда, а также обозрѣваетъ прежнія попытки опредѣленія численности кашубовъ; ихъ полную научную неудовлетворительность авторъ доказываетъ рядомъ весьма яркихъ примѣровъ. Во «вступленіи» г. Рамултъ приводитъ племенныя названія кашубовъ, опредѣляетъ границы ихъ территоріи, количественное распространеніе кашубовъ въ отдѣльныхъ повѣтахъ, характеръ вѣроисповѣдныхъ отношеній и предѣлы употребленія кашубскаго языка. Въ противоположность большинству другихъ ученыхъ, г. Рамултъ не смотритъ на эту заброшенную славянскую народность, какъ на племя угасающее, но твердо вѣритъ, что и для него настанутъ со временемъ лучшіе дни...

Хорошая этнографическая карта, приложенная къ книгѣ, представляетъ цѣнный подарокъ какъ для славянскаго діалектолога, такъ и этнографа.

Kleinere Schriften von Reinhold Köhler. I. Band. Kleinere Schriften zur Märchenforschung. Herausgegeben von Johannes Bolte. Weimar, 1898. Стр. 608, 8°.

Покойный нѣмецкій ученый, Рейнгольдъ Кёлеръ, не былъ этнографомъ, въ собственномъ значеніи этого слова. Онъ самъ не наблюдалъ и не изслѣдовалъ народнаго облика и быта, не собиралъ и не записывалъ «изъ устъ народа» повѣрій, пѣсенъ и сказокъ. Но тѣмъ не менѣе онъ оказалъ этнографіи великія услуги и оставилъ ей богатое литературное наслѣдіе. Какъ историкъ литературы, Кёлеръ отдался спеціально изученію одной ея области—народной словесности; изученіе ея въ то время только на-

чинало получать научную подкладку и имѣло лишь очень немногихъ служителей. Кёлеръ значительно содѣйствовалъ позднѣйшему развитію и разцвѣту молодой науки. Научное, сравнительное изученіе народнаго творчества нашло въ немъ самаго серьезнаго и преданнаго труженика. Онъ основательно разобралъ цѣлый рядъ народныхъ пѣсенъ, легендъ и сказокъ, освѣтилъ многія темныя страницы средневѣковыхъ балладъ и сагъ, наконецъ, постоянно и зорко слѣдилъ за цѣлой многоязычной народной литературой, приводя ее въ стройную систему и производя въ ней цѣнныя сопоставленія. Статьи Кёлера, разбросанныя разнымъ повременнымъ и малодоступнымъ изданіямъ собралъ теперь его ученикъ, проф. I. Больте, въ полное изданіе, котораго первый томъ появился недавно въ печати. Этотъ томъ посвященъ всецѣло народнымъ сказкамъ и легендамъ, которыя издатель распредѣлилъ по ихъ національнымъ редакціямъ: французскія, кельтскія, итальянскія, греческія, албанскія, румынскія, славянскія, литовскія и восточныя. Изъ славянскихъ сказокъ Кёлеръ разобралъ и объяснилъ многочисленными параллелями сборникъ Ходзька (Contes des paysans et des pâtres slaves) и Ягича (Aus dem südslavischen Märchenschatz). Въ слѣдующіе томы этого цѣннаго изданія, которое несомнѣнно сдѣлается настольною книгою каждаго фольклориста, войдутъ статьи и замѣтки Кёлера по исторіи народныхъ пѣсенъ и средневѣковыхъ сагъ.

Ю. Яворскій.

Die Zeugung in Sitte, Brauch und Glauben der Südslaven. Ausschnitt aus Κρυπτάδια, t. VI. Paris, 1899. Стр. 380, 12°.

Эта новая книжка извѣстнаго изслѣдователя сербо-хорватской народной жизни и литературы, д-ра Ф. С. Краусса, не предназначена, по самому существу своему, для широкой публики, но для этнографа и антрополога представляетъ несомнѣнный и выдающійся интересъ. Область половыхъ отношеній народныхъ массъ, въ ихъ настоящемъ откровенномъ видѣ, въ ихъ уклоненіяхъ, однимъ словомъ, область половой жизни и грязи народа укрывалась до сихъ поръ пологомъ таинственности и не привлекала вниманія этнологовъ, которые, въ фальшивой скромности своей, всегда обходили ее вокругъ да около. Между тѣмъ эта тайная сторона народной жизни представляетъ иногда чрезвычайно важный матеріалъ для этнологическихъ разысканій и можетъ уяснить многія темныя страницы въ исторіи первобытной культуры, этнографіи и даже литературы. Это лишній разъ доказываетъ настоящая статья Краусса, открывающая передъ нами всѣ тайны и безобразія половой жизни и поэзіи сербо-хорватовъ и составленная на основаніи долголѣтнихъ наблюденій автора и его сотрудниковъ. Это пока только первая часть собранныхъ авторомъ матеріаловъ. Въ нее вошли народныя пѣсни, прибаутки, пословицы и ругательства, съ подробной терминологіей и объясненіями автора. Обстоятельнѣе всего описываетъ авторъ эротическій народный танецъ «Коло», приводя цѣлый рядъ сопровождающихъ его пѣсенъ и восклицаній. Эта глава сочиненія Краусса заслуживаетъ дѣйствительно самаго серьезнаго вниманія со стороны этнологовъ, такъ какъ въ ней замѣчаются несомнѣнно интересныя культурныя переживанія и отголоски сѣдой старины. Къ достоинствамъ книжки слѣдуетъ причислить также то, что всѣ тексты приведены въ ней въ славянскихъ подлинникахъ, съ подстрочными нѣмецкими переводами. Непріятно поражаютъ читателя только частыя и рѣзкія выходки автора противъ хорватовъ, съ которыми онъ почему-то издавна не ладитъ. Тутъ-то по крайней мѣрѣ это не должно-бы было имѣть мѣста.

Ю. Яворскій.

Српске народне приповетке. Скупио Атанасије Николић. На свет издали његови унуци. Београдъ, 1899. Стр. 240, 8°.

Имя покойнаго сербскаго этнографа Николича и часть его сказокъ, появившихся еще въ 1842 г., извѣстны русскимъ читателямъ по изданію И. А. Худякова «Матеріалы для изученія народной словесности» (Спб. 1863), гдѣ онъ помѣстилъ, частью въ подлинникѣ, частью-же въ русскомъ переводѣ, 15 сказокъ изъ сборника Николича.

Настоящее изданіе содержитъ всѣ сказки Николича (25 н-ровъ), между которыми находится немало интересныхъ и важныхъ сказочныхъ сюжетовъ и варіантовъ. Жаль только, что издатели выпустили ихъ опять въ сыромъ видѣ, не разсмотрѣвъ ихъ, какъ это сдѣлалъ, напримѣръ, Худяковъ, и не снабдивъ ихъ никакими, даже самыми общими примѣчаніями и параллелями. Въ 1842 г. это было, конечно, безразлично, но нынѣ, когда этнографическая литература разрослась до такихъ большихъ размѣровъ, такое упущеніе составляетъ весьма чувствительный недостатокъ каждаго новаго сборника памятниковъ народной литературы.

Ю. Яворскій.

ОТДѢЛЪ IV.

Смѣсь.

Свадебный обычай

крестьянъ Кургоминскаго Правленія, Арханг. губ. Шенкурскаго у. на границѣ съ Вологодской губ. что на Сѣверной Двинѣ.

Задумалъ парень жениться, проситъ благословенія на это у своихъ родителей. Получивши его, отправляетъ онъ удалого сваха или сваху, какъ говорятъ, сватать избранную дѣвицу. Свахъ, явившись въ домъ намѣченной дѣвушки, говоритъ родителямъ ея: у васъ есть красный товарецъ, а у меня купечъ молодецъ (мѣстный говоръ), а такъ нельзя-ли торгъ завести красну дѣвицу за столъ вести. При этомъ сваха или свахъ выхваливаетъ не только жениха но и всю его родню. Если дѣло уладится, тогда отецъ невѣсты или мать отправляются осматривать житье-бытье жениха, если женихъ изъ другой какой либо мѣстности или почему либо неизвѣстенъ своимъ состояніемъ. При семъ нужно замѣтить, что кромѣ подарковъ родителямъ жениха, приданаго никакого не дается въ нашей мѣстности. Если же все окажется не дурнымъ (какъ говорятъ) въ домѣ жениха, назначается день свадьбы.—Вечеромъ, наканунѣ свадьбы, въ домѣ невѣсты бываетъ дѣвичникъ, т. е. собираются къ невѣстѣ подруги ея дѣвушки въ самыхъ лучшихъ одеждахъ. Одежда дѣвушекъ состоитъ во 1-хъ изъ рубахи съ золотыми наплечниками (намышниками), во 2-хъ изъ сарафана ситцеваго или кумачеваго или даже шелковаго (смотря по состоянію; 1-го рода сарафанъ назыв. ситникомъ, 2-й—кумачникомъ и 3-й—лопатиной). Грудь каждаго сарафана вышивается тоже золотомъ въ вершка два ширины, какъ и наплечники. На голову обыкновенно надѣвается платокъ изъ разной матеріи, смотря по состоянію, который называется ширинкой. На ногахъ сапоги, какъ у мужиковъ, съ высокими каблуками, каковые сапоги назыв. бахилами, (сапожекъ здѣсь не носятъ совсѣмъ) и наконецъ поясъ съ длинными кистями, которыя бываютъ тоже изъ разныхъ матерій или шерстей. Дѣвушки вмѣстѣ съ молодыми ребятами ходятъ кругами и поютъ свадебные пѣсни. До пріѣзда жениха невѣста сидитъ среди своихъ родныхъ, тихонько плача, а когда пріѣдетъ женихъ, тогда на голову невѣсты сваха набрасываетъ большой платокъ, который каждый разъ невѣста сбрасываетъ. Только послѣ третьяго раза она уже не сбрасываетъ его, а оставшись съ покрытой платкомъ головой, начинаетъ ревѣть, что есть мочи, а въ это время приглашенная плачея начинаетъ пѣть, растягивая каждое слово, жалобныя пѣсни или плачи. Эти плачи относятся къ молодымъ ребятамъ, которые дарятъ дѣвушекъ, невѣсту и плачею кренделями и деньгами. Женихъ пріѣзжаетъ къ невѣстѣ со всѣми ребятами своего околодка: чѣмъ больше ихъ, тѣмъ лучше считается свадьба, при чемъ ребята всегда пріѣзжаютъ къ жениху первыми на верховыхъ лошадяхъ и прямо ѣдутъ къ нему на повѣдь, гдѣ ихъ встрѣчаетъ женихъ! По пріѣздѣ къ жениху уже въ

телѣгѣ посаженнаго отца, и читается благословеніе родителей жениха къ начатію дѣла, что всегда сопровождается выпивкой. Послѣ сего ѣдутъ гусемъ къ невѣстѣ, причемъ женихъ съ посаженнымъ отцомъ ѣдетъ всегда позади.—Тутъ-то вотъ и начинаютъ пѣть плачи, первоначально поютъ молодымъ ребятамъ. Вотъ содержаніе ихъ:

Изъ загорья вѣтерокъ попыхаетъ, изъ за морья черенъ корабль выбѣгаетъ; тутъ мостилида со корабля мостили мосты калиновы, устилали на мосты трое сукно одинцёвое; выводили со корабля комань добрую лошадь, на доброй то на лошадѣ вся сбруя лошадина—черкаское седелышко. Какъ на команѣ, на лошадѣ да удалой доброй молодечъ; по платьичу по свѣтному сынъ купца гостя торговаго; по поклонамъ да по низкимъ онъ да сынъ попа отца духовнаго, по говорѣ тихой смирной, да сынъ онъ богатаго крестьянина. По ричѣ да по пословичѣ молодча опознавала, по говорѣ тихой смирного да именемъ называла: удалой ты добрый молодецъ ино Иванъ сударь Андреевичъ, у тя поступоцка бурлачная, да честь хвала молодечная. Ѣздилъ добрый молодечъ, да во гульбу молодечную, за златомъ, за сереброиъ себѣ за свѣтнымъ платьчемъ, у тя умная разумная на плечяхъ буйная голова, (если грамотный) твоя буйна головушка да въ грамоту поучена, прибита рука правая ко перу лебединому, да приложена лѣва рука да къ скорописчатый грамоткѣ, присмотрѣны очи ясныя къ орлёной ко грамоткѣ, тя многи люди знаютъ, да именемъ называютъ (2 раза) да вотчиной величаютъ.

Парень раздаетъ гостинцы и деньги, послѣ чего поютъ:

Спасибо добрый молодецъ на любыхъ честныхъ гостинчахъ, на рублѣ денегъ, на полтинѣ, на цѣлой золотѣ гривнѣ. Заходилъ ты добрый молодечъ да въ тиху дѣвью бесѣду, дарилъ ты красныхъ дѣвичей да медовыми красными пряницками.

Дѣвушкамъ поютъ плачи:

У насъ сидитъ да въ дубой скамьѣ сидитъ верба однолѣтняя, верба однолѣтняя—душа красная дѣвица. Не быть тѣ вербѣ вербочкой. да быть душой красной дѣвицей (2 раза) да дорогой дивьей краснотой, да подруженька любимая, да ино Анна Степановна, невдостой тѣ сидишъ во лавицѣ, стану на рѣзвыя ноженьки, на ногахъ я стану мыкати да зло воликое горе. Изъ подруженекъ подруженька, да изъ душей красна дѣвича, я три года выбирала милу любую подруженьку, ужъ я выбрала подруженьку да по уму, да по разуму. Ты подруженька любимая, да ино Анна Степановна, куда же мы сходилисѣ, да тутъ горѣ становилисѣ, гдѣ словечко тайное молвили тутъ трава выросла, гдѣ мы думушку думали, тутъ чвѣты разчвѣли. Дружба наша великая да раздружиться хочетъ, кольчо наше серебряное да распоятитчя хочетъ; вѣрно тайное словечушко да поразмовутцѣ хочетъ; нашъ разтанечки приходятъ то да живое, разставаньице, живое то разставаньице да пуще скорыя смерти (ахти, хти хти хти). Мы всюда вмѣстѣ съ тобой ходили, во всѣ четыре да стороны, мы ходили со подруженькой да ко святой Божьей церкви (2 раза) въ звончату колокольню, мы ходили со подруженькой въ славныя зеленыя лузи, мы впередъ идемъ со подруженькой—да шутимъ шутку шутливую, а назадъ идемъ съ подруженькой—поемъ веселыя пѣсенки, мы горѣ съ ней неспоминывали, веселья не забывывали.—Цѣлуются подруги и невѣста и серьезно плачутъ, обнимаясь.

Сватовчѣ поютъ:

Во темномъ да во сыромъ лѣсу не безъ лютаго звѣря, въ молодомъ да въ браномъ поѣздѣ не безъ лиха человѣка, не безъ лукаваго, висичваго, да не безъ большаго сватовча. Тя носилъ да лѣшой сватовча да не путемъ не дорогой, не дороженькой (2 раза), да собачьей тропинкой, тя по утру да поранному, тебя по поздному вечеру. Изъ чего ты вился, лукавился, вился, на кривдѣ божился? Сказывалъ ты, на чужой сторонѣ да много хлѣба стоялаго, много хлѣба стоялаго, да много денегъ лежалыхъ; платья то свѣтнаго цѣлы грядки изновѣшаны; ужъ ты большой сватовечъ да большой ты съумасшедшій, изъ чего ты вился, лукавился, вился, на кривдѣ божился. Нѣту на чужой сторонѣ, нѣту хлѣба стоячаго, да нѣту денегъ лежачихъ, грядочки унавѣшаны да все тряпичками, рямочками. Думашь что локоть достанится, да думашь цѣлая тысяча, только тебѣ достанится да одна мѣрка искосинка, тебѣ той мѣркой искосинкой да неодѣтися будетъ, да нагишемъ находитися. У большого у сватовча жена не ткаха,

ни пряха, дочери твои да не швеи хитромудрые, сыновья твои ясны соколы, да картежники—ладыжники.

На дѣвичникѣ плачи бываютъ только однимъ молодымъ ребятамъ и поются всѣмъ попеременно. По окончаніи плачей кончается дѣвичникъ общимъ веселымъ хоромъ всѣхъ тутъ находящихся дѣвушекъ и парней.

На слѣдующій день бываетъ свадьба, гдѣ бываетъ попойка всѣхъ по порядку и тѣже плачи молодымъ дѣвушкамъ и сватовчю. Плачи начинаются по пріѣздѣ жениха къ невѣстѣ. Въ домѣ жениха передъ поѣздомъ его къ невѣстѣ ничего особеннаго не бываетъ, кромѣ обыкновенной попойки сосѣдей виномъ, которые за выпитый стаканъ вина кладутъ жениху на блюдо деньги. Послѣ сего происходитъ благословеніе жениха родителями. Съ поѣздомъ жениха къ невѣстѣ ѣдетъ какъ можно больше молодыхъ или даже женатыхъ ребятъ верхомъ на лошадяхъ, тысячній господинъ—(крестовый отецъ жениха), сватья или гордо—княжая сватьюшка (это кто либо изъ его родныхъ), сватовечъ, который высватываетъ невѣсту, сторожъ — знахарь или колдунъ, который молодыхъ и дружку и всѣхъ вообще присутствующихъ охраняетъ отъ злыхъ людей; дружка жениха состоитъ изъ брата жениха, если такой есть, или кого либо особенно любимаго товарища и всѣхъ вышепоименованныхъ молодыхъ ребятъ на верховыхъ лошадяхъ. Послѣ окончанія плачей дѣвушкамъ, сватовчю и дружкѣ всей, начинаютъ плачи родителямъ невѣсты, прося благословенія.

Схожее ты солнышко, да сударь солнышко батюшко, дай ты мнѣ благословеньице идти на чужую сторону, и твое то благословеньице будетъ по водѣ правителемъ и по землѣ сохранителемъ. Спасибо, родимый батюшко, да на великомъ благословеньицѣ.

Ты, кормилица, жалостница моя, родимая матушка, дай ты мнѣ кормилица да велико благословеньице, послушай ко, кормилица, что я стану говорить: ты кого нынѣ побудишь рано по ранному утрицу, ты кого нынѣ наредишь на дѣло, да на работу; ты не сына женишь, матушка, да не невѣстку берешь, ты своего работницу слугу да во люди отдаешь. Молодымъ я молодехонька, да зеленымъ зеленехонька, не въ доросъ траву шелковую съ корешка подшибаешь, не до свѣтъ цвѣты лазуревы со травы сорываешь, не въ доросъ меня, красну дѣвицу, замужъ выдаваешь. Спасибо тебѣ, кормилица, на великомъ благословеньицѣ.

Послѣ благословенія родителей невѣсту ведутъ за столъ къ жениху, который беретъ ее за привязанный къ ея рукѣ платокъ и, обведши ее вокругъ себя три раза, садитъ ее между сватьей и собой за столъ. Теперь подходитъ къ столу мать невѣсты, неся братыню воды и поверхъ ея платокъ, который дарить жениху. Женихъ, взявши платокъ, сыплетъ въ братыню деньги, послѣ чего мать уходитъ съ братыньею въ другую комнату, гдѣ выпивши воду изъ братыни, снова подходитъ къ жениху и отдаетъ деньги, говоря: «у насъ непродажно». Послѣ этого выходятъ изъ за стола и, помолившись Богу, отправляются для бракосочетанія. Послѣ вѣнца сватьи окручаютъ невѣсту т. е. плетутъ ей двѣ косы. При этомъ примѣчаютъ которая сватья раньше заплететъ косу женихова или невѣстина:—если женихова, то молодой будетъ большакомъ надъ молодой, а если невѣстина, то молодая будетъ управлять молодымъ.

Отъ церкви ѣдутъ въ домъ жениха, гдѣ родители жениха, благословляютъ новобрачныхъ,—отецъ иконой а мать хлѣбомъ солью а послѣ сего садятся за столъ, гдѣ изрядно попивши и поѣвши отпускаютъ молодыхъ молодые на подклѣть т. е. спать. На другой день у жениха бываетъ такъ называемое утиранье т. е. молодая щеки присутствующаго на торжествѣ свадебномъ натираетъ красной краской, а молодые ребята съ дѣвками мараются сажей. Послѣ утиранья молодые ѣдутъ къ родителямъ молодой «на хлѣбины», гдѣ молодые угощаютъ всѣхъ виномъ, а потомъ и блинами. Послѣ этого молодые выходятъ изъ за стола, и теперь каждый присутствующій ударяетъ молодого по спинѣ, отчего у молодого долгое время послѣ свадьбы болитъ спина. Этимъ заканчиваетъ свадебное пиршество. Молодые обыкновенно гостятъ здѣсь два дня, а послѣ ужъ ѣдутъ домофъ—т. е. домой.

3 Января
1890 года.

Свящ. *К. И. Боголѣповъ*.

Религіозно-народныя повѣрья и сказанья.

(Записаны въ Калязинскомъ уѣздѣ Тверской губерніи).

Предлагаемые апокрифическіе разсказы записаны со словъ людей, принадлежащихъ къ нашей церкви, но тѣмъ не менѣе въ разсказахъ играетъ первую роль простонародное убѣжденіе, сложившееся подъ вліяніемъ старинныхъ устныхъ и письменныхъ преданій, существующихъ и до настоящаго времени въ народной массѣ. Въ правдѣ и истинѣ подобныхъ повѣрій и сказаній не сомнѣваются какъ сами разсказщики, такъ и простодушные ихъ слушатели. Разсказщики жили среди кимряковъ, а изъ послѣднихъ еще до сихъ поръ многіе принадлежатъ къ старой вѣрѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что приводимыя сказанія сложились подъ вліяніемъ старовѣрскихъ понятій и преданій. Кимряки-сапожники; въ ученьи у нихъ перебываетъ масса подростковъ изъ прилегающихъ уѣздовъ къ Кимрѣ; ученики не мало наслушаются разныхъ сказаній отъ своихъ старовѣровъ-учителей, а потомъ въ свою очередь разнесутъ услышанное и усвоенное по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ побываютъ. И многіе вѣрятъ, и сказаніе не исчезаетъ.

В. Суворовъ.

Кіевскій соборъ.

«Въ старину Богородицу звали просто богородицей, значитъ дѣвка родила Бога, а потомъ ее назвали «Госпожей Богородицей». И вотъ, когда ее такъ прозвали. Въ Іерусалимѣ наняла она 12 братьевъ-каменьщиковъ и заказываетъ имъ построить соборъ. —«Гдѣ?» спрашиваютъ ее каменьщики. Она на это ничего не отвѣтила, а только приказала имъ плыть, а куда доплывутъ, тамъ и соборъ строить. Сѣли 12 каменьщиковъ-братьевъ на корабль и поплыли по морю. Плывутъ это и говорятъ: «да что мы за глупые: ѣдемъ не вѣдомо куда и не вѣдомо, гдѣ будемъ строить соборъ; лучше вернемся домой». Повернули корабль назадъ. Но тутъ поднялась престрашённая буря, чуть не потопила братьевъ; помолились они, повернули опять впередъ, и буря миновала. И приплыли они къ Кіеву; вышли на берегъ, пошли по городу, ходятъ и высматриваютъ мѣсто, гдѣ бы построить соборъ. Не могутъ найти, что дѣлать? Только вдругъ и пала роса, всю землю покрыла, а одно мѣсто нѣтъ. Тутъ они и начали строить соборъ. Что днемъ складутъ—на ночь подъ землю уйдетъ, и никто работы ихъ не видитъ. Сумленье взяло братьевъ, хотѣли работу бросить; но во снѣ явилась имъ Богородица и говоритъ: «не сумлевайтесь, работа ваша не пропадетъ». Кончили братья работу: и куполъ, и кресты вывели... и вдругъ изъ-подъ земли, во всей красѣ, и вышелъ соборъ. Такъ онъ и до сихъ поръ стоитъ въ Кіевѣ» *).

Арій **).

«На Никейскомъ соборѣ Арій говоритъ: Богородицу должно звать не Богородицей, а Христородицей, а Никола говоритъ: «врешь!» да и въ ухо Арія. За это Николу посадили подъ арестъ».

Другой разсказъ о немъ же и того же разсказщика:

---

*) Разсказывалъ крестьянинъ Калязинскаго уѣзда, деревни Бобахина, Михаилъ Васильевъ Балдовкинъ. Ему было 60 лѣтъ, сапожничалъ въ Москвѣ и любилъ ходить въ Кремль во время споровъ, которые бывали тамъ на Пасхѣ. Онъ былъ неграмотный, но съ удовольствіемъ слушалъ чтеніе, любилъ поговорить и разсказывать слышанное.

**) Его-же.

«Арій жилъ 750 лѣтъ. Тридцать послѣднихъ лѣтъ въ немъ сидѣлъ чортъ. А умеръ Арій вотъ какъ: понудило его, и изъ него съ скверомъ вышло все нутро, а съ нимъ вышли его душа и чертъ. Онъ обезчестилъ Богородицу, а дѣло это было вотъ какъ: епископъ Арій на Вселенскомъ соборѣ сталъ говорить противъ Богородицы и называть ее Христородицей. Всѣ епископы молчатъ, только противъ Арія выискался одинъ молодой человѣкъ,—во имя его на Тверской въ Москвѣ, еще церковь стоитъ, а лико его съ такой еще предлинной бородой,—и началъ говорить съ нимъ. Заговорилъ Арія епископа, даромъ что былъ молодой, безбородый юнецъ. Озлился на него Арій и сказалъ: «ты еще безъ бороды, молокососъ—молчи! Я не хочу съ тобой говорить». Хорошо. Ушелъ юнецъ изъ собора, пришелъ къ себѣ въ коморку и сталъ просить у Господа бороды. И въ ночь она вдругъ выросла у него да предлиннѣющая! Вотъ, на другой день, опять всѣ епископы собрались на соборъ. Пришелъ юнецъ и сѣлъ насупротивъ Арія за столъ, а потомъ протянулъ черезъ него свою бороду къ Арію и говоритъ: «ну, Арій, не хотѣлъ ты говорить съ моимъ языкомъ, говори же теперь съ бородой. Что она скажетъ тебѣ? Ничего? И при бородѣ, все же будетъ говорить языкъ, а не она. Что жь ты молчишь, Арій?» Арій вскочилъ и говоритъ: «да что ваша Богородица, вѣдь Ее такъ называть и почитать можно было только тогда, когда Она носила въ себѣ Христа, а теперь Ее такъ называть нельзя. Принесите мнѣ мѣшокъ съ золотомъ!» Принесли. Арій высыпалъ изъ него золото, а пустой мѣшокъ показываетъ собору и говоритъ: «теперь чего стоитъ безъ золота мѣшокъ? Ничего?» Тутъ и вскочилъ Николай Чудотворецъ, тоже епископъ, горячій такой былъ—и бацъ въ ухо Арія. Ну вотъ за это взяли Николая Чудотворца и посадили его въ темницу; а пришли на утро и видятъ: облаченъ онъ въ свѣтлыя ризы. Выпустили. Вотъ какъ было дѣло на соборѣ, послѣ чего и вселился въ Арія бѣсъ.

«Арій до этого времени былъ первый вселенскій учитель, а послѣ егого епископы сдѣлали его безумнымъ, и онъ сталъ называться Аріемъ безумнымъ».

Запись Адамова *).

«Вотъ ужъ хорошо не помню, за что Адамъ далъ чорту карту на себя и на весь родъ человѣческій! за жену-ли или за землю? Кто говоритъ, что будто онъ далъ карту за жену, когда она была больна и чортъ вылѣчилъ ее, а кто говоритъ, что дѣло это было такъ: разъ пахалъ Адамъ, а къ нему подходитъ чортъ и говоритъ: «Адамъ, не дамъ тебѣ пахать землю, если ты не дашь на себя и потомство твое запись въ томъ, что пока человѣкъ живъ—будетъ Боговъ, а умретъ—будетъ мой.»—«А почему такъ?» спрашиваетъ Адамъ: «Потому, что земля не вся Бога: одна половина Его, а другая—моя». Адамъ хорошо этого не разобралъ, да и далъ чорту запись, чтобъ онъ не отымалъ отъ него пашни. Вотъ чортъ и побѣжалъ съ картой Адамовой и спряталъ ее подъ камень въ рѣкѣ Іорданѣ чтобъ ее никто не отыскалъ и не отняли-бъ отъ него Адамъ съ людьми. Съ тѣхъ поръ Адамъ и всѣ люди до Христа должны были послѣ своей смерти идти въ адъ подъ власть чорта. Хорошо. Родился Христосъ и пришелъ на Іорданѣ креститься. Господь сталъ на тотъ самый камень, подъ которымъ лежала Адамова карта. Камень сдвинулся съ мѣста, и карта очутилась подъ ногами Господа, а тутъ въ ней и вся запись стерлась. И уничтожилась карта, и непочемъ было больше чорту удерживать въ аду Адама съ людьми, и пришелъ Господь въ адъ, и вывелъ изъ него Адама со всѣмъ родомъ его». Писалъ свою запись Адамъ кровію, тогда чернилъ не было

---

*) Разсказъ Михаила Васильева.

Пророки и освобожденіе ихъ изъ аду.

«Адамъ, пророки и всѣ люди были въ аду до Христа. Только до Него были настоящіе пророки, а послѣ не было—всѣ лгутъ. Съ древнихъ же пророковъ и пошли свидѣтели на судахъ, а именно со времени пророка Елисея. Онъ видѣлъ, какъ пророкъ Илія былъ взятъ на небо и засвидѣтельствовалъ объ этомъ. Но только тогдашніе свидѣтели были вѣрны, нынѣшніе же—ложны.

«Сатана зналъ, что за Адамомъ, пророками и за всѣмъ человѣческимъ родомъ придетъ къ нему въ адъ Господь и ихъ уведетъ отъ него, но не вѣдалъ одначе, когда это случится. Знали о пришествіи Господа и пророки, но тоже не вѣдали времени этому. Говорятъ только промежь себя: «скоро, скоро придетъ за нами Господь», да все ближе подвигаются къ адскимъ вереямъ, чтобъ встрѣтить Его. Вотъ пришелъ въ адъ Іоаннъ Креститель и освѣтилъ его. Сатана смутился, а пророки молвили: «нѣтъ, это пришелъ не Господь, а Насвѣтлище Его, но скоро Онъ и самъ явится къ намъ». Вотъ Сатана и послалъ чорта изъ ада на развѣдки на землю: «пришелъ ли на нее Господь?» Вылетѣлъ чортъ и пошелъ отыскивать по землѣ Господа, а въ ту пору жиды распинали Христа на крестѣ между двухъ разбойниковъ. Вотъ чортъ и сталъ позади Его креста и слышитъ, говоритъ Господь: «Аллилуія, Аллилуія, слава тебѣ Господи! Боже, помилуй меня!» Не узналъ онъ Господа. Прибѣгаетъ въ адъ и говоритъ Сатанѣ: «не бойся, Сатана, еще не скоро придетъ къ намъ Господь: распинаютъ на землѣ жиды не Господа, а видно какого-нибудь пророка, потому что Онъ зоветъ на помощь къ себѣ Илью отъ насъ». Обрадовался Сатана; анъ вдругъ въ адъ и является Господь. «Крѣпитесь!.. Пришелъ!» закричалъ Сатана своимъ подначальнымъ бѣсамъ. Но передъ Господомъ пали адскія вереи и растворились вратà адовы. Захлопали въ ладоши пророки отъ радости, а царь Давидъ заигралъ на лирѣ и заплясалъ, и вывелъ Господь изъ аду Адама съ пророками и со всѣми людьми, а Сатану сковалъ на тысячу лѣтъ. Остался одинъ Сатана съ своими чертями въ аду. Бѣгаетъ по аду, вопитъ, что всѣхъ увели отъ него; вопятъ и его черти, а Господь и говоритъ ему: «Сатана, Сатана и вся адови! не вопите: попадутъ къ тебѣ еще всѣ земные чины: и цари, и архіереи, и господа, и купцы съ мужиками, снова наполнится твой кромѣшный адъ».

Сказаніе о Іудѣ предателѣ.

«Еще въ утробѣ матери сказался Іуда. Мать и отецъ Іуды три раза видѣли сонъ, въ которомъ говорилось имъ, что у нихъ родится сынъ и сперва убьетъ отца, а потомъ женится на матери. Родился младенецъ. Отецъ съ матерью думаютъ: что сдѣлать съ нимъ? Вотъ взяли да и положили его въ бочку и пустили ее на море. Плыветъ бочка съ младенцемъ по морю, пищитъ онъ въ ней, а на ту пору плылъ купецъ на кораблѣ. Услыхалъ онъ голосъ младенца и спасъ его отъ смерти. Взялъ купецъ Іуду къ себѣ, а какъ выросъ онъ, то заставилъ его садъ стеречь. Отецъ съ матерью Іуды неподалеку жили отъ купца; вотъ разъ отцу и захотѣлось яблоковъ. Пробрался онъ въ садъ и началъ воровать яблоки. Увидалъ вора Іуда и убилъ его, не зная, что это былъ отецъ его. Въ это время Іудѣ было семнадцать лѣтъ. Хорошо. Прошло еще три года, приходитъ купецъ къ вдовѣ, значитъ Іудиной матери, и говоритъ: «ты вдовѣешь, а у меня есть пріемышъ, но у меня своихъ дѣтей много, возьми къ себѣ въ домъ моего пріемыша и выходи за него замужъ». Вдова согласилась, и Іуда, не зная того самъ, женился на родной матери. Легли они на постель. Лежатъ, а жена и спрашиваетъ мужа, какого онъ роду и племени? «Да я и самъ этого не вѣдаю, отвѣчаетъ мужъ: а говорилъ купецъ, будто онъ нашелъ меня въ бочкѣ на морѣ». «Такъ вѣдь ты сынъ мой», говоритъ мать и разсказала, какъ было дѣло. Испугался Іуда, вскочилъ съ постели и убѣжалъ изъ дому матери-жены. А ужъ Господь ходилъ по землѣ

съ апостолами, и присталъ къ нимъ Іуда. Вотъ какъ было дѣло, и по первоначалу Іуда былъ первый апостолъ?» *).

Іуда предатель.

«Іуда предатель зналъ, что Господь выведетъ изъ ада всѣхъ людей. Ну, какъ онъ предалъ Господа и получилъ за Него тридцать сребренниковъ, такъ и задумалъ вотъ что сдѣлать: и изъ саду выйдти и деньги при себѣ оставить. Вотъ и побѣжалъ онъ давиться, чтобъ прежде Христа попасть въ адъ. Но подбѣжитъ къ одному древу, повѣсится на его вѣтви, а она и склонится къ землѣ; подбѣжитъ къ другому—повиснетъ, а она приклонится къ низу. Бѣгалъ, бѣгалъ—никакъ не можетъ повѣситься, ни одно древо его не принимаетъ къ себѣ. Значитъ, Господь не допускаетъ и хочетъ, чтобъ онъ, предатель, прежде покаялся, а Іуда этого не хочетъ, а только и думаетъ объ одномъ: какъ бы поскорѣе въ адъ. Видитъ дѣло плохо, а спѣшить надо; вотъ и усмотрѣлъ предатель одну глубокую колею, а на краю ея чуть-чуть только держится вывороченное древо того и гляди, что сейчасъ скатится въ выбоину. Взялъ Іуда да и бросился въ нее, присѣлъ, а древо и скатилось на него да такъ придавило предателя, что индо у него глаза выскочили изъ лба. Только не успѣлъ поспѣть въ адъ прежде Господа, Онъ ужъ вывелъ оттуда людей. Предатель опоздалъ и первымъ очутился съ кошелькомъ въ рукахъ въ аду у Сатаны. Вотъ какъ задавился Іуда, а не на осинѣ. На его деньги потомъ купили село Скудельное, и въ немъ до сего времени такая вонь, что никому невозможно жить въ селѣ, опричь однихъ змѣй, которыя тамъ живутъ и до сей поры».

Поясъ Господа **).

«Такая, значитъ, есть книга: «Страсти Господни» прозывается. Я самъ читалъ въ ней о крестѣ Господнемъ. Крестъ-то не только дается намъ людямъ, а несъ его и самъ Господь. Вотъ и взвалили на плечи Господни крестъ, сказано въ книгѣ той, и Онъ понесъ его, а крестъ-то былъ претяжелѣющій и упалъ Господь подъ нимъ, идучи своей дорогой. Не въ силахъ былъ снести Онъ крестъ. Упалъ Господь, а тутъ и помогъ Ему встать и нести крестъ сотникъ Логинъ, по нашему будетъ, значитъ, сотскій. Ну за эту добродѣтель его достался ему поясъ Господень, когда Его пригвоздили къ кресту и раздѣлили Его ризы. Подпоясался сотникъ Логинъ Господнимъ поясомъ и пошелъ во дворецъ къ царю, а царь въ ту пору былъ болѣнъ очами. Вотъ приходитъ Логинъ на дворцовый дворъ—и вдругъ вся земля потряслась, а дворецъ чуть не развалился. Всѣхъ людей и царя ужасть взяла. Спрашиваетъ царь: «что это значитъ? Отъ чего земля потряслась». Никто ему ничего не можетъ отвѣтить на это, а дворецъ все трясется. Но вотъ сотникъ Логинъ ушелъ со двора: и дворъ и дворецъ перестали трястись. Вернулся опять сотникъ—и снова началось трясеніе. Стали спрашивать Логина: «почему, когда онъ взойдетъ, земля трясется, а когда уйдетъ, перестаетъ трясеніе?» — «Не могу я знать этого», отвѣчаетъ Логинъ: «а рази такое чудо дѣлается отъ пояса, который на мнѣ». «Гдѣ ты взялъ его?» спрашиваетъ кесарь, по нашему, значитъ, царь. — «Я взялъ его съ того человѣка, котораго распяли». Ну тутъ кесарь взялъ поясъ да и потеръ имъ глаза свои—пропала болѣзнь. Вотъ тутъ только и догадались, что распяли не простаго человѣка. Разгнѣвался кесарь и приказалъ: Пилата и всѣхъ неправедныхъ судей Господа въ темницу посадить. И досталось же отъ кесаря за Господа всѣмъ судьямъ: казнить велѣлъ».

*) Разсказъ Михаила Васильева.

**) Это сказаніе я слышалъ отъ одного ямщика,—крестьянина Калязинскаго уѣзда, Аѳанасья Николаева. Человѣкъ не глупый, грамотный и бывалый.

Смерть Пилата *).

«Пилата кесарь велѣлъ казнить; сердиты на него были всѣ жиды, что Пилатъ стоялъ за Христа и отказался Его судить. А Пилатъ былъ у нихъ, какъ бы у насъ—губернаторъ. Вотъ и казнили Пилата: отрубили ему голову. Но тутъ сдѣлалось такъ: тѣло его осталось на землѣ, а голова поднялась на небо, значитъ достойна этого была».

Споръ сатаны съ Богомъ **).

«Только Богъ и Сатана никѣмъ не созданы, и никто не вѣдаетъ, откуда они взялись, ангеловъ-же сотворилъ Богъ. Сатана былъ равенъ Богу, но только безъ Него самъ собой ничего немогъ сдѣлать, сотворить. Они вмѣстѣ устраивали свѣтъ. Вотъ, когда Богъ сотворилъ воду, то и говоритъ Сатанѣ: «поди въ море, возьми со дна горсть песку и принеси Мнѣ, Я сотворю землю». Сатана досталъ со дна моря двѣ горсти песку (онъ ужъ и тогда задумалъ обмануть Господа и такъ же творить, какъ и Онъ), принесъ одну горсть и подалъ ее Богу, а другую затаилъ у себя. Богъ бросилъ горсть песку—и родилась земля. Но когда Онъ ушелъ, и кинулъ свою горсть Сатана, то на землѣ появились горбины и каменныя горы. Вотъ почему на землѣ родились горы. Сотворилъ Богъ ангеловъ и рай. Вотъ Сатана смутилъ многихъ изъ нихъ и задумалъ быть выше Господа и захотѣлъ устроить свой рай. Богъ создалъ небо, а Сатана—другое; Онъ—третье, а Сатана—четвертое; Господь сотворилъ надъ нимъ пятое, а Сатана еще выше сдѣлалъ шестое; Богъ сотворилъ седьмое, а Сатана—восьмое; и сталъ на немъ устраивать свой рай. Обвелъ онъ его крѣпкой стѣной. Богъ далъ жезлъ Михаилу Архангелу и послалъ его разрушить сатанинскій рай. Но Сатана сталъ палить огнемъ въ Архангела и не подпустилъ его къ стѣнѣ на тридцать верстъ. Вернулся Архангелъ къ Богу и сказалъ: «не могу, Господи, подойти къ стѣнѣ, огнемъ палитъ меня Сатана». Тогда Богъ далъ Архангелу другой жезлъ и приказалъ имъ ударить въ сатанинскую стѣну. Архангелъ ударилъ въ стѣну,—и вдругъ въ томъ мѣстѣ выскочила огненная стрѣла, изъ нея вышла другая, изъ этой третья, чѣмъ больше появлялось ихъ, тѣмъ больше рождалось огненныхъ стрѣлъ, и разлетались онѣ во всѣ стороны, и разщепали сатанинскую стѣну, разрушили его рай, а какъ ударили въ Сатану и бѣсовъ такъ онъ сверзился съ восьмаго неба въ преисподнюю, а бѣсы—кто куда попало: въ море, такъ тамъ и остается до сихъ поръ, въ лѣсъ—и бѣгаютъ лѣсовиками. Такъ разрушилось сатанинское восьмое небо и осталось семь небесъ, почему седьмица—великое число».

Сказаніе объ Абакѣ ***).

«Абака былъ ангелъ. Господь сотворилъ Адама, но еще не вложилъ въ него душу, ушелъ, а стеречь его оставилъ Абаку, приказавъ неподпускать Сатаны къ тѣлу. Сталъ Сатана прельщать Абаку и просить, чтобъ онъ позволилъ ему коснуться Адамова тѣла. Абака не согласился. Тогда Сатана напустилъ преужасный холодъ; Абака задрожалъ отъ него и какъ ни старался согрѣться, но не могъ: холодъ становился все сильнѣе. И вотъ Сатана сказалъ Абакѣ: «Я тебя согрѣю, дамъ тебѣ шубу, только дозволь мнѣ хоть взглянуть на тѣло человѣка». Не въ терпѣжъ отъ холоду стало Абакѣ, согласился онъ взять шубу и накрылся ею, а окаянный подошелъ къ тѣлу, плюнулъ на Адама и исчезъ. Вернулся Господь, вглянулъ на Адамовы тѣлеса, а потомъ на

*) Разсказъ Михаила Васильева.
**) Разск. Михаила Васильева.
***) Записано со словъ крестьянина Калязинскаго уѣзда Евсѣя Иванова.

Абаку. Видитъ, что на немъ шуба, къ Адаму подходилъ окаянный и стражъ не исполнилъ Его приказанія. И говоритъ Господь ему: «ходилъ ты, Абака, до сей поры обнаженнымъ, и не чувствовалъ ни жары, ни холода, нынче же ты согрѣшилъ: взялъ отъ Сатаны шкуру, прикрылся ею и допустилъ его къ Адамову тѣлу; отъ нынѣ, въ наказаніе отъ Меня, называйся ты не Абака, а собака! вѣчно ходи въ шкурѣ и служи человѣку Адаму. Но хоть ты и будешь ему служить и оберегать его, одначе будешь находиться въ презрѣніи у Адама человѣка; будетъ дозволено ему мытарится надъ тобой; узнаешь отъ него голодъ, терпѣть будешь отъ него и побои». Проклялъ Господь Абаку, сталъ онъ нечистымъ псомъ и залаялъ по собачьи:—а въ тѣлеса Адамовы Онъ вложилъ душу; но сатанинскаго плевка не стеръ съ нихъ. Съ тѣхъ поръ собака служитъ человѣку, а отъ сатанинской слюны въ человѣческомъ тѣлѣ произошла всякая хворь, отъ этой же сатанинской нечистоты теперь можно всякому колдуну къ человѣческому тѣлу присадить килу».

Кто создалъ козла *).

«Богъ сотворилъ человѣка. Завидно стало Сатанѣ и захотѣлъ онъ создать свое твореніе. Взялъ земли, сдѣлалъ тѣло, дунулъ,—анъ вышелъ козелъ! Отъ того и псиной отъ козла разитъ, что онъ сатанинское твореніе».

Кончина старой земли и наказаніе Сатаны **).

«Небо свернется въ скатерть; эта старая земля сгоритъ, а будетъ новая и на ней Господь устроитъ рай. И будутъ пороть желѣзными прутьями Сатану 12 ангеловъ и будетъ верещать онъ на всю вселенную, а потомъ кинутъ его на кумову постель. А та постель такая, что ее и теперь боится онъ: вся въ огнѣ, вколочены въ нее желѣзные гвозди. Вотъ какъ кинутъ его на нее, тогда ему и придетъ шабашъ; а теперь пока слободно. А міру опредѣлено быть семь тысячь лѣтъ: говорятъ, теперь восьмая тысяча идетъ, и это все правда можетъ быть. Господь сказалъ: «Могу прибавить, могу и убавить», коли увижу, что человѣкъ достоенъ этаго».

Чего чортъ боится ***).

«А какъ ты думаешь, вѣдь всѣ святые угодники безъ дьявола никогда не жили. Были два пустынника, вотъ одинъ и спрашиваетъ другаго: живетъ ли у него дьяволъ. «Нѣтъ», говоритъ этотъ: «я не вижу его».—«А мнѣ», говоритъ первый, дьяволъ такъ надоѣлъ, что хочу бросить свою пустыню и искать другую, авось онъ отвяжется отъ меня». Пошелъ пустынникъ искать себѣ новую пустынь, а дьяволъ за нимъ—не отстаетъ. Вотъ хорошо, долго-ли, коротко-ли они шли вмѣстѣ, только пустынникъ сталъ подходить къ одной деревнѣ и видитъ, что дьяволъ начинаетъ отъ него понемногу отставать. а потомъ и вовсе пропалъ. Пришелъ пустынникъ въ деревню и зашелъ въ избу къ хорошей вдовѣ, она была богомольная и жизнь хорошую вела. Пожилъ пустынникъ у этой вдовы нѣсколько дней и за все это время не видалъ дьявола. Хорошо. Надо пустыннику и отправляться. Простился онъ со вдовой и вышелъ изъ деревни. Думаетъ, что ужъ больше не увидитъ дьявола, анъ не тутъ-то было. Не отошелъ онъ еще и третей версты, какъ видитъ: стоитъ на межѣ его дьяволъ и поджидаетъ. Пошли опять рядомъ. Идучи, пустынникъ и спрашиваетъ его: «гдѣ это, дьяволъ, проподалъ ты?

*) Разск. Михаила Васильева.
**) Его же.
***) Его же.

столько прошло времени, а я не видалъ тебя».—«А потому не видалъ», отвѣчаетъ дьяволъ: «что мнѣ нельзя было взойти въ деревню, гдѣ ты былъ».—«Почему?»—«Потому, что тамъ живетъ благочестивая вдова и каждую минуту творитъ Христову молитву, а она жжетъ насъ дьяволовъ, какъ огонь». А Христова молитва коротенькая: «Господи, Іисусе Христе, помилуй меня!» вотъ и вся. Эта молитва всѣхъ лучше, читай ее поминутно и черезъ три года можно во святые попасть. Вонъ есть—«вѣрую», такъ та длинная, не запомнишь, а эта коротенькая и спасительная».

Когда свободенъ бываетъ Сатана *).

«Самый тяжелый часъ—12 часовъ ночью. Въ этотъ часъ дается Сатанѣ свободы на три секунды, и онъ тутъ что хочетъ, то и дѣлаетъ съ человѣкомъ. У насъ въ деревнѣ мужикъ ночью захотѣлъ пить; ну испилъ квасу въ полночь, да и не прикрылъ кувшина. Послѣ этого схватило его такъ, что прохворалъ три года. Съ нимъ сдѣлалъ это окаянный. Всегда надо ковшъ, али кувшинъ съ водой, когда изопьешь, чѣмъ нибудь прикрыть, хоть лучинку положить, не то Сатана взойдетъ въ непокрытую посудину и подшутитъ надъ тобой».

Св. Кононъ—сказаніе **).

«Святой Кононъ былъ начальникъ надъ всѣми дьяволами и что хотѣлъ, то и заставлялъ ихъ работать: пахать ли—пашутъ, дрова ли рубить—рубятъ, все должны были они исполнять по его приказу. Не помню хорошо, а надо быть, мощи св. Конона лежатъ въ Кіевѣ, тамъ онъ въ 12 кувшиновъ и всѣхъ дьяволовъ запряталъ. Надоѣли ему дьяволы, и захотѣлъ онъ уничтожить ихъ со свѣта. Вотъ и говоритъ онъ дьяволамъ, взявши 12 кувшиновъ: полѣзайте въ кувшины, а я буду варить пиво; когда сварю, буду васъ по одиночкѣ выпускать и угощать своимъ пивомъ». Черти вдались въ обманъ и влѣзли въ кувшины, а св. Кононъ взялъ да и зааминилъ ихъ тамъ. Ну черти и остались въ кувшинахъ. Потомъ св. Кононъ взялъ эти кувшины и закопалъ ихъ въ землю. Хорошо. Померъ св. Кононъ, а послѣ него на томъ мѣстѣ, гдѣ были зарыты черти въ кувшинахъ, стали строить церковь. Начали копать тутъ землю, и рабочіе наткнулись на кувшины.—«Ахъ, братцы,» сказали они; «кладъ нашли мы», и вынули одинъ кувшинъ. Разбили его; а изъ него вдругъ такая несосвѣтимая тьма вылетѣла чертей, что индо солнышко помрачилось отъ отъ нихъ, и тутъ рабочіе испугались не стали трогать остальные кувшины.—Такъ въ Кіевѣ и до сей поры стоятъ 11 кувшиновъ съ зааминенными чертями: а не случись это, черти заполонили бы всю вселенную, они въ кувшинахъ-то превратились въ песчинки».

Сказаніе объ ангелѣ Симѣ ***).

«А слыхали ли, кто въ Москвѣ воздвигъ Симоновъ монастырь? Давно ужъ это было, можетъ быть Москва еще только зачиналась, жила въ ней вдова Марія и родила она двухъ вьюношей младенцевъ. Родила она, а Господь и посылаетъ ангела Сима на землю и велитъ ему вынуть душу изъ вдовы Маріи. Прилетѣлъ Господень ангелъ къ Маріи, а вдова въ это время спала и по обѣимъ ея сторонамъ лежали вьюноши-младенцы. Увидалъ это Симъ, и жалко стало ему ихъ; вернулся къ Господу и говоритъ: «не могу, Господи, вынуть душу изъ Маріи, жаль мнѣ младенцевъ, на кого останутся

*) Разсказъ Михаила Васильева.

**) Его же.

***) Разсказъ Евсѣя Иванова.

сироты?»—«Не твое дѣло», говоритъ Господь:» принеси мнѣ Маріину душу». Опять прилетѣлъ къ ней Симъ, опять сжалился надъ вьюношами—и не могъ вынуть душу изъ вдовы: «Не могу, говоритъ, Господи!» Приказываетъ ему Господь въ третій разъ—ангелъ Симъ не вынимаетъ. Тогда Господь посылаетъ за душей Маріи другаго ангела, а у Симона отнялъ ангельскія крылья и заключилъ на землю. Взялъ другой ангелъ изъ Маріи душу и отнесъ ее къ Господу, а Симонъ остался съ сиротами. Началъ онъ воспитывать ихъ и наставлять въ вѣрѣ, а тамъ собралъ вокругъ себя братію и построилъ монастырь. И такое завелъ Симонъ у себя пѣснопѣніе, что подобнаго нигдѣ не было на землѣ: сходились слушать его пѣніе князья и короли, дивились и спрашивали что онъ за человѣкъ, откуда пришелъ, барскаго или поповскаго онъ рода? Симонъ отвѣчалъ, что онъ рода не человѣческаго, а ангельскаго, и разсказалъ, какъ очутился на землѣ. Князья съ королями и говорятъ ему: «Коли ты, Симъ, правду говоришь, то спой намъ гласомъ ангельскимъ».—«Хорошо», отвѣчаетъ Симъ: «спою я вамъ гласомъ ангельскимъ, только вы падите ницъ и преклонитесь къ землѣ, иначе всѣ оглохнете отъ моего ангельскаго гласа». Пали ницъ князья и короли. И запѣлъ Симонъ гласомъ ангельскимъ, запѣли съ нимъ и его вьюноши. Услыхалъ Господь пѣніе ангельское: Симъ поетъ, поютъ съ нимъ и вьюноши, а у нихъ крылья ангельскія растутъ да ростутъ, отросли совсѣмъ—и понеслись на нихъ Симонъ съ вьюношами къ небесамъ. Простилъ, значитъ, Господь Сима. Вотъ отъ этого-то ангела Сима и произошелъ въ Москвѣ Симоновъ монастырь».

Сколько разъ дьяволъ прельщалъ Еву?

«Дьяволъ два раза и въ двухъ видахъ прельщалъ Еву. Въ первый разъ онъ обернулся въ лягушку, а въ другой разъ въ змія. Вотъ какъ было дѣло: разъ идетъ по раю Михаилъ Архангелъ съ жезломъ и видитъ, что Ева спитъ, а подлѣ самаго ея уха сидитъ «скареда», лягушка такъ прозывается.—«Откуда это взялась скареда?» думаетъ Архангелъ: «какъ это она пробралась въ рай?» Подошелъ, да ее жезломъ и тронулъ, и вдругъ скареда исчезла, а передъ нимъ явился самъ Сатана, и на поединокъ съ Архангеломъ готовъ. Ну, въ этотъ разъ, кое-какъ по чести вывели Сатану изъ рая;—а онъ, выйдя, кинулся въ море, а въ него впадала райская рѣка, по ней-то опять онъ пробрался въ рай, обернулся въ змія и ужъ въ этотъ разъ соблазнилъ жену Адама» *).

Книга Давидова **).

«Царь Давыдъ бывало, что ни напишетъ, то все въ море кинетъ. Если была написана правда-истина, то всѣ листы должны были собраться вмѣстѣ и всплыть, а если была написана ложь—потонули на днѣ. И собрались всѣ листы Давыдовы вмѣстѣ, и вышла изъ нихъ Давыдова книга».

О вѣрѣ ***).

«Послѣ смерти царевича Димитрія нѣтъ больше настоящихъ мощей, онѣ закончились въ Россіи имъ. Царь Алексѣй Михалычъ да Никонъ патріархъ сдѣлали вѣру короче, а допрежде этого она была длиннѣе. Короче стала нонѣ потому, что теперь обѣдню служатъ на пяти просвирахъ, а въ старину на семи. И вѣра, старая, значитъ,

*) Слышано отъ многихъ.

**) Разсказъ Михаила Васильева.

***) Его же.

была правѣе, потому что семь небесъ, и вѣку опредѣлено на семь тысячъ лѣтъ и сказано въ писаніи, что никто ничего не можетъ ни прибавить, ни убавить, что положено святыми отцами, одинъ только Господь можетъ и прибавить и убавить. Староверы такъ и дѣлаютъ, а вотъ у насъ—гдѣ прибавлено, гдѣ убавлено, а Господь глаголетъ, кто это сдѣлаетъ, будетъ проклятъ».

«У насъ читается «еси», это значитъ: ѣсть, а надо говорить: «ради душъ нашихъ, а не еси душъ нашихъ, точно Богородица хочетъ ѣсть наши души. Староверы, значитъ вѣрнѣе нашего читаютъ молитву Богородицы. «Вѣрую» надо читать: «вѣрую и во второй соборъ и въ единороднаго Сына, въ Бога и Духа Святаго, а у насъ изъ «Вѣрую» выпущенъ соборъ—ну, значитъ, неправильно».

«Каждый день слѣдуетъ класть по 700 поклоновъ, староверы такъ и дѣлаютъ; а кто побывалъ на свадьбѣ, то тому человѣку нужно за это положить 30 земныхъ поклоновъ, потому что на свадьбѣ бываетъ всякое безпутство: и сквернословіе, и пьянство, и плясъ».

«Безъ святаго причастья никто не попадетъ въ рай. Знаешь ли, почему утираютъ уста, когда человѣкъ приметъ причастье? Это для того, чтобы осталось причастье для тѣхъ, кто въ церкви не принимаетъ его, вотъ хошь бы староверы. На устахъ и усахъ все-таки кой что остается, ну и собираютъ про запасъ».

О бородѣ.

«Грѣхъ великій человѣку брить бороду и усы. Лицо свое всякій человѣкъ долженъ сохранить по образу Божію. Господь далъ намъ съ Себя на холстѣ свой образъ, знаешь Спасъ Нерукотворенный? Тамъ и усы и борода. Въ писаніи сказано: «человѣкъ можетъ взойти въ рай и безъ головы, а безъ бороды—никогда. «Когда идешь къ причастью, то не подстригай и не сбривай усье—грѣхъ, а пригладь».

«Бороду съ человѣка можетъ снять только одна власть; она прежде и сняла ее съ насъ. Но когда у насъ брили бороду, то человѣкъ не грѣшилъ, потому что это было приказано властью. А что такое власть? Вотъ насъ у царя сто милліоновъ, а всѣ мы за него не можемъ умолить Господа за одинъ его грѣхъ; онъ же можетъ одинъ упросить Господа за грѣхи всѣхъ насъ».

О табакѣ.

«Кто куритъ, али нюхаетъ табакъ, такъ того человѣка нельзя хоронить тамъ, гдѣ солнышко прямо свѣтитъ на могилу; а кто понюхаетъ въ церкви, такъ это такой же грѣхъ, какъ бы я старикъ соблудилъ съ молодой дѣвкой.

Что значитъ: ты и вы *).

«Мы на молитвѣ молимся и говоримъ «ты» Господу, и сколько разъ такъ Его «тыкнемъ». Но попробуй хоть разъ «тыкнуть» господина, али становаго, такъ они тѣ покажутъ твое тыканье. А знаешь ли, что значитъ слово «вы?» Оно значитъ—«вышнихъ». «Вышній—Богъ, а «ты»—Господь.

В. Г. Суворовъ.

*) Его же.

Къ статистикѣ литовскихъ народныхъ книгъ.

Statistika lietuviszkų knygų atspaustų Prusuose nuo 1864 m. iki pabaigai 1896 m.

Statistique des livres lithuaniens imprimés en Prusse de l'an 1864 jusqu'à la fin de l'an 1896, et appel de la nation lithuanienne. Tilsit (Prusse orientale). Livrés à l'imprimerie en 1897 et imprimés en 1898. 12°. 96 стр.

Изъ втораго литовскаго заглавія этой книжки: «Suskaita arba statistika visu lietuviszkų Knygų atspaustų Prusūse nū 1864 metų iki pabaigai 1896 metų Surasze A. Ionas Zanavikutis. Tilžeje. Kosztu autoriaus. Spaustuvije Otto v. Mauderode», видно, что надъ составленіемъ статистики литовскаго книгопечатанія трудился нѣкій Янъ Занавикутисъ (псевдонимъ). На 54 страницахъ приведено всего 496 изданій, за небольшимъ исключеніемъ контрафакцій, отпечатанныхъ 14 извѣстными книгоиздательскими фирмами въ Кенигсбергѣ, Рагнитѣ, Мемелѣ, Тильзитѣ, Битенахъ, Веймарѣ и Краковѣ. Статистика отпечатанныхъ, внѣ предѣловъ русской Литвы, литовскихъ народныхъ книжекъ составлена на основаніи выписокъ, и справокъ, доставленныхъ отъ книгоиздателей. Въ концѣ книги помѣщены двѣ таблицы: 1) Обзоръ распространенія литовскихъ газетъ, напечатанныхъ для русскихъ Литовцевъ въ Пруссіи. 2) Обзоръ экземпляровъ всякихъ книгъ, контрафакцій и газетъ и ихъ номинальной стоимости. По этимъ выводамъ оказывается, что въ теченіе 32 лѣтъ появилось въ Пруссіи русско-литовскихъ газетъ всего девять, а именно Auszra, Apszvieta, Apžvalga, Garsas, Szviesa, Teognis Sargas, Ukininkas, Ukininko priedai, Varpas. Изъ нихъ отдѣльныхъ номеровъ распространено всего болѣе газеты клерикально-ксендзовской «Apžvalga», за тѣмъ свѣтскаго содержанія народно-земледѣльческой газеты «Ukiniknas» (Господарь) и наконецъ органа литовской интеллигенціи «Varpas». Всего отпечатано было отдѣльныхъ №№ 427, 100 экз., а годовыхъ экз. 75900, за что уплочено 58,100 рублей. Вторая таблица показываетъ, что вмѣстѣ съ латышскими контрафакціями, назначенными для восточныхъ латышей-католиковъ Витебской губ., всего отпечатано 3,980.750 экземпляровъ т. е. четырехъ милліоновъ, за что уплочено 1,523,184 рубля или по 38—39 к. за книжку или отд. брошюрку.

На стр. 18-ой приведена брошюра А. Барановскаго Anykszczių szilelis, что не совсѣмъ точно, такъ какъ это чисто научное изданіе на нѣмецкомъ языкѣ составлено Г. Веберомъ въ Веймарѣ, для изображенія Оникштенскаго говора приложены двѣ транскрипціи, одна діалектическая, другая Шлейхеровская и во всякомъ случаѣ къ разряду литовскихъ контрафакцій причислена быть не можетъ. Изъ молитвенниковъ больше всего отпечатано было золотыхъ алтаржиковъ (Auksa Altorius senas ir naujas) 401,000; азбукъ или такъ называемыхъ элементаріусъ (Lementorius del mažu vaikeliu) отпечатано 403,500 а календарей 617,200 экз. Исключая же латышскихъ книгъ, чисто литовскихъ изданій остается 3,705, 250 экз., что обошлось въ 1,384, 109 рублей. Инфлянтскихъ контрафакцій, по свѣдѣніямъ Занавакутиса, печаталось молитвенниковъ (Pilniejga gromata Lyngszom) всего 158,000, элементоріусовъ (Pilns Elementiers) всего 117,500 экз., что стоило 139,075 рублей. Кромѣ того восточно-латышскія контрафакціи печатались въ Галландіи, а въ новѣйшее время въ Гельсингфорсѣ. Что далеко не всѣ 4 милліона литовскихъ контрафакцій попали въ руки Литовцевъ, само собою разумѣется, въ прим. къ стр. 54 разсказано, что въ 1896 г. сразу 1000 экз. № 1-го клерикальной газетки Tevynes Sargas (Stróż Ojczyzny) попали въ руки властей, которыя и распорядились сожженіемъ ихъ въ Вильнѣ (обыкновенно на пожарномъ дворѣ). Въ приложеніи къ этой статистикѣ помѣщены воззванія о стѣсненномъ положеніи литовской печати на языкахъ литовскомъ, польскомъ, французскомъ, англійскомъ и нѣмецкомъ. Изъ этого видно, какъ строго карается нахожденіе литовскихъ контрафакцій у Литовцевъ и какъ строго преслѣдуется участіе Литовцевъ въ изданіи книгъ и журналовъ заграницею. Но не смотря на эти мѣры преслѣдованія литовской книги, число изданій возрастало съ каждымъ годомъ и вслѣдствіе участія и прусской

полиціи въ этомъ дѣлѣ литовское книгоиздательство принуждено было развиваться все болѣе и болѣе въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ въ настоящее время издаются два серіозныхъ журнала Tevyne, органъ союза литовскихъ обществъ Сѣверной Америки (редакторъ президенты, раньше Зѣлинскій, теперь А. Теплюшисъ), въ Плимутѣ Пенсильванскомъ и Dirva (Lithuanian Quarterly Publication, published af Rev. A. M. Milukas Shenandoah, Pa). Въ предисловіи г. Іонасъ Занавикутисъ подтверждаетъ снова громадную пользу изданія Географическимъ Обществомъ «Библіографическихъ Матеріаловъ Балтрамайтиса». Только слѣдуетъ вспомнить, что такого рода библіографическіе указатели нуждаются въ частыхъ пополненіяхъ. Еще въ 1893 г. въ № 5 газеты «Vargas», стр. 76 было указано что № 1277 и 1802 изд. Янкуса вовсе не были отпечатаны [1]). Затѣмъ для полной характеристики всей этой контрафакціонной литературы необходимо, при напечатаніи новаго указателя литовскихъ книгъ пользоваться числовыми данными г. Занавикутиса, прибавляя къ нимъ обзоры главныхъ родовъ печатныхъ произведеній Литвы, ихъ не такъ много и интересно конечнс знать, чтò кромѣ алтариковъ (стараго и новаго, большаго и малаго), кантычекъ (или книгъ духовныхъ пѣсенъ), памятниковъ, календарей и азбукъ въ Литвѣ было издано. Авторы, скрывающіеся подъ разными псевдонимами впредь до разрѣшенія печати въ Россіи, особаго значенія не имѣютъ. Во всякомъ случаѣ книга Занавикутиса, и помимо своихъ полемическихъ цѣлей, служить можетъ матеріаломъ для исторіи культуры Литвы за послѣднія 40 лѣтъ и той замѣчательной національной стойкости, которую обнаруживаетъ въ этихъ цифрахъ статистика литовской книги весьма нагляднымъ образомъ. Какъ усердно уничтожается литовская книга, видно изъ того, что любимая напр. книга «Palangos Inze» (изд. 1882 г.) составляетъ библіографическую рѣдкость не только въ Россіи, но и въ Германіи; также тщетными останутся поиски за брошюрами въ родѣ «Lietuvos Mesijis» и др. книжекъ антикатолическаго и антирелигіознаго направленія.

Э. Вольтеръ.

---

[1]) См. статью Liesuvisznoji bibliografija. Другая статья по библіографіи «Lituanica leukisznoje kalboje», составленная Станиславомъ Юрьевичемъ, напечатана въ «Apszvieta» 1892, № 6, стр. 473—485.

Записки по Отдѣленію Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Томъ I. Подъ редакціею д. чл. *В. И. Ламанскаго.* Спб. 1867 г. Ц. 2 р.
» II. Подъ редакціею д. чл. *Л. Н. Майкова.* Спб. 1869 г. Ц. 2 р. 50 к.
» III. Подъ редакціею д. чл. *Л. Н. Майкова.* Спб. 1873 г. Ц. 2 р. 50 к.
» VI. Подъ редакціею д. чл. *А. И. Савельева.* Спб. 1871 г. Ц. 3 р. 50 к.
» V. Подъ наблюденіемъ д. чл. *О. Ѳ. Миллера* и *П. А. Гильтебрандта.* Спб. 1873 г. Ц. 2 р. 50 к.
» VI. Подъ редакціею д. чл. *Н. И. Веселовскаго* и *П. П. Лерха.* Спб. 1880. Ц. 2 р.
» VII. Подъ редакціею д. чл. *Л. Н. Майкова.* Спб. 1877. Ц. 3 р.
» VIII. Подъ редакціею д. чл. *П. А. Матвѣева.* Сборникъ юридическихъ обычаевъ. Спб. 1878. Ц. 3 р.
» IX. Подъ редакціею д. чл. *Л. Н. Майкова*: 1) Извѣстія Константина Багрянороднаго о Сербахъ и Хорватахъ. *К. Я. Грота.* 2) Волжскій бассейнъ по книгѣ Большаго Чертежа. *Е. К. Огородникова*, 3) Изслѣдованія по каменному вѣку. *И. С. Полякова.* Спб. 1882. Ц. 2 р. 50 к.
» X. Вып. 1. Путешествіе черезъ Сибирь до границъ Китая Николая Спаѳарія въ 1675 г. Подъ редакціею д. чл. *Л. Н. Майкова.* Спб. 1882. Ц. 1 р. Вып. 2. Посольство къ Зюнгарскому хунъ-тайчжи Пэванъ Рабтану Ивана Унковскаго и путевой журналъ его за 1722—1724 годы. Спб. 1887. Ц. 1 р. Вып. 3. Гемонологическіе разсказы Киргизовъ. *М. Меропіева.* Подъ редакціею д. чл. *Н. И. Веселовскаго.* Спб. 1883. Ц. 30 к.
» XI. Подъ редакціею д. чл. *Л. Н. Майкова.* Антропологическія изслѣдованія среди Мордвы-Эрзи. *В. М. Майнова.* Спб. 1883. Ц. 3 р.
» XII. Подъ редакціею д. чл. *Л. Н. Майкова.* Сказки и преданія Самарскаго края, собр. *Д. Н. Садовниковымъ.* Спб. 1884. Ц. 2 р. 50 к.
» XIII. Подъ редакціею чл.-сотр. *Ѳ. М. Истомина.* Вып. I. Угро-русскія народныя пѣсни, собр. *Г. А. де-Волланомъ.* Спб. 1885. Ц. 1 р. Вып. 2. Гомельскія народныя пѣсни. Запис. *З. Радченко.* Спб. 1888. Ц. 1 р. 50 к. Вып. 3. Пинчуки. Этногр. сборникъ *Д. Г. Булгаковскаго.* Спб. 1890. Ц. 1 р. 20 к.
» XIV. Подъ редакціей д. чл. *П. А. Соколовскаго.* Вып. I. Очеркъ юридическаго быта Мордвы. *В. Н. Майнова.* Спб. 1885. Ц. 1 р. Вып. II. Вотяки Сосновскаго края. *Гр. Верещагина.* Спб. 1886. Ц. 1 р. Вып. III. Вотяки Сарапульскаго уѣзда Вятской губ. *Гр. Верещагина.* Спб. 1888. Ц. 1 р.
» XV. Вып. I. Подъ наблюденіемъ чл.-сотр. *П. А. Соколовскаго* и *Ѳ. М. Истомина:* Матеріалы для Этнографіи латышскаго племени Витебской губ. Собр. и снабд. объясн. *Э. А. Вольтеръ.* Часть I. Спб. 1890. Ц. 4 р.
» XVI. Очерки быта буддійскихъ монастырей и буддійскаго духовенства въ Монголіи. *А. М. Позднѣева.* Спб. 1887. Ц. 3 р.
» XVII. Подъ редакціей д. чл. *Н. И. Веселовскаго.* Вып. I. Таранчинскія пѣсни. Собр. и перевед. *Н. Н. Пантусовымъ.* Спб. 1890. Ц. 2 р. Вып. II. 1) Обитатели, культура и жизнь въ Якутской области. *М. С. Вруцевича.* 2) Матеріалы по антропологіи и этнологіи Киргизъ. *В. Д. Тронова.* 3) Обычаи и обычное право Киргизъ. *Его-же.* 4) Обряды и обычаи Чувашъ. *В. М. Михайлова.* 5) Поѣздка къ Карагасамъ въ 1890 г. *Н. Ѳ. Катанова.* Спб. 1891. Ц. 1 р. 50 к.
» XIX. Вып. I. Подъ редакціею д. чл. *В. И. Ламанскаго.* Соловки. *П. Ѳ. Федорова.* Кроншт. 1889. Ц. 3 р Вып. II. Подъ ред. чл.-сотр. *А. Н. Пыпина.* Народн. обычаи Саратовск. губ. Собр. *А. Н. Минхъ.* Спб. 1890. Ц. 1 р.
» XX. Подъ ред. д. чл. *В. И. Ламанскаго* и чл.-сотр. *Ир. Н. Половинкина:* Смоленскій Этнографическій сборникъ. Сост. *В. Н. Добровольскій.* Ч. I Спб. 1891. Ц. 5 р.
» XXI. Вып. I. Подъ ред. чл.-сотр. *Ѳ. М. Истомина.* Сборникъ библіографическихъ матеріаловъ для географіи, этнографіи и статистики Литвы. Составилъ чл.-сотр. *С. Балтрамайтисъ.*
» XXII. Подъ ред. д. чл. *В. И. Ламанскаго*, чл.-сотр. *Ир. Н. Половинкина* и чл.-сотр. *П. Д. Драганова:* Македонско-Славянскій сборникъ съ приложеніемъ словаря. Составилъ П. Драгановъ. Вып. I. Спб. 1894. Ц. 1 р.
» XXIII. Вып. I. Подъ ред. чл.-сотр. *Ир. Н. Половинкина.* Смоленскій Этнографическій сборникъ. Сост. В. Н. Добровольскій. Ч. II. Спб. 1894. Ц. 2 р. Вып. II Смоленскій Этнографическій Сборникъ. Сост. В. Н. Добровольскій. Ч. III. Пословицы. Спб. 1895. Ц. 1 р.
» XXIV. Мэнъ-чу-ю-му-дзи. Записки о Монгольскихъ кочевьяхъ. Переводъ съ китайскаго П. С. Попова. Спб. 1895. Ц. 2 р. 50 к.

Всѣ эти изданія можно получать въ Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ. СПВ., у Чернышева моста.

ИЗВѢСТІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

СЕКРЕТАРЯ ОБЩЕСТВА,

выходятъ не менѣе 6 разъ въ годъ несрочными выпусками, изъ которыхъ къ концу года составляется томъ листовъ въ 30.

„**Извѣстія**“ представляютъ сборникъ статей, читанныхъ въ собраніяхъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Въ «Извѣстіяхъ» печатаются также журналы засѣданій Общества, обзоръ географической литературы о Россіи и странахъ съ нею сопредѣльныхъ и отзывы о книгахъ и картахъ, приносимыхъ Обществу въ даръ и имѣющихъ отношеніе къ предметамъ занятій Общества.

☛ ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ ☚

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

пожизненные, а равно и уплатившіе установленный членскій взносъ за текущій казначейскій годъ, имѣютъ право на *безплатное* полученіе „**Извѣстій**“ съ доставкою на домъ и пересылкою.

(Постановленія Совѣта И. Р. Г. О. отъ 22 февраля 1882 г. и 24 октября 1883 г.)

„**Извѣстія**“ высылаются лишь тѣмъ изъ гг. членовъ Общества которые заявятъ письменно о желаніи ихъ получать.

ДЛЯ ПОСТОРОННИХЪ ЛИЦЪ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА „ИЗВѢСТІЯ“ ВЪ ГОДЪ:

Безъ доставки и пересылки	3 р.	— к.
Съ пересылкою въ Россіи	3 »	50 »
Съ пересылкою за границу	4 »	— »

Стран.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Цѣна 1 р. 50 к.